Кожемякин
Николай
ИТОГИ
Г
А

2

Козьмякин Николай

Не количество талантов в обществе,
а отношение к ним определяет
количество и качество
шедевров.

ИТОГИ 2
СТИХИ

Полное собрание сочинений

Артемовская ЦБС
Свердловской обл.

РАННЕЕ

Сегодня исполняется девяноста лет КОМСОМОЛУ. Мне повезло, комсомол сделал из меня то, что я есть сегодня. В комсомоле меня научили жить и работать, работать осознанно, для людей.

Н. Кожемякин 2008 г.

Сегодня дорога закончилась,
Сегодня маршрут завершен,
Луна над тайгою нахохлилась
И горы укутал сон.

Звенит над тайгою озябшею
Гитары поющая медь,
И манит мечту загулявшую
Сердце над песней погреть.

Конечно, дорога нелегкая,
Конечно, рюкзак на плечах,
Конечно, штормовка промокшая
Но песня хрустит на зубах.

Но если ты потом и нервами
Вершину какую-то взял,
То знай, что до счастья, наверное,
Немножечко не дошагал.

1971.

Мне б сейчас не асфальт, не стекло да бетон,
И не гари бензиновой запах,
Мне сейчас бы коня, да копыт перезвон,
Да шальных двадцать два, что мне было когда-то.

Я есенинский стих переделал бы враз,
И, задрав до пупа панталоны,
Я с десятком таких вот как сам на КАМАЗ
Дал бы деру в товарном вагоне.

1976

Из-за взвившихся крыш ухмыльнется закат,
Из автобуса выпорхнет счастье,
И одетые в камень дома загрустят,
И подернутся тюлью бесстрастно...

Нет, шалишь. говорю, не мое амплуа,
Мне подобный удел не подходит,
Мое счастье запрятала где-то тайга
И найду я его на восходе.

Будет конь подо мной и гриваст и горяч.
Будет плечи усталость коробить,
Будет шкура медвежья седло укрывать.
Будет песня в груди колобродить.

Я легко подыму на шершавых руках
Свое трудное, светлое счастье,
И покуда дышу и стою на ногах
Буду нежным. упрямым и страстным.

1967

Солнца край за кудлатые ели
Зацепился пылающим лучиком.
И качается алой метелью
Под лохматыми синими тучами.

Вдоль над лесом надраенной медью
Распласталась зарница вечерняя.
Призрак облачный медленно едет
Пух тайги под туманы отмеривать.

Забегу я вперед того призрака,
Спрячусь в мглистую сырость ольшаника,
Затаюсь под набрякшими листьями,
Заночую в осоке с туманами.

Подсмотрю как под ивой плакучею
В черном омуте ведьма купается,
Как усы у лесного закручены,
Как русалки луне улыбаются.

Залюбуюсь зелеными искрами,
Хороводной русалочьей песнею,
И в глаза их бездонно-лучистые
Опущу свое прошлое грешное.

Душу вымою, выбелю начисто,
Выгру зеленью влажных волос,
И к утру по осоке покатятся
Рифмой четкою капельки слез.

1970.

Липа, сплошная липа
Перепутались все мозги,
Не подумавши, попросту влип я,
И в науке не вижу ни зги.

Альдегиды, фенолы, кетоны,
Мощность, плотность, работа, бином...
В голове словно щебня пол тонны
И всю ночь колокольный звон.

Беспорядочной жизни этапы,
От зачета к зачету рывки,
Безнадежная памяти слабость
Выливается болью в стихи.

Растекаясь рифмованной строчкой,
Мысль течет, как расплавленный воск,
Пустозвоном рассохшейся бочки
Гулко ухает загнанный мозг.

1967

Воробьиным чириканьем утро
Мягкой лапой шагнуло в окно,
Ночь куда-то исчезла, как будто,
Ветер черное выпил вино.

Я не сплю, я встречаю полоску
Нежно-розовой ранней зари,

И из слов, как из мягкого воска.
Начинаю ту зорю лепить.

Темно синею лентой далекой
Лес закутался зябко в туман.
Тянет щупальца к лесу дорога
Распахнув словно шубу бурьян.

1969.

Замела дорогу, заломала душу,
Саваном - бураном занесла следы.
Защемила сердце непогода - стужа,
И уже до счастья видно не дойти.

Годы - переходы тропкою крутою
Словно к перевалу убегают в жизнь.
И как будто кто-то буйной сединою
Гриву шевелюры начал серебрить.

А дорога к счастью через все невзгоды
В буреломах мысли нитью пролегла.
Но чем ближе к цели - злее непогода.
А от непогоды голова бела.

1970.

День меж тем дыханьем греет,
Отступлению черед.
На байдарке парень млеет -
Щука крупная берет...

Подойдет, толкнет блесенку
И, как будто невзначай,
Бултыхнется веретенцем -
Ну-ка ты меня поймай!

А парнишка крутит спиннинг,
По щеке струится пот,
В напряжении выгнул спину -
Вот ведь, шельма, не берет!

Раз за разом, взмах за взмахом
Утирается рукой,
Ну, еще разочек... ахнул!
Спиннинг выгнулся дугой.

И пошла, пошла потеха!
Кто кого! леса тонка...
Только тут уж не до смеха.
Не обманешь рыбака.

Не давай, браток, слабину,
Подводи ее к борту!
Вот уж видно щучью спину...
И блесна, блесна во рту!

Крутит, крутит он катушку,
Водит щуку так и сяк,
Вот ужо тебя - старушку!
Все забыто, я - рыбак!

А капроновая леска
Будто впрямь из сердца нить.
Щука встала и ни с места...
Э, да что там говорить!

Эко, брат ты мой, полено!
Тут уж вытащишь не враз...
А ну, ослаблю постепенно...
Тьфу ты, ведьма! Сорвалась!!!

Закурил со злости парень,
Затянулся дымом всласть...
Да, не тот карась, что варишь,
Вот сорвался - то карась!

1968.

Сессия, сессия, сессия.
Экое мыслей месиво.
Экая демократия
Превращенная в бюрократию.

Глобальных проблем скопище,
Ну, выступайте же, кто еще?
Брякаем языком, брякаем,
Запишем, пришьем, спрятаем.

1979.

Счастливая девушка, тоненькая
Новенькие часы и кольцо,
Бровь уголком изломана,
Горящие маки лицо.

Белою шапочкой сдвинута
На затылок копна волос,
Небрежно рука откинута,
В глазах почему-то вопрос...

1970.

Ты пришла сама, тебя никто не звал,
Пришла и просто встала у порога.
Да я не ждал тебя, совсем не ждал,
Ведь ты всегда была такая недотрога.

А ты разделась, села на диван,
И дерзким взглядом комнату окинув,
Сказала с вызовом: "Ну что, не ждал?"

Как будто расколола недоверья льдину.

И сразу словно в комнату мою
Пришел другой хозяин - властолюбец,
Исчез весь холостяцкий не уют,
Улыбка махом растянула губы.

Мы пили чай, дешевый и несладкий,
Ты дула в кружку и жевала черствый хлеб,
И как-то просто, слишком просто, по порядку
Рассказывала, как пришла ко мне.

1968.

Ты не то чтобы красива,
И не то чтобы умна,
И не то чтобы спесива,
Просто ты - моя жена.

Или сам тебя я выбрал
Холоднющею зимой,
Или черт тебя мне выдал
По подложной накладной.

Но была ты не такою,
Видит Бог и сатана,
Ты тогда была женою
А сейчас ты не жена.

Ты сейчас - гюрза в пустыне,
Ты сейчас - басмач в степи,
Ты сейчас - анчар... а ныне...
Страшно мне домой идти.

1972.

На Руси всегда били баб мужики...
А сейчас вот не бьют.
Бабы воду в бадейках носили с реки...
А сейчас не несут.

Бабы били вальком половик на реке...
Нет не слышно, не бьют.
Бабы в поле с утра жали рожь вдалеке...
Нет, не видно, не жнут.

Бабы русские хлеб в русской печке пекли...
А сейчас не пекут.
Бабы в поле рожали, ткали, шили, мели...
А сейчас вот не ткут.

Бабы пьяную брагу варили мужьям...
А сейчас не дают.
Только чаще и чаще вот думаю я:
Зря их все же не бьют.

1969.

Русский царь Александр в 1861 году
Написал указ и... отменил крепостное право.
А в указе том свободу дал мужику,
Но ничего не сказал про русскую бабу.

И с тех пор, друзья, сколько знал я их,
Все дурью маются, дурью маются.
От крепостного права, черт их всех побери
Освобождаются, освобождаются.

Вплоть до светлых дней, до революции,
Жили бабы просто так, без конституции.
А сейчас им все наобещано.
Нету баб совсем, стали женщины.

Вот когда прогромыхала по России революция.
Мужики друг другу организмы поискалечили,
На политическую арену вышла баба русская
И пошла вертеть по-своему, змея запечная.

Ток мужик, как никак, не совсем дурак,
Не пускает он бабу в правительство,
Потому от нее в правленьи так...
Не правленье, а просто вредительство.

1967.

А глаза какие стали у тебя за эти годы,
Я не видел этих далей в прежних синих сумасбродах.
Я не видел этой стали, прямоты и чувства меры,
Грустной голубой вуали и... сейчас я им не верю.

Мне все помнятся большие, с озорным трескучим блеском,
До бесстыдства голубые, без малейшего кокетства.
Те, в которых небо тонет и наивность брызжет пеной,
От которых сердце стонет, повинуясь страсти плену.

1968.

Ну что, берендеи притихли,
Не тот я сейчас, не прежний.
Нет в мыслях и чувствах вихря,
Не каменный я и не нежный.

Горланить отвык под гитару я
Не знаю я ваших ритмов
Согнулась спина моя старая
И треть шевелюры выпала.

Все племя бродяжье прежнее
Вот так же, наверное, выцвело,
Но все-таки мыслью свежею
Способно бабахнуть как выстрелом.

И в ночь, у костра дымящего,
Под звон семиструнной гитарищи,
Словами, как зной палящими,
Бужу я в сердцах пожарища.

Кто мог бы понять, как хочется
Порой от серьезности буден
Вот так вот без всякого отчества
Стихом обратиться к людям.

Сказать, что и мы, наверное,
Сухие, казенные лица
Устали от жизни размеренной...
Напиться бы, или влюбиться.

Да так, чтобы в дупель, с хохотом,
Взахлеб, с поцелуем до боли,
На взрыв! С оглушительным грохотом...
Чтоб к черту с работы уволили.

1979.

О любви я писать разучился,
Двадцать лет не ходил на свидания,
Сердца трепет потух, позабылся,
Утряслись, поутихли желания.

Жизнь вошла в колею очень прочно.
То на горку, то с горки катится,
Все по плану, по графику точно
Так и будет, пока не хватишься.

А потом вдруг прорвется снова:
- Подождите! Осталось в юности
Недолюблено, недоцеловано.
Не разгадано море мудрости.

И рванет коловерть вихрастая
Равнодушную маску возраста.
За живое тебя сграбастает,
Да как щепку закрутит попросту...

Да помчит по потоку бурному,
В славный миг, громыхнувший выстрелом.
В миг, где юное, и сумбурное
Поцелуйное счастье выцвело.

1979.

Весною обрезают тополя.
Безжалостно грызет пила деревья.
И ветками завалена земля.
И пни стоят как разоренные кочевья.

Вдоль тротуаров, словно нагишом,
Стоят шеренгой жуткие остатки,
Как неестественный, дурацкий зимний гром,
Как будто арестанты сняли шапки.

Я знаю, крона быстро отрастет,
И спрячет страшный срез в листве зеленой...
Но где-то там, внутри, сосет...
И я жалею их... жалею как ребенок.

1967.

Не спешите с выводами, люди,
Все еще, наверное, переменится,
Кто-нибудь полюбит и разлюбит,
Кто-нибудь подумает и женится...
Не спешите с выводами, люди.

Пролетела тучка по лазури,
Словно мысль шальная, нехорошая.
Кто-то загулял и запил с дуру,
Чья-то жизнь осталась разворошенной...
Пролетела тучка по лазури.

Ухнул филин, будто пьяный в омут.
Гладь ночи кругами взбудоражена.
Чьи-то чувства в море страсти стонут,
Чья-то страсть вином обезображена...
Ухнул филин, будто пьяный в омут.

Руки шею оплели лукаво,
Руки лаской человечьей пенятся,
Как понять любовь или забава.
Что останется, а что изменится...
Руки шею оплели лукаво.

Зализала сердце непогода,
По вихрам прошлась дождем серебряным
Буйство юности стирают годы,
Мысль ветшает буреломом дебревым...
Зализала сердце непогода.

1967.

Вдоль берега Черного моря один
Плыву на пустом теплоходе.
К пустынным причалам кораблик - блондин
В тиши сиротливо подходит...

Здесь мертвый сезон, пляжи дико пусты.
Но есть заведенный порядок...
И ходит кораблик. и возит мечты,
Как будто ему так и надо.

1974.

Ты никогда такая не была,
И вот сидишь в автобусе напротив,
Ужаснейшие тени навела
И губы нагло поцелуя просят.

И грудь и бедра лихо, напоказ,
И есть что показать, ты это знаешь,
Искать сюда приехала проказ,
Свободу мимолетную вкушаешь.

Какой-то доктор у тебя нашел
Какую-то болезнь и дал путевку...
А муж твой трудится как вол,
Снабжая деньгами такую телку...

Да Бог с ним, с мужем, в чем его вина,
Что он богат твоими телесами?
Что ты его неверная жена?
Так Бог простит, такие мы и сами.

1974.

СЕВАСТОПОЛЬ.

И взгляд прямей, честней и краше,
И чуть грубее складки рта,
И люди, в общем, как-то наши,
Рабочей кости простота.

Пусть так же красятся девчонки,
И так же в брюках все подряд,
Но даже смех их чище, звонче,
И крепче руки у ребят.

И после всяких Евпаторий
Я здесь как в омуте лесном...
Пусть те же люди, то же море..
Но, там курорт, а здесь их дом.

1974.

Земля какая с самолета,
В заплатах вся и в лоскутах,
Как будто ножницами кто-то
Кроил ту землю впопыхах.

И так кусочками нарезал,
Да как попало разбросал.
А люди сшили те обрезки
И шар земной заплатным стал.

1974.

Ах эти женщины аэрофлота!
Кокард, нашивок маята.
В них есть загадочное что-то...
А, может, нету ни черта?

Всегда прохладно недоступны,
И повелительно смелы,
Категоричны, неподкупны...
И так бессовестно милы!

1974.

Ах глазастая, ах лохматая,
В упор, как очередь автоматная!
Да невиновен я, не завораживай!
Вот душа моя, что хочешь спрашивай.

То ли синие, то ли карие,
Грозят муками, грозят карами,
Утонул совсем в этом омуте,
Отвернись скорей, ну же! Полно те...

1974.

Оно, однако, хорошо, но, ежели, конечно,
Так, стало быть, тогда оно совсем не бесконечно,
И, значит, около того, примерно, где-то рядом.
И вовсе вроде ничего, когда бы все в порядок.
Тогда бы скажем ни к чему, и значит, просто, прямо,
Туда - сюда и никому. А то все тянут, тянут...

1970.

МАМЕ.

И когда я под грохот вагонных колес
Растворяюсь в морозном тумане,
Нет, никто никогда не подарит мне слез
Только мама.

Зло бросает судьба клочья вьюги в лицо,
Режет плечи объятие лямок,
И тропу, и мечту и любовь занесло
За урманом.

Где-то цель впереди, где-то злоба в груди,
Где-то топают счастья «вибрамы»,
Кто-то может сказать: "хоть совсем не приди"
Но не мама.

Я бы мог месяцами бродить по тайге,
Цену счастья измерить шагами,
Но я должен прийти поклониться тебе,
Моя мама.

1967.

Как мало годы приносят песен,
Как много звуков летит впустую,
Как быстро город бывает тесен,
Как трудно жаждать мечту большую.

Но только с малой мечтою скучно,
Но только в маленьком сердце пусто,
Пусть даже солнце скрывают тучи.
В огромном мире лишь пятна грусти.

В огромном мире проклятье славы
Не угнетает лишь только слабых,
А я не знаю судьбу другую,
Смеются люди... а я тоскую.

1967.

Вина ли это или же горе,
Когда огромна мечта как море,
Когда я знаю, что сил не хватит,
Кто много жаждет, тот много платит.

Пусть не угнаться за ветром в поле
Пусть оставаться - венчаться с болью,
Простите, люди, я не останусь,
Не боль страшна мне и не усталость.

Я не умею признать без боя,
Что не угнаться мне за мечтою,
Что руки виснут, не сжавши стали,
Что можно скиснуть мне перед далью.

1967.

У КОСТРА.

Время тонкую нить плетет,
Каждый тянет свой след пунктиринкой.
Ветер северный холод несет,
Туча бластится в небе задириной.

Над палаткой шумит тайга.
Думу думает - вечное таинство.
Человечья ступает нога,
Ягель с хрупаньем мягко ломается.

Обжился, затеплился огонь,
Зарябило озерное зеркало,
Тронул ветки гитарный звон,
Звон цыганский, в веках немеркнущий.

И не звездам, не бледной луне,
Песня в добрых ладонях послана.
Отчего-то почудилась мне
Вдруг русалка с зелеными косами.

1968.

Каждый раз от избытка чувств
Я к стихам возвращаюсь заново,
Не для всех, для себя пишу,
Будто рифмой легонько балуюсь.

Д а и как я могу не писать,
Как могу я не петь, не чувствовать,
Ветер странствий крепчает опять,
Сердце рвется, стучит и буйствует.

Поездов пролетающий смерч,
Теплохода бурун клокочущий...
Жизнь бродяжья, ты стоишь свеч.
Браво, демон, в груди хохочущий.

1967.

Прилипла ночь к тайга сибирской,
Затихла сонная река,
Сырой туман подкрался близко,
Над строчкой замерла рука.

Звеня хвостом, звезда скатилась
И в марь упала за рекой,
Луна за пихту зацепилась
И утирается тайгой.

Оскалом красным головешки
Неровным пламенем горят.
Застыла лунная дорожка
И сказки кедры говорят.

1968.

А мы ведь такие же люди,
И курим и пьем и плачем,
И если нам радость будет
С детишками за руки скачем.

Стихи потихонечку пишем
Стыдливо упрятав блокнотик,
Девчушку смазливую слишком
Порою глазами проводим.

В душе как все люди - дети
В работе как лошади в пахоту...
А то, что сидим в кабинетах,
Подумаешь, тоже, страху-то.

1977.

Ах ты, чучело, чучело, чучело,
До печенок меня ты замучила
На учебе сижу - думу думаю,
Закрутила совсем ты башку мою.

На работе - бардак, дома - жерновы,
Не дают жить никак, бабы чертовы.
Вот и время ушло - зубы валятся,
Отчего же тебе все скандалится?

То, что было - прошло,
Поросло быльем,
Так нельзя же в мурло
Тыкать этим гнильем.

Жить осталось всего три десятка лет,
За душой ничего на сегодня нет,
Разогнали любовь, в душу плюнули.
Сердце с мордою в кровь... ишь, удумали.

1973.

Шаг за шагом, вперед и вперед,
На кон выбросив жизни остатки,
Я иду, ты идешь, он идет,
И друг другу ступаем на пятки.

Нам не время молоть языком
О любви, о призвании, о вере.
Юность брызнула... молодость враз... кувырком,
А сегодня - иная мера.

Жить осталось - по пальцам года перечесть,
Дел - по горло, великое множество.
Как успеть добежать, доказать кто ты есть,
Человек или просто убожество.

Что останется людям от жизни твоей,
Что ты сделал, и что ты сделаешь?
Торопись и твори, все скорей и скорей.
И... наверное, тихо ты бегаешь.

1977.

Раз пошла такая карусель,
Бей начальника, коль скоро разрешили!
Каждый лодырь злющий, как кобель,
Рвет и давит, от усердья в мыле.

Бьет со смаком, выбирая цель,
Чтоб больнее, чтобы отличиться.
А в мозгах его свистит свирель:
Все начальство - сволочные птицы!

И неважно прав иль виноват,
Важно, что в ту сторону, по ветру.
Раз директор, значит гад!
У него и деньги-то на метры.

Вот такой шальной антагонизм
С силой сумасшедшею раскручен...
Но, ведь, люди, это онанизм!
Он уж был, и нам не стало лучше.

1991.

Рубился, дрался, нас гонял
Где надо и не надо
Ну а сегодня сам "слинял"
Такая вот награда

И ладно если б сам ушел
С почетом с уважением,
А то ведь так ...
Пинок прошел под зад, как избавление.

Ты всех судил и все рядил,
Ты принимал решенья,
И не чего ты не решил!
Ни одного свершенья.

Что людям будет от тебя
Тепла хлебов иль света
Что сделал ты, людей любя,
Тебя ведь просто нету?!

Сегодня сядет здесь другой,
Возьмет бразды в надежде
И, устремившись за тобой,
Все повторит как прежде.

1974.

Ты прости меня, добрая девушка,
Оскорби, обругай, но прости,
Я хорошим я ласковым сделаюсь,
Я сумею тебя полюбить.

Я тогда в рукавицы ежовые
Свою подлую душу зажму,
Я забуду закаты багровые,
Кулаком на тоску размахнусь.

Я спалю дневники свои старые,
С глупым прошлым порву навсегда
И клянусь, что до самой до старости
Уж не вспомню о нем никогда.

Буду нежным, простым, неприхотливым,
Буду преданным, верным, как пес,
Окружу тебя чуткой заботою,
Буду весь твой от смеха до слез.

А тебя попрошу малость самую
Оставлять мне однажды в году:
Два ствола да тайгу, с ее марями,
И... не плакать, коль вдруг не приду.

1969.

А кто вам сказал, что она не женщина?
Что не нужно ее поздравлять,
Что она из красивых развенчана
Ваша добрая старая мать?

1966.

Из мрачных стен прокуренных аудиторий
Мне часто хочется бежать, закрыв глаза,
Бежать за тридевять земель, за море,
Туда где горы, ветер и гроза.

Бежать, чтоб после где-то под скалою
Склонить прохладный лоб в прохладу струй,
Чтобы оскалясь с диким ветром спорить
И чтобы молнии в ночи руками гнуть.

Чтоб где-то там, вдали, за перевалом.
Зажав в руке немую сталь клинка
Увидеть блеск медвежьего оскала,
И собственному страху дать пинка.

Но век двадцатый, век громадных стартов,
Другого требует от юности моей.
Нет белых пятен на советской карте,
Есть пятна белые в умах людей.

1969.

Ветер осенний - нахальный гуляка
Рвет с березки одежду,
Золотом стелет поляну мягко,
Швыряя листья небрежно...

Кружится. кружится бесовским вихрем.
Мнет ее пышные ветки...
Вечер к земле темнотою липнет,
Клонит березку ветер.

Одна на опушке, полураздетая
В ночь остается с ветром,
А он по ее же листьям стелется...
Плачет березка. да где там...

1968.

Я люблю эти встречи короткие
В торопливой вокзальной сумятице,
Когда вдруг. перед дальней дорогою
Встречу старых туристов - приятелей.

Парни в блеклых штормовках заштопанных.
С рюкзаками. изрядно потертыми...
Я спрошу их: "Куда ж вы потопали?"
Мне ответят: "За синими верстами!"

1969.

За окном качается пелена белесая,
Третья ночь кончается ведьмой русокосою.
Уходить, как видно, ей до смерти не хочется,
В крышу толпами чертей хлещет - в хату просится.

Давит стекла синие, рвет плетень поземкою,
Бешеная, милая, злобная и звонкая.
И, глазища выпятив, смотрит в душу самую
Словно хочет выстрелить в мою тоску поганую.

1968.

Нелюбимую тебя почему ласкаю,
Поцелуем безразличным губы укрываю.
В темноте, закрыв глаза, раздуваю пламя,
Спит озябшая душа с мокрыми глазами.

Пальцы холодом скользят по груди девичьей
Мысли сердце бередят грубо и цинично.
Ты мне бросила себя юную нагую,
Потому, что ты моя, я тебя целую.

Ты моя на краткий миг, на кусочек ночи.
Сердца крик, последний крик зря подушку мочит.
Смех ли, слезы, все равно, это уже было,
От меня уже давно счастье укатило.

Укатило навсегда, с конопатым носом.
С перезвоном, с ветерком, с говорком колесным.
Только сердце все сосет злая боль - кручина.
День за днем, за годом год пролетает мимо.

Нелюбимую тебя, почему ласкаю.
Поцелуем безразличным губы укрываю.
В темноте, закрыв глаза, раздуваю пламя,
Спит озябшая душа с мокрыми глазами.

1967.

Чу, как будто кто-то пробежал по крыше,
Спрятался в стропилах и опять не слышно...
То ли ветер воет, то ли черти плачут,
То ли по сугробам снова ведьмы скачут.

Будто мягкой лапой кто скребется в двери
И в окно лохматый дьявол зубы щерит,
Постучал копытом в раму потихоньку,
Почесал за ухом, рассмеялся тонко.

И по той же раме, будто барабанщик
Отстучал рогами и помчался дальше.
А из-под застрехи лапой волосатой
Чудище ночное тянется куда-то.

За трубой кого-то ухватить не может,
Всхлипывает, гложет угол злая рожа.
А клыки мешают, кровь на бревна каплет,
С хрустом загребает снег когтистой лапой.

Под сосною воет старый черт облезлый,
Хлопает ногою, будто бы под песню.
До избы шагами кто-то тропку мерит...
На крючок закрою я, наверное, двери.

1968.

Колдуны вы мои, колдуны,
Морды страшные, скрежет когтей,
Перепутали все мои сны,
Перепутали кружево дней.

В монотонный порядок недель
Зло оскалившись рылом своим,
Завертели опять карусель,
Словно дьяволы пьяные в дым.

И туманными далями сна,
Разбросав по околице ночь,
Каждый вечер, всплывая со дна,
Вы под утро уходите прочь.

1968.

Идет солдатик - засос в щеку.
А рядом баба подошвами шлепает.
Счастливая баба - рот в улыбке.
Зеленой жабой к солдатику липнет.

А тот с прищуром глядит в утро.
Страстями ночными сыт, как будто.
И снова месяц служить можно,
И снова жизнь не кажется сложной...

1964.

Вот и лето ушло, и еще один год
Навсегда, насовсем уплывает,
Половину тревог, половину забот
Убавляет, и вновь прибавляет.

Тротуарами жизни уходят друзья,
По-осеннему шляпы надвинув.
И у каждого где-то дорога своя,
И невзгоды и встречи с любимой...

Только все-таки лучше вот так уходить
В неизвестное завтра, в поиск,
Чем стоять и грустить, провожать и любить.
И завидовать даже, быть может.

1968.

Проклятое чадо ума человечьего
Громадный заплечный мешок,
Сквозь дебри дремучие, паводки вешние,
Упрямо тебя я волок.

В кошмарах ночей, комарами истерзанный,
Я мучился мыслью одной:
Какой скупердяй, барахольщик отверженный
В засушливый год разродился тобой?

И как же его голова двухпудовая
С натуги не треснула враз,
Придумал бы проклятый что-нибудь новое,
Какой-нибудь дубль унитаз.

Но если уж до смерти спрятать хотелося
Тряпки свои от людей,
Сундук на колесах по пятницам делал бы,
С мотором, да без оглоблей.

1968.

Ты доверчиво так не гляди
И не думай, что я хороший
Я могу тебя ночью любить
А наутро могу и бросить.

Черт зажал мое счастье в зубах,
Скучно мне, вот с такими вот. с вами,
Потому, что однажды судьба
В душу бросила грязный камень.

Потому. что разбита в кровь,
Этим камнем у сердца морда...
Так что лучше уж ты меня брось.
И пойду я за счастьем к черту.

1965.

Какая страсть, какое оправданье,
Какая прелесть или красота
В охоте и в рыбалке? В наказанье
Природе нас послали небеса.

А люди учредили право на убийство,
Зачем-то к ружьям книжечки дают.
И дробь. и порох в магазинных выставках...
Так это ж смерть в конвертах продают.

1968.

В факелы осины превратила
Медная. осенняя пора.
Словно зелень с листьев чем-то смыла
И румянцем вспыхнули ветра.

Сыплет с перезвоном листья в реку,
Желтая качается волна.
Чудо! Это чудо - бабье лето,
Душу разворошило до дна.

Будто кто багряной кровью брызнул,
Размечая свой последний путь.
Будто где-то рядом грянул выстрел,
И о смерть споткнулся кто-нибудь.

Умирает в красоте природа,
Девственная листьев карусель,
С тем, чтобы зеленым сумасбродом
Вспыхнуть, только кончится капель.

Топорами порублено лето,
Электрической сбрито пилой,
Сучья убраны, спрятаны где-то,
Только ветер гуляет шальной.

Только листья пожухлые желтой
В пнях поземкою мертвой метут,
Только слышно как мукою долгой
Корни соки пенькам отдают.

Дико, страшно, душе неуютно,
Поработал "герой" - человек...

Ой, как будет сейчас ему трудно
Снова в зелень пустыню одеть.

1968.

Я сижу по долгу на скамейке
В тишине глухого тупика
И, одевшись мягкой дремой лени
Уношусь в седые облака.

Шум трамвайной оголтелой хляби
Как-то разом ухнет в землю с плеч,
И мечты заманчивая замять
Оживляет детства сизый смерч...

Вот старушка у ворот родного дома
На восход, прикрыв глаза рукой,
Крестит мою спину потихоньку,
Отправляя сына, словно в бой.

И спина мальчишески худая
На телеге в утренний туман
За околицу куда-то уплывает,
Будто прячась в утренний бурьян.

Вот отец намокшую рубаху
Обмотав вокруг седых висков
Валит желтую осоку с маху,
Разгоняя крупных паутов.

Вот хитрюга чалая кобыла
Тянет замшевые губы к рюкзаку...
И подняв рогатым взмахом вилы
Я стою на пахнущем стогу.

Вот... толчок в плечо, охальный, грубый,
Разом прерывает эту нить...
Чьи-то мокрые, целованные губы:
- Разреши, товарищ, прикурить.

1969.

Считает секунды маятник
В углах тишина повисла.
Я жду человека маленького
Я жду его первого писка.

Сумбурно мое ожидание,
Глотаю новое чувство.
Окурки горой. Утро раннее.
И в доме до дикости пусто.

1971.

Я напишу тебе красивые стихи
Потом, когда-нибудь, когда дождями осень
Проложит мелкие и частые штрихи
И свежесть чувств подошвами износит.

Я разыщу в глубинах памяти слова,
Запрятанные в самый дальний угол,
И я скажу, что ты была права,
То не любовь была, а мука.

Да я и сам, отчаянно смешной
У счастья на пороге, бесшабашный,
Взлелеянный, возвышенный тобой,
Вдруг понял, что такое страшно.

1966.

А иногда и так бывает:
Забыто все, прошло давно
И вдруг опять – ба бах! Всплывает
В твой прошлый мир твое окно.

И ты, наполовину свесясь,
Глядишь - глаза нарастопырь,
Да, было... было... год иль месяц...
Да, это твой знакомый мир.

И ловишь жадными глазами
Все счастье юности своей.
Исчезло время, нету дали
Долой поток минувших дней.

Плывут понятия, поступки,
Как будто за главой глава,

Их перемалывает ступкой
Твоя больная голова.

Но вот мгновение большое
Все заслонившее собой,
Такое же как ты крутое...
Эй, ты, проклятое, постой!

Но нет его. Вернуть не можно.
И ты кричишь: - не надо так!
Я не хотел, зачем так сложно!
Прости, я был тогда дурак...

И нет его, того мгновенья,
Свершившего свой поворот.
И нету слез, и нет сомненья.
Лишь есть шипы в букете роз.

1969.

МОЛИТВА ТУРИСТОВ.

Помолимся, братцы туристы
Чтобы рюкзак не снился,
Чтобы завхоз не спился.
Помолимся, братцы, помооолимся.

Пусть завтра день хороший
Откроет солнышку рожу.

И светит прямо в спину,
Ласкает меня детину, помоолимся.

Жизнь наша мрачная, судьба ишачная,
Да приголубит нас ВЦСПС,
За гнилой корягой медведь не съест.
Помооолимся.

Пьем мы много, едим обильно,
Одним мы биты мешком пыльным.
Помооолимся.

Все люди как люди
Едят ложкой с блюда
А ты как медведь с Тапа
Хватай грязной лапой,
А то не достааанется.

Кто на юг едет
Тому фрукты к обеду,
А тут далеко юг-то
Жри кислую клюкву
И рааадуйся.

Я дом покинул, жену покинул,
Взвалил огромный рюкзак на спину,
И скрюююючился.

Да разве ж это отдых.
Да разве ж это отпуск,
Отдал все деньги в смету,
Сейчас на чекушку нету,
Вот врюююуухался.

ВЦСПС ВЦСПС,
За какой же грех
Я несу свой крест
Помииилуйте.

Отче наш сущий на небесах
Я молитву выучил
Умори Кирилыча,
Я те все прощу,
Отпусти, я жить хочу
И смииилуйся.

Целый день несешь
На горбу мешок
С кочки на кочку
Прыг да скок
Помооолимся.

А только дело к ночи
Жрать так здорово хочешь
Что сыт проклятием нашим
Поганой гречневой кашей
Отрааавишься.

И словно ондатра в хатку
Влезешь боком в палатку
А тут еще девки жмутся
Откуда силы берутся
И лииижутся.

Она ведь замужем стерва.
А вовсе не знает меры
Прижмется как гад ползучий
Уснула собака бы лучше
Горяяячая.

И вот наломают за ночь
Ревешь как Михал Иваныч
Ни сна тебе нет, ни покоя
О Господи, что же такое
Втаааать пора.

И утром вставши
Ни сколь не спавши
Дурной, как лошадь
Шагать не можешь
Шараааашишься.

А тут еще дождик с маху
Ленул воды за рубаху
Кокой же я был осел,
Зачем я в поход пошел
Обзааарился

Шагай, шагай, соплю глотай
Чертей вспоминай
Изучай свой край
Ирааадуйся.

О, всемогущий Боже,

Узри мою бедную рожу,
Доведи живого до дому
Окажи посильную помощь
И смиилуйся.

О, дева Мария, посмотри скорей
Помоги дойти до нормальных людей
А после я этих туристов
Не подпущу на пушечный выстрел
Покаялся, братцы, покаааялся.

1968.

OPTIMUZM

С НАТУРЫ.

Кто- то едет порыбачить, кто-то едет пострелять,
А в общем едут на удачу - для души, потехи для.
Восемь сотен километров, на какую-то реку,
Будто рыбные котлеты там гуляют по лугу.

Стаи уток - аж до неба! Гусь летает невзначай,
Каждый выстрел - булка хлеба... похохатывай - стреляй.
Можно вовсе ставить сети - ни волков, ни егерей,
Самый лучший край на свете... все! Поехали скорей!

И уже гудит машина, тащит маленький прицеп...
До свиданья мама Нина и любимый дом мой - склеп.
Километр за километром от Ирбита на Тюмень,
Спорит ВАЗ с дождем да ветром и в башке святая звень.

Позади Тура - речушка, там такие же язи...
Но, надежд полна макушка, жми, мой друг, не тормози.
Вот уже Тобол мелькает где-то рядышком Иртыш
Ну а там... а кто там знает, может куш а может шиш.

Как меняется Россия - глаз не можно отвести,
Сколько ж вас, богатых, сильных появилось на Руси.
На окраинах Тюмени, там, на бывших пустырях,
Будто бы волшебник - гений обустроил древний шлях.

И дворцов кирпич багровый враз взметнулся в вышину.
Все добротно, крепко, ново, не узнать мою страну.
И дома уж не лачуги, все сверкает и блестит,
И вольготно, без натуги, церковь новая стоит!
Кто и как построил это, на какие на шиши...
Но ведь он же вырос где-то в нашей девственной глуши.
Настоящий же хозяин, как уж там не говорить,
И не просто рот раззявил, начал строить, а не пить!

И забор, и двор в металле, и ворота в кружевах.
У него свои скрижали, он изжил советский страх.
Поднимается упрямо своей стриженой башкой
Лишь бы впредь "хватило тямы" и остался бы такой.

Вот и злость моя проходит на богатых да крутых
Зависть - русская природа рассыпается как жмых.
Жаль, конечно, что старею - мне не строить - очень
жаль!
Но... смотрю вот и балдею! Хорошеет наша даль!

Только главное не это, главное, конечно, в том,
Что настало бабье лето, опостылел отчий дом,
Что вот так вот сильно тянет в даль далекую с утра,
Как жена чужая манит... и сегодня и вчера.

Ну, лиха беда начало, вот Иртыш и вот паром,
Восемь сотен отмахали (браконьерческий синдром).
Здравствуй друг ты мой, Володька, сколько лет и
сколько зим!

(Хоть прошло полгода только как встречались-то мы с ним.)

Пересуды, разговоры, где клюет, где не клюет,
Хоть Алымка и не море, но карась и тут живет.
Медвежатины кастрюля, две бутылки первача,
Где сидели - там уснули - наболтались, как с плеча.
Ах, какая ночь в Сибири звезды - словно стаканы,
Растворившись в этой шири, спят вольготно друганы.
Оценить ночную свежесть можно только лишь тому,
Кто в диване мягком нежась, спьяну пал - и как ко дну!

Впереди костры и ветер, душный спальник и снежок,
А сегодня "доннер ветер" каждый скрючился, как мог.
И в тепле часов последних, в храпе, в стонах, кто где был,
В снах своих, конечно, бреднем каждый нельму изловил!

Ой, нелегкая работа - браконьерство и охота,
Тяжела ты, жизнь моя, будто вовсе и не я!
Вроде едешь на рыбалку, так откуда барахло,
Сети, ведра, елки, палки, деревянное весло,
И палатки и рогатки, и топор с бензопилой.
Это все - фигня, ребятки, это все не ужас твой.

Тяжело, но не смертельно, вроде все и ко двору...
Ужас в том - как вот с постели встать с похмелья поутру!
Хорошо, когда замерзнешь, и костер уже погас,

Хрюкнешь, мыкнешь, носом дернешь, и хмельной
откроешь глаз...

А когда пригрелось тело, а башка трещит как пень,
Вот вчера ведь так хотелось... а сегодня - пукнуть лень!
И, рукой пошевеливши, получаешь в лоб щелчок!
Лучше б цельный год не пивши, будь ты проклят
"первачок".

На ночь пьете - все вам мало, все кричите: наливай!
А сегодня, "елы - палы"... хоть бы кто сказал: вставай.
Посмотреть на ту картину были б все не дураки,
То не люди, то скотина - с похмелюги рыбаки.

И уж сколько лихолетий эта кара в нас живет,
Нет другой беды на свете, что нас под руку ведет.
Но бороться с нею можно, если ты в душе не пень
Нужно просто... осторожно... выпить водку в первый
день.

А потом пойдет рыбалка, и увидишь красоту...
Ну... конечно, водку жалко, как увядшую мечту.
Но сказала Цыганкова - хорошо ядрена мать!
Что тут в общем-то такого, просто надо меру знать.

Но вот знали мы бы меру, обошла бы нас беда,
Мы бы просто от "фатеры" не поехали сюда!
И сидели б на диване, млели, кисли как квашня...
Эй, пьянчужки - громодяне! Ну, поднимите же меня!

Кто рассол, а кто стопарик, ну а я вот седалгин,
Мысль одна - мозги распарить, голова - железный клин!
Что ж, вчерашние прожекты нужно в кузов погрузить,
Но рыбак он, сволочь, крепкий, недосуг ему скулить.

Загудел мотор натужно, вдаль дорога повела...
- Ну, кому там рыбы нужно? Два для невода кола.
Уж разбросаны веревки, невод в воду и - тащи!
С похмела рыбак неловкий, ты карась не трепещи.

Тонь за тонью, мат за матом, уж простите вы меня...
Лучше право уж ухватом - лишь с травой пришла "мотня".
Не затеивайте свару, невеликие дела
Видно дышим перегаром, рыба вся на глубь ушла!

* * *

У нормальных рыбаков все не как у дураков,
А у наших флибустьеров видно уж удел таков.

Почему рыбак с рыбалки редко рыбу принесет?
Потому что елки-палки много знает, много врет.
Потому что непоймайство так легко обосновать,
А чтоб спрятать разгильдяйство, надо правда много знать.

Ну... давление упало, ну... закат был не такой,
Туч на небе нынче мало, берег явно не с росой
Направление под утро чтой-то ветер поменял,
А вот с вечера как будто окунь вовсе не гонял..

Рыбы нынче вовсе мало... рыба ране вот была...
Предположим для начала... на собрание ушла!
И пошли, пошли причины, все с научной стороны,
Настругают вам "лучины" просто полные штаны.

Но во всяком мудром деле беспокоиться не след,
Что вы, братцы, в самом деле, успокойтесь. На обед!
Потому как до обеда со вчерашних "бодунов"
Все желанья ваши едут мимо ваших же штанов.

***

День меж тем такой лучистый, ни дождя, ни комара,
И уже пуста канистра - все осилили вчера!
Вот сейчас уже осмыслишь и природу и закат
И далекий чей-то выстрел и речной волны накат.

И уже поставив сети, где-то вовсе ввечеру,
Оживленно, словно дети, все усядутся к костру.
А костер на той рыбалке самый главный аргумент,
Ври, кому чего не жалко, проводи эксперимент.

Все равно тебе поверят, что бы ты не городил,
И про рыбу, и про зверя... как ты за море ходил...
Потому твой друг с усмешкой ждет же очередь свою,
Уж начнет "лапшу" он вешать... ну уж просто ...мать твою!

И уже к утру, наверное, в пересудах утомясь
В спальник дышит каждый мерно - где ты, рыбушка - карась!

"Водяной, ну че те стоит, шугани нам рыбку в сеть,"
Только тот нас матом крест: "чтобы всем вам околеть!

Ой, одна от вас морока да посуда по траве,
Ну и что, что издалека, чай солома в голове!
Ведь у вас Тура под носом, там же язь по семь кило,
А вы здесь ко мне с вопросом! Убери свое мурло!!!"

Так не так все это было, в общем, Бог тому судья...
Плюнул водяной мне в рыло! Только это был не я.
Я глядел в большие звезды и с иртышских берегов
Уносились мои грезы далеко от рыбаков.

Угораздило родиться в этой взбалмошной стране
И навек в нее влюбиться... повезло, однако. мне.
А за эту звездность неба, за луну - большую брошь,
Что с меня ты не потребуй... я бы отдал все, что хошь.

Потому как не в какой-то там Америке, а здесь.
Я могу вот так спокойно водку пить и рыбку есть.
У костра лежать и звезды пересчитывать в ночи.
Я могу вот так вот просто... в общем лучше помолчим.

2006 год.
(рыбак по принуждению Н. Кожемякин.)

ПРИЯТЕЛЮ САШЕ
ПОД ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ.

Прочитал я листочки твои,
Где остатки размера плакали
От какой-то линялой любви
От какой-то проквашенной патоки

Что случилось, мой пьяненький друг?
Где твои озорные выверты?
Впечатленье - как будто бы вдруг
Как "писака" ну начисто вымер ты.

Вроде рифма "в ажуре" и строй,
Но во всем пустота, как на паперти...
Что же это случилось с тобой?
Ни-че-го! Как на голой скатерти.

Томно, липко, с надрывом, и все ж
Не стихи, а словесное кружево...
Непонятный какой-то скулеж,
И стенанья души простуженной.

Темы - битые сорок раз,
Чья-то юбка да грудь морковкою.
Видно вовсе "замылился" глаз
Между пьянками - остановками.

Непонятное скопище слов,
Что ты хочешь? Чего ты маешься?
А слова-то не стадо коров...
От безделья за рифму хватаешься.

Нет, не будет в твоих стихах
Ни мольбы, ни сигнала к действию,
Так зачем же тогда сквозь прах
Эта видимость мощного крейсера?

Рифма пропита, смысл сгорел,
С похмела и идея утеряна,
Но... чего же ты в жизни хотел?
Для чего же душа тебе вверена?

Ты поэт? Ну, так действуй, живи!
Хватит право скулить о юности,
Ты идею свою продави,
Упаси человека от дурости.

В этой каше никчемных словес
Обозначь же свою позицию,
Где твой прежний мятущийся бес?
Где святая твоя инквизиция?

А о том, что когда-то давно
Где-то девка тебя покинула...
Человечеству-то - все равно!
Сколько этих "сюжетов" минуло.

И не ной, что тебе пятьдесят,
Зрелость - дело весьма благородное,
Не пытайся бежать назад,
Ведь поэт - тварь-то Богоугодная!

Ты же прежде умел пять слов
Переставить в таком сочетании
Что десятки спокойных умов
Уходили на месяц в страдания.

А сегодня уходишь ты
Не в страданья - в запой поганенький,
И... не жди на могилку цветы...
Был большой ты. Сейчас ты "маленький"!

Бес судья тебе, ну а друг,
Пьяный черт, со хвостом и рожками...
Вот и все, твой замкнулся круг,
И... не надо подсучивать ножками.

Может Боженька руку подаст?
Может быть из "болота" вытащит?
Ну а ты... и упрешься как раз?!
Ты... не хочешь! Ты мозг свой вылущил.

2005.

ОСЕНЬ. ИРТЫШ. 2004.

Распятналась тайга в сентябре желтым пламенем осени,
Свинцевеет река, в тихом омуте лист золотой.
Вот и лето прошло, словно сеть дождевую набросили,
На промозглый тальник над притихшею серой рекой.

И еще один год улетел в недалекое прошлое,
Как еще один шаг из немногих оставшихся лет.
В прошлом жизнь и любовь, все красивое... ну и все пошлое,
Только вот впереди ничегошеньки видно уж нет.

Ой, не надо шуметь! Старость - радость и прочие гордости,
Лет пятнадцать еще и последний покину редут,
Нет азарта уже... и еще кое в чем нету твердости...
Да зачем это вам, все когда-то к такому придут.

Все не кончилось вдруг, как в красивом кино все кончается,
Жизнь намного сложней, а быть может, и проще порой.
Где-то лето шумит, ну а здесь вот метелью качается
Неизбывная грусть и оборванный лист золотой.

Успокойся, душа, уж не рвать удила на дистанции.
Тихо старость ползет, мягкой лапой ступая в ночи,
Поезд твой отошел от заброшенной маленькой станции
Неизвестно куда, аккуратно по рельсам стучит.

Что осталось тебе кроме цепкой старушечьей памяти,
Лет на сорок назад уносящей в шальные года?
Помнишь глаз васильки, буйных чувств обалделые замяти...
Поскули же чуть - чуть... их уже не вернуть никогда.

Помнишь горный бивуак, дикий ветер, растяжки звенящие,
Помнишь тот камнепад, когда смерть в двух шагах пронеслась?
Неоправданный риск? Зато чувство какое... щемящее!
Жизнь бурлила котлом и куда-то все двигала нас.

За красивой мечтой сотни верст отмахавшие дебрями,
На краю всей страны мы встречали багряный рассвет...
Мы делили тропу с уссурийскими тиграми, вепрями...
И мы знаем с тобой - ничего привлекательней нет!

Дряхнет тело мое, ну а ты-то, душа, все ли прежняя?
Так же рвешься в полет из задолбанной серости дней?
Все такая ли ты, устремленная, грубая, нежная.
Или стала взрослей... или стала немного умней?

По плечу ли тебе снова бросить меня на искания,
Снова строить и петь, созидать и идею нести?
Что притихла, душа? Видно лишку хватил я в желаниях?
Раззадорил себя? Ну… да ладно, не буду... прости.

2004.

НАКСИВАТКИНУ.

Стихи чужие сквозь компьютер я загоняю на дискету.
Я проводник, я провод - гупер, своих стихов давно уж нету.
А он, мужик, смертельно пьющий, тасует рифму как колоду.
И стих его такой зовущий, как будто за русалкой в воду.

Как будто рашпилем по нервам, мочалкой свежей душу моет.
Там и любовь, и баба - стерва, и от души всех матом кроет.

Листочек слез, листочек смеха, листок страданий безутешных,
Такая вот в стихах потеха... я не смогу вот так конечно.

А может как еще смогу от глубины своей душевной
Тряхну лихую седину, моей гитарою напевной,
Ему-то что, он за себя, его любовь, его природа,
А пусть попробует любя чирикнуть от всего народа.

А пусть расскажет как мужик на три погибели согнутый,
До сей поры остался жив, как на чужой земле распнутый.
А пусть попробует с трезва мурлом об угол навернуться,
Чтоб поселковая молва скорей заставила проснуться.

В угаре пьяном ты - герой, за все отечество страдаешь.
А ты вот трезвый землю рой, коли ты умный и все знаешь.
Работай, общество крепя, давай, страдай за всю деревню,
И... сдохни, всех людей любя. Как Данко, в "Горькой" сказке древней.

Ну что? Слабо пойти в распыл? Слабо, за благо, за чужое?
Ну а чего тогда ты всплыл? Да и о чем тогда с тобою.

2004.

РОСТКИ.

Парадоксов родина - матушка Россия
Кто тебе уродина, кто тебе мессия,
Самородки яркие снова в грязь втоптала,
Вот сидишь да каркаешь: видите ль - не знала...

Городами малыми творчество бушует
Звездочками палыми пишут да рисуют...
А полвека кончится - схлопаешь глазами -
За рубеж оформятся, разберутся сами.

А бугры московские стылыми мозгами
Не дадут им вырасти. Не умея сами,
Топчут песнь народную, ни ума ни воли
Разумом голодные, без любви, без боли.

Что им наше творчество где-то на Урале,
Чего вообще им хочется? Если бы мы знали...
Детективы всякие на ура штампуют...
А страна-то крякает, да свое рисует.

Стране-то песни хочется, как воды напиться,
А верхушка корчится - как обогатиться.
Вся поэзия у них в нефтемиллиардах...
Разве ж люди так живут? Так играют в карты.

2005.

ПАУТИНКА.

В чистом поле паутинку ветер закружил
Словно девочку - картинку смаху полюбил
Словно на руках до неба он ее вознес
А потом исчез - как не был и любовь унес.

Из-под облака седого страшно ей глядеть,
Далеко земля родная, ох не долететь...
И свободно и просторно - вовсе в пустоте,
И куда же приклониться бедной сироте.

А любовь уже не греет, ветра ласки нет
И никто не пожалеет лишь простор да свет.
И в отчаянном просторе воли - целый свет
Только маленькое горе, да и доли нет...

2003.

ПЫЛИНКА У КРЕСТА.

До чего же прекрасна, Россия моя!
В каждом времени разная и в трудах и в боях,
Я люблю тебя летом и весной и зимой
Мой загадочный светоч, образ мой дорогой.

Я всего лишь пылинка на твоем естестве.
Я как будто былинка при огромном кресте...
Этот крест - наша доля и моя и твоя.
Твоя вольная воля и планида моя.

Повороты лихие на твоем на пути,
Передряги какие довелось мне пройти.
Кто-то правит тобою, бич свистит над спиной,
Кто-то пьяной слезою омывает свой гной.

Где-то там, за горами наше счастье грядет,
Разминулося с нами, жизнь к закату идет.
Пусть не станет былинки, пусть останется крест,
Пусть другие травинки разрастутся окрест.

Что же сделать, Россия, я успел для тебя?
Человек, не мессия... я лишь отдал себя.

19.08.05.

БАТЮШКА - ИРТЫШ.

Ой, раздолье твое, Россия.
Заповеданный край мой - Сибирь.
Ты как сказка всегда красива.
Неуемная дикая ширь.

Катит волны Иртыш - мой батюшка.
Копья елей в дозоре стоят.
И любовь моя в ситцевом платьишке
Дарит добрый прощающий взгляд.

Дышит дизель спокойно, ровнехонько.
Ветер свежий да запах тайги
Капитанская жизнь - тошнехонька...
Так всю жизнь за водою беги.

Но зато и рассветы как радуга,
И закаты - пожары любви...
Где-то в песнях воспетая Ладога
Но Иртыш - он как Храм-На-Крови.

28.08,05.

Широка твоя волна, ой ты, батюшка - Иртыш!
Нелюбимая жена, что ж ты смотришь и молчишь?
На путину ухожу, там под створами мой дом,
Чем я в жизни дорожу, Иртышом, лишь Иртышом!

Смотрит вахтенный в струю, ровно дышат дизеля,
Я на мостике стою - не вода и не земля...
Все взяла себе река, нет ни воли, ни любви...
Даже жизнь не дорога - в клочья душу изорви!

И лишь только на волне вновь кураж и страсть и взлет,
Снова все подвластно мне, и душа моя поет...
Ой, ты, батюшка-Иртыш, что ты делаешь со мной,
Я молчу, и ты молчишь, ты домой и я с тобой.

08.09.05.

НОСТАЛЬГИЯ.

Ни с того ни с сего позвала ностальгия:
- Поезжай-ка, дружочек, в родительский дом.
Там где ты - мамкин сын, где деревья большие...
А зачем - почему разберешься потом.

Видно время пришло, видно я заблудился,
Так давно не бывал в своем детстве... давно...
Видно вовсе не зря огород мне приснился,
Ходит с плутом отец... овцы гложут бревно.

И за руль... и вперед... вот и Кировка наша...
Здравствуй улица - мать и болото вдали,
Под колесами чавкает месива каша...
Где же вы, ручейки, где же вы, корабли?

Вот и дом мой родной (домик на три окошка),
У колодца журавль все стоит на цепи,
Что же это со мной... что-то мутно немножко...
Где же этот платок! Что так в горле свербит.

2005.

ЕСЛИ Б ЗНАТЬ.

Ничего не хочу, ничего не прошу и не жалуюсь,
Отпусти меня юность моя, отпусти.
Я тебя умоляю, прошу, ну пожалуйста
Если можно мои прегрешенья прости.

Мне уже шестьдесят, я забыл половину хорошего,
Что успел за беспутную жизнь сотворить,
Но плохое сидит в моем темени словно горошина,
Я был молод и глуп, ну зачем бесконечно казнить?

Наша жизнь как лицей, до шестидесяти мы все учимся,
С тридцати начинаем экзамены жизни сдавать,
А в итоге глядим, у кого что получится...
Как мы прожили жизнь. Если б знать... если б знать.

Мы б любили не так, мы не так бы страдали и плакали,
Мы бы пели не то, мы не в то бы смотрели окно...
Мы б не стали творить нехорошее, мелкое, всякое...
Но... сегодня нашли бы в себе недочет все равно.

Отпусти же меня отшумевшая буйная молодость,
Не хочу я копаться в своих застарелых грешках,
Я прожил как прожил, и духовным не маялся голодом
Нету злобы в душе, от гордыни не пухнет башка.

2005.

А ВАМ НУЖНО?

Я все чаще смотрю на исписанный лист,
Словно в зеркало бывших эмоций...
Из души выдираю слова, как дантист
И бросаю их в ваши колодцы.

В каждом слове и боль, и страданье и плач.
Мысли тянутся в сердце натужно...

Поступаю с собой как бездушный палач
И не знаю: а вам это нужно?

А быть может у вас уж другая мораль
Может, я не о том распинаюсь?
Между нами, конечно, далекая даль,
Вам смешно, ну а я все стараюсь...

Каждый слог, каждый стих в ваш колодец летит
Как подбитая выстрелом птица.
А душа все болит... а душа все болит...
Все равно вам придется напиться.

31.07.05.

АНАЛИЗИРУЕМ.

Нужно спать, нужно спать... уже брезжат «кресты на окошках».
Плавно мысли бегут и на них не найти укорот.
И все чаще, как тать, осторожненько шарится в прошлом
Горе - совесть моя... вот такой вот к утру поворот.

Почему же она не находит в душе одобренья
Почему же не высветит самые яркие дни?
Почему только чад, ну а где же былое горенье?
Нет. Вот нужно ей кочки да самые грязные пни.

Да! То гадость была. Сотворил и ушел от ответа.
Хотя мог бы по-рыцарски грудь распахнуть под удар.
Да, был юн, да, был глуп. Но давно уже канули в лету

И гордыня моя, да и бабьего лета угар.

Оправдаться сейчас с моей зрелостью мне - не проблема,
Перед кем и зачем? Спорят совесть моя и душа.
Ну а тело не спит, далеко еще телу до тлена,
Нет покоя ему. да и отдыха нет ни гроша.

А вот помнишь ли ты, оголтелый судья - извращенец,
Как большим сапогом по душе моей топала ложь?
Как стоял на своем, я - в то время уже не младенец.
Как позор пережил незаслуженный? Не было? Врешь!

Легче грязь сотворить, чтоб потом потихоньку отмыться.
Чем быть чистым и знать, что за грязного держат тебя...
Как любить тех людей, как не дать им совсем опуститься
Как заставить толпу осознать и поверить в себя?

Что, опять за свое? Вновь нашла не красивый поступок?
Хочешь снова на суд доставать эту тухлую муть?
Слушай, ради Христа. под конец этих маленьких суток.
Отпусти ты меня. хоть немножечко дай отдохнуть.

13.07.05.

НОЧЬЮ.

Отчего только ночью стихи удаются?
Словно шепчет в затылок кто-то нужную мысль...

И строка за строкой потихонечку льются,
И меж строк проступает неожиданный смысл.

А кругом тишина, уж светлеет окошко.
И один - на один сам с собою творишь.
Но вдруг шепот затих... ну, еще! Ну, немножко!
Нужно чем-то закончить! А в ответ тебе - шиш!

20.07.05.

ПОСЛЕ РУБЕЖА.

Уж два года прошло, как из жизни себя я вычеркнул,
Сдал своих полномочий беспредельный кусок,
Как кипящий котел взял и начисто вычерпнул
И во влажный песок, не задумавшись, слил кипяток.

Думал, как проживу без эмоций, без стрессов, в спокойствии,
Не сойду ли с ума от безделья, без всяких хлопот.
Хватит юмора мне, или попросту старческой стойкости
Да и хватит ли средств, чтоб набить обеззубленный рот?

Но два года мои пролетели как зорька утиная,
Не успел и понять, что живу не для всех - для себя.
Я ведь честно не знал, что с утра небо синее - синее...
И без ругани день проживается просто - любя!

Что с утра по душе можно выбрать простое занятие
Даже чай заварить не спеша, будто бы ритуал...

Изменилась ли жизнь? Даже больше того. Изменились понятия.
Жаль, что я в шестьдесят еще этого просто не знал...

6.07.05.

ДЖАДУ.

Ну, наконец-то трахнуло и в лондонском метро!
Я поздравляю вас, балбесы - террористы,
Вы сотворили самое ужасное "зеро"
Вы благодетелей своих шарахнули со свистом!

Я помню, в Лондоне вы проводили "террослет"
В картонную коробку деньги дэнди клали,
И вдруг вы с грохотом их "отправляете в полет"!
Пусть чешут "репу", бей своих, чтобы чужие знали!

Я дорого бы дал, чтоб лорда этого спросить
Который Джад, который все в Россию рвался,
Как будет он сейчас своим хвостом крутить?
Ведь он за вас душой болел, он так для вас старался.

Он говорил, что есть у вас какие-то права.
Он вас борцами называл за вашу светлую идею!
Ну, славный лорд! Ну, золотая голова!
Иди в метро! "Я от тебя балдею"!

11.07.05.

Ясный солнечный день и с утра небо синее - синее,
Облака горизонт словно ложе себе расстелил...
Сохнет старый плетень а роса-то какая обильная...
Будто мне двадцать пять и во мне предостаточно сил.

Молодеет душа, если утро встречаешь ты с радостью
Если воздух с утра твое тело немного пьянит...
Если ты позабыл стариковские страсти и слабости
Если здесь и сейчас кто-то сверху с тобой говорит.

11.07.05.

О НАС.

В бутылке этой столько зла
Что даже в самой малой стопке
От лицедея до "козла"
Всего лишь только ножкой топнуть.

Берешь ее за свой же труд,
Горбом добытую копейку,
Вливаешь внутрь и видишь ПУТЬ!
Надежный, как узкоколейка!

И знаешь - нужно посмотреть,
Каков тот путь, куда он манит,
Но ты же влил! Ты можешь петь!
Ты можешь мчаться к светлой грани!

И мчишься весело вперед,
Не уважая повороты,
До самых до кривых ворот

Где тебя спросят:
- Ну-ка, кто ты?

А ты, пытаясь доказать,
Несешь какую-то бодягу,
И можешь столько наломать!
Попасть в такую передрягу...

И укороту тебе нет.
Никто тебя не понимает,
И у тебя на все ответ,
И... самый главный тебя знает!

Ну а потом, когда жена
С утра глядит своим прищуром
И тебе шепчет сатана:
- Да брось ты, было все в ажуре!

Похмелье тяжкое твое
И боль, и совесть память грудит...
Ты клятву сам себе даешь:
Ну... больше никогда не буду!

5,07,05.

ЛЕТО 2003.

Ах ты, матушка Россия, богатейшая страна.
По былинному красива несчастливая жена
Вроде ты не бесприданница в чужедальней стороне,
Но мужик твой - горький пьяница утопил тебя в вине.

В кладовых полны рубинами сундуки да туеса,
Почему живем дубинам, затянувши пояса,
И в лаптях, как свиньи в бисере, месим грязь своей души,
Высоки до неба мыслями, да в делах не хороши.

Где же мера нашей глупости, где отчаянья предел,
От извечной нашей грубости даже тополь облетел,
Встань, Россия неумытая, отряхни с коленок прах,
Даже Богом позабытая с вечной юностью в глазах.

КОНЬ.

Он, отбегавший сотни миль
Тротом, рысью, галопом, размашкой.
Рвавший легкие в скачке, в пыль,
Знавший гордость побед и пашню,
Получавший как приз любовь,
И как приз продолжение рода,
Рвавший губы на старте в кровь,
И на финише рвавший свободу
Он в бессонных своих ночах,
Измотавшийся в битвах с болью,
Без вожжей, без шлеи на плечах...
Он... отпущен сегодня на волю.
Неуемная ширь полей,
Ни трибун, ни людей, ни качалок,
Ни жокеев, ни стартов, ни шлей,
Словно жизнь в табуне сначала.

Только ясно уже и ему,
Все сначала увы невозможно...
Он не нужен уже никому...
Все так призрачно... все так сложно...

2005.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ.

Перешла презентация в пьянку,
Кто во что, уж какие стихи,
Захлебнулась в частушках тальянка
А поэты - ну как лопухи.

Сильно девка поет. Очень громко.
Пьяный гул не мешает ничуть.
Вот в мозгах только рифмою ломкой:
Ну, скажите же, блин, что-нибудь!

Мне же надобна стройность хорея,
Мне же ямбом бы душу излить.
Ну, стихов же, стихов же скорее...
Презентация! Чтоб им не быть!

20.10.06.

КА-А-КАЯ МОЛОДЕЖЬ!

Какие люди! Ах, какие люди!
Какая широта души..
Вот я гляжу и верю - лучше будет.
Они сшибут все шишки и шиши.

Нет комплексов у них и нет ограничений.
А как поют! Не голосом - душой поют!
У них и жизнь-то вся из развлечений..
Они как будто развлекаются - живут.

Живут со вкусом, с радостью, с азартом,
Да и работают с азартом, от души.
И я свои им открываю карты:
Как жаль, что я отстал в своей тиши...

20.10.06.

БЕЛАЯ ЗАВИСТЬ.

Как талантливы, ах как талантливы!
Хоть плясать, хоть читать, хоть петь.
Молодые ребята, прагматики...
Не догнать уже вас, не успеть...

Что-то видится в вас неуемное,
Нам такое не снилось никак.
Жажда жизни, любовь огромная.
Без натуги, вот просто так.

Зависть белая, зависть добрая...
Ну, зачем я совсем уже стар,
И тот опыт, что с болью добыл я
От бегущих от вас отстал.

И... шагайте, и жизни радуйтесь,
Счастья вам и семь футов в пути.
Упаси вас Господь от пакости...
Помоги нам Господь дойти.

20,10,06.

ВРЕМЯ.

Ах, женщина, уходит время,
Уходит страшно - насовсем...
И ты берешь его в беремя
И... уже старишься совсем.

Еще поешь, еще красива.
Еще ты можешь... но уже
Твоя увы фальшива "ксива"
И на блистает ниглиже...

Ну что же делать? Очень трудно.
Ну привыкай, ну как тут быть...
Мы все стареем очень нудно...
Но вот... приходится испить.

Ну нам-то проще, мы - мужчины
Мы по-другому, мы не так...
Нас не шокируют морщины
Пока не съехал весь "чердак".

20.10.06.

ИТОГИ ?

А нужно ль подводить итоги на склоне лет или вообще,
Когда болят спина и ноги, и камня нет уже в праще?
Когда ты юн, когда ты молод, иль в самой силе, или стар?
Когда иссяк душевный голод, или в душе еще пожар...

Чего же даст тебе анализ давно ушедших в лету дней?
И Божий перст иль просто палец болячку сделает больней?
Когда припомнится такое, что уши пламенем горят,
И жизнь как лодка на разбое, где камни острые стоят.

Когда ты вдруг скрипишь зубами, сжав кулаки, закрыв глаза...
Да знаете вы все и сами, когда не держат тормоза.

То... в прошлом все... но вот всплывает вдруг милый случай роковой,
Как ты его в душе желаешь, как ты любуешься собой!

Ты счастлив, горд! Ты это сделал, один лишь ты сумел, постиг...
Не зря босой мальчишка бегал, не зря лопатил уйму книг.
Тот самый случай, когда нужно через себя перешагнуть...
И ты шагнул... путем не кружным а напрямки, подставив грудь.

И ты сегодня отрешенно, уйдя в себя, под сизый дым,
Доволен этим воскрешенным, счастливым случаем твоим!
Но где-то там, за подсознаньем, ты успеваешь уловить.
Что чья-то воля со стараньем тебя берется оценить...

Идет "разбор твоих полетов", анализ чувств, анализ дел,
И этот очень мудрый Кто-то давно уж знает твой предел...
И Он не совесть, Он не мучит, Он... как-то запросто любя,
Тебя добру с любовью учит, переживает за тебя...

Так нужно ль подводить итоги, на склоне лет или вообще?
Да ну вас, право же, ей Богу. Не бейте лоб вы свой во тще!

ЛИРИКА?

Зубная боль, Какое чудо!
Ну, просто чудо из чудес!
Ты только что был человеком,
И вот уже ты черт! Ты бес!!!

Ничто тебе уже не мило,
И ни еда и ни жена,
И сам себе и жизнь постыла,
И даже воля не нужна!

Ну ладно бы нога сломалась,
Иль рана в грудь, или война...
Так хоть надежда бы осталась...
А так, и слава не нужна.

К чертям стихи, к чертям винище,
К чертям рыбалку и уют!
Ты в своем доме злобу ищешь,
И... кошки на душе орут.

И не болит, а просто тянет,
Как будто кто-то изнутри
Схватил кишки твои клешами...
И челюстей как будто три!

С ума схожу, о, люди, это...
О!!! Отпустило... мать твою!

И в феврале возникло лето!
И я на берегу стою!!!

Как ты прекрасна жизнь - красотка!
И ты. красавица жена.
И так просторно в носоглотке!
И... слава с волею нужна.

2005.

РАЗДРАЙ.

И я все чаще маюсь вечерами,
Грызу у авторучки колпачок...
Пошевелю усталыми мозгами,
Черкну две рифмы и - молчок...

И нет стихов, как будто нет эмоций.
Как будто не о чем совсем уже писать
И жизнь течет без рифов и без лоций...
Так что? И правда нечего сказать?

И весь твой опыт, знанья и уменье
На полку в стопочки и сверху крест?
Средь банок огурцов и пчел смешное бденье...
И тихо ждать. когда болячка съест?

Иль крикнуть: нет! Еще мы тоже кони!
Еще посмотрим. скачка впереди!

В душе ты - конь, а в теле - просто пони...
Пойди-ка в зеркало-то погляди.

Судьба мотала - все вихры слетели.
Быт заедал - согнулася спина,
Трепала партия... так что же вы хотели?
А жизнь-то, как ни дергайся, одна.

А жизнь как школа - гонка к аттестату,
И вот ура! Последний взят рубеж.
Но вот беда - уж сердце все в заплатах,
А ты в душе - как будто мальчик свеж.

2005.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ - 2.

Ну, что, коллеги по перу,
Мы разделяем вашу радость,
И к вашей книге, как костру
Подсаживаться ближе надо.

Еще зажглась одна звезда,
Не там, в Москве, а здесь, в Ирбите.
Народ уральский завсегда
Рождал достойнейших пиитов.

В Москве издателей - полно
А здесь - копеечка к копейке
Строка к строке... и все равно -
Читайте! Радуйтесь! Владейте!

Век сорока телепрограмм
Не смог убить эмоций рифмы.
Сказал Господь нам: "аз воздам"
Поэзия - не логарифмы.

И потому внутри страны
В таких вот городишках скромных
Явились миру просто мы.
И наш потенциал огромный.

20,10,06.

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО?

Да было же, было слово,
Не вам же его вспоминать.
Ну, слово, ну, что тут такого
Побрякали и... умирать.

Да кто же сказал, что было?
Опять же одна болтовня.
Она словно пенное мыло
Вот так вот достала меня.

Погрязли в словах депутаты
Погрязла в словах страна,
Когда прекратите, ребята?
Кому "эта слова" нужна?!

Вначале же было дело,
Потом уже хлеба кусок,
А после уж делайте смело
К этому, к слову бросок.

МЕЧТЫ.

Я от серости буден бегу,
Жизнь как карта не нашей масти
Мне бы домик на берегу
И немножечко тихого счастья.

Чтобы утром лучистый рассвет
Брызнул в окна снопом веселым
Пачку добрых сухих сигарет...
Да чтоб внук торопился в школу.

Вдохновенья всего чуть-чуть.
Карандаш да листок бумаги.
Остальное уж как-нибудь
Перепаю без помощи браги.

Чтобы рыба была на обед

И краюха к столу подходила...
И... внучонок с порога:
- Дед, а Наташка опять отчудила!

Чтоб багровый закат висел
Как знамение каждый вечер...
Вот тогда бы писал я и пел.
Ну и... знал, что судьбою отмечен.

30,05,05,

УВЫ, ДОМОЙ.

Всему увы конец приходит,
Добру и злу, мечте и снам,
Хорошей и плохой погоде...
Придет когда-то он и нам.

Ну а пока что "парни в море",
Теребят сети на ветру
А я как галка на заборе
Сижу на самом на юру.

Увы. конец пришел рыбалке.
Пора домой в обратный путь,
И... нет, не грустно. просто жалко
Вот так уехать... как уснуть.

Когда еще разливы эти
Придется снова посетить.
"На дурачка" поставить сети
С ухою водочки попить.

Что путь неблизкий - мало страху,
Не по карману вот мечта,
И все равно, рвану рубаху,
И... как-нибудь опять сюда!

30,05,053.

О БЛАГОДАТИ.

Ах ты, боженька, всеми любимый,
Подари мне свою благодать.
Шляпу я на затылок сдвину,
И пойду по Руси пировать!

Птаха Божья не сеет, не пашет,
Твоим промыслом только живет.
Надоели страдания наши -
Тяжко жить, захотелось в полет.

И таких по Руси немало,
Перелетная рвань да пьянь,
Но... живет под Твоим началом
Развеликая Тмутаракань.

Божий промысел в нашей России
Как-то вроде наперекосяк.
Не такие уж мы плохие,
Просто каждый второй - дурак.

А командовать любит каждый,
Вот и вышла страна дураков.

И народ наш на грабли не дважды,
По сто раз наступать готов!

Подари благодать мне, Боже!
Невелики запросы мои
Проще будет мне с пьяною рожей...
Все равно все мы дети Твои.

29.05.05.

О СИГАРЕТЕ.

Авторучка с сигаретой
Чем-то все-таки сродни,
Стоит бросить ту иль эту
И стихов уже не жди.

Будешь пыжиться упрямо
Рифму тщетно тасовать,
Но в башке не хватит "тямы"
Что-то связное писать,

Сунешь в зубы, чиркнешь спичкой,
И польется легкий ямб,
Вот ведь пакость, а привычка,
Словно корень всем корням.

Догорает сигарета,
Я спешу как на пожар...
Дописать бы строчку эту
Ну а там... "другой базар".

28.05.05.

ЕСЛИ ТЫ ГОТОВ.

Любой, конечно, чих родить возможет стих,
Когда его отвергнет напрочь баба.
Но только этот стих жуется словно жмых,
Хоть вроде и написан-то не слабо.

Ну, кончилась любовь, не вышел каламбур,
Ну, может быть, найдешь еще другую,
Пусть каждому знаком душевный твой сумбур,
Но так не удивишь страну родную.

А если сел писать, то значит уж не смог,
Уж видно больше сердце не вмещает,
Тогда переступи души своей порог,
Душа поэта скромности не знает.

Вот если ты готов на пьедестале встать
Без всяких там лохмотьев и одежды,
Не просто закричать, а даже заорать,
Тогда тебе поверят и невежды.

И стих твой должен бить, лелеять и ласкать,
И звать людей на чувства и отвагу.
Ну, что слабо тебе вот так вот заорать?
Тогда уж не марай, дружок, бумагу.

3.12.06.

О ДОБРЕ.

Делайте людям добро - очень занятие славное,
Стройте сквозь души метро, это, наверное, главное.
Бросьте судить и ценить - это не ваше призвание,
Легче попробуйте жить, проще, с надеждой в сознании.

Делайте людям добро, не ждите ответной реакции,
Пусть протестует нутро и просит душа сатисфакции,
Делайте просто добро, делайте, делайте, слышите...
Оно же почти серебро, оно не бывает лишнее.

Не потому, что потом где-то воздастся сторицей.
Не потому, что о том нам говорит история...
Делайте людям добро, каждому малость достанется...
А на висках серебро... пусть это вашим останется.

1.12,06.

ОЩУЩЕНИЯ ЮБИЛЯРА.

Весь одет в козырях и красивый и "вкусный"
Юбиляр молодой, лет на сорок всего,
Только что-то в глазах настороженно-грустных
То ли мало чего, то ли много чего

Блеск не прежний, не тот, не зовущий куда-то,
Словно давит невидно огромная тень.
Что с тобой, командир? Ждут решений солдаты,
Потерял ты однако свою "звездную звень".

Жаль не сорок тебе, а сполна шесть десятков,
Ты и впрямь потерял озорной огонек,
Уж тебе молодежь наступает на пятки,
Но ты прав все равно, ты все сделал, что мог.

Ах, как годы летят, рубежей лихолетье
Остаются друзья, им пахать да пахать.
Ты не первый уже, даже ты и не третий...
И осталось тебе им рукой помахать.

Пусть идут широко, пусть шагают как надо.
У них столько преград на тернистом пути,
Но не каждого ждет в этой жизни награда,
С юбилейным банкетом достойно уйти...

17.07.2003.

КОНЕЦ ИЛИ НАЧАЛО?

Все мосты сожжены, как архивы и планы,
Прибран стол, кабинет, и... пора на покой.
Отойдут в никуда дрязги, ссоры и кланы,
Наконец-то останусь я один сам с собой...

Не спешите друзья поправлять мои вирши,
Я сейчас вам скажу, что успел накопить,
Жизнь не станет, конечно, ни громче, ни тише,
Просто буду ее по-другому любить.

Я себя не жалел для людей и для дела,
Никогда не чадил головешкой в ночи.

Все, что нужным считал, с упоением делал
И к проблемам всегда находились ключи.

Я друзьям подставлял свои плечи упрямо,
Даже если потом сам сидел на мели,
И они до сих пор все вперед меня тянут
Не давая с дистанции вовсе сойти.

Был порою я груб и не в меру беспечен,
Был и горд, был и глуп, но, наверное, тем
Жизнь прекрасна всегда, мир прекрасен и вечен,
Что такие признанья срываются с губ.

Я спасибо судьбе говорю ежечасно,
Что свела меня с вами, что дала мне разбег,
Что всего только раз был я в жизни несчастным,
Да и то вы создали для меня оберег...

Вот и кончилось все, я отдал все, что можно,
Ничего не оставил на потом, для себя,
Слава Богу, я жил интересно и сложно...
Я иду отдыхать, и... простите меня.

2003.

ДОБРАЯ МУЗА.

Что-то последнее время вовсе ни строчки не пишется.
Жизнь колеею накатанной медленно жмет на закат,
Даже и ноченькой темною лирики в сердце не слышится,
Вот как седьмой-то десяток взял за бока, как ухват.

Так посижу вот, помучаюсь, мысли какие-то вялые,
Роюсь в годах, словно в омуте, зыбко, темно, глубоко...
Коли уж выпить по случаю, может быть весточка малая
Сыщется, вспомнится шалая и поведет далеко.

Только куда же далеко-то? В ту или в эту вон сторону,
Взад ли вперед попытается дернуться шалая мысль?
Вижу - с такой подоплекою, как ни налаживай борону
Скажет мне муза далекая емко и вежливо: Брысь!

12,12.06.

НА СОБЫТИЕ?

Ах, друг мой Лешка, мы еще не старики,
Но по большому счету жизнь уже промчалась,
И пусть нам вроде веселиться не с руки,
Но что ж еще тогда с тобою нам осталось?

Приходит время пролопатить всю судьбу,
Оно у каждого по-разному приходит
Ты строил дом или ты строил "городьбу"
И что в душе твоей сегодня колобродит.

Зачем тебя на свет родитель произвел,
Зачем пеленки твои матушка стирала,
К чему в итоге своей жизни ты пришел,
И что страна тебе в итоге насчитала.

Пусть кто-то там, в Москве-столице жил да был,
В цивилизации корней своих не видел
Ему и край-то наш российский был не мил,
Ему во Франции наследный снился выдел.

А ты в деревне, коренной, простой чалдон,
Ты сеял хлеб, кормил страну и этих гадов,
Мозги по праздникам туманил самогон...
Ты просто вкалывал, и ты не ждал награды.

20,12,06.

О ЗАПОВЕДЯХ.

А вот не пишется совсем, хоть ты плачь!
По ухабам быта мысли разъехались.
Раздобрел я словно сдобный калач,
И усы висят забытыми вехами.

На седьмой десяток время пошло,
Вроде вот, достиглось все, что мечталося...
Но ненужным стало вдруг "барахло",
И азарта на полтинник осталося.

Что писать? Как я умен и мудрен?
Как я жизнь прожил и что там за выводы?
Что в конце вот, на шестерку бубен
Оценил себя. Машиной без привода...

Словно залпом эта жизнь пронеслась.
Отгремела гулким эхом со звонницы.
Скажем прямо, что она удалась...
Ни кошмаров у меня, ни бессонницы.

О любви писать - увы, не хочу
Не давалась мне стезя скотско - плотская.
А о том, на чем сгорел - помолчу,
Слишком личное оно и не броское.

Что же было главным стержнем тогда?
Что вперед меня с надеждою двигало?
Может счастье, ну а, может, беда?
Где-то рядом "сопаткою шмыгала".

Разберись, поди-ка, нынче сумей
Все расставить как в музее по полочкам,
Где обланил ты березку, злодей...
Ну а где и... топорищем по елочке.

Как ценить себя, совсем не пойму.
Где добро, где зло... к кому, чем повернут я.
Но, однако, прихожу к одному:
Всем цена - простая "мысль нагорная"

Потому как за две тысячи лет,
Ничего ж мы не придумали нового.
Был и кодекс, (а все тот же привет)...
Был да сплыл... не так людьми истолкованный.

Вот и стану разбирать не спеша
Прямо с первого "урока нагорного"
Там ведь как: "кумир тебе на шиша?!
Верь в Меня!!!" А я все в Сталина черного...

Я же в партию сам прибежал,
Свято верил в нее и надеялся,
Ведь Программа-то как хороша!
И Устав хорош... а кругом-то что деется?!

Как евреи под Синайской горой
Все ж мы знали и внимательно слушали...
А потом уж, воспарив над толпой,
Все идеи к маме чертовой скушали.

Так что с первым уроком - беда,
Очень долго я шагал не в ту строну...
Не кумир в моей башке - чехарда,
Вся страна попала словно под борону.

А второй урок - "любите людей"
Тут уж просто... ну... никак не уложиться,
Потому, что ради "светлых идей"
По стране моей горюшко множится.

"Наверху" решали: быть по сему!
И... спускали нас, ораву несметную.

Ну а мы-то уж могли хоть кому
Размозжить башку "идеями светлыми"!

Чтобы все в строю! И все как один!
Чтобы все ура! Одобрям, ваш ЦЕКАчество!
А... "вверху" сидел Алладин...
Лампу-лысину тер... знаком качества.

Ну а третий урок "не суди"...
Это против устава партийного...
На собрания не ходить?
Там же был весь суд "самостийности".

И... судили друг друга мы всласть!
И... топтались в душе сапожищами...
А потом: Кто тут временный? Слазь!
Вот теперь уже с каждого взыщется!!!

И... судили нас на нашем бюро...
Как судили! Ажно шерсть наша клочьями!
И за зло судили, и за добро...
По спине, с трибун, полномочиями.

Но не злей становились тогда,
Просто головы в плечи прятали
А куда ж ты попрешь? А никуда!
Мы ведь все коммунисты - приятели.

А сегодня патийный-то "поп"
В храм приперся, стоит сволочь, крестится...
А по мне, сколь не тычь пальцем в лоб,
В нем добро все одно не уместится.

Сколько наших ты душ изломал,
Сколько крови пролил под трибунами...
Потому твой звериный оскал
Не укрыть и священными рунами.

А четвертый урок: "не убий"
Удалось в полной мере мне выполнить
Потому как из шалых стихий
Стержень вырвал Господь, словно злую нить.

Когда был я в ракетных войсках,
Под сибирской землей врытый намертво,
У кого-то хватило в мозгах
Не шарахнуть вдруг ядерной замятью.

И войны избежать удалось!
Руки в кровь окунуть мне не дадено…
А... детишкам вот нашим... пришлось.
Свой народ пострелять, словно гадину.

Свой народ, да по воле людской!
По бездумной чужой чьей-то похоти...
Не убий, говоришь? Нет, постой,
Кто повинен во всем этом грохоте?!

А убить-то пришлось пацану,
Молодому, парнишке безусому...
И... порадовал он сатану!
Заложил свою голову русую...
Что же, пятый урок - "не кради"
Не своею я волею выполнил
Знал я - нет ничего впереди
У того, кто возьмет, что не выронил.

Говорил еще в детстве отец:
"Что пришло трудом - дар Всевышнего.
А если просто взял, не свое, подлец,
Знай - ты горе взял, горе лишнее.

И подарочков тоже, не жди,
На хрена тебе чьи-то жалости...
С вором дружбу совсем не води,
Начинается все с малой малости."

Так вот жизнь и прошла. Под наказ.
Не прилипло к рукам ни сориночки.
Много дряни всплыло под конец среди нас,
В перестройку мозги-то как сдвинулись.

А на тех, кто без совести крал,
Объявили охоту потешную...
Кто платил, или кто стрелял,
Знают вдовы одни безутешные.

Вся страна, словно зона гудит,
У подъездов, в машинах, на улицах.
От стрельбы этой эхо гундит.
Человек, он сегодня как курица.
"Не блудите!" - вот пятый урок.
Чистота и любовь в отношениях.
Кто сказал, тот наверное б смог,
Оказаться в таких вот "лишениях".

Мне же кажется блуд - не грех,
А всего лишь несчастные случаи.
Ну а эти бывают у всех,
Кто идет и стремится к лучшему.

Вот свалился кирпич на башку,
Разве ты это сам запланировал?
Точно так же - влюбился в дугу,
И весь ум твой вдруг катапультировал.

Баба, женщина, лебедь... она
Забирает тебя безучастного...
Вот поэтому плачет жена
В осмысленьи случая несчастного.

Вот родителей почитать
Нам от давних времен заповедано.
Свят отец твой, святая мать,
Для тебя остолопа безбедного.

Я сказать не могу, что урок,
Сей совсем уже мною не выполнен.
Но мой долг - это жалкий оброк,
Стыдно мне... но, увы... он не выплачен.

И вот только сегодня, когда,
Седина облетела инеем
Когда смерти отцовской беда
Стала давней бедою синею

Я вдруг стал понимать почему,
Нет прощенья греху моему,
Грех всеобщий, сыновний, давний,
И названье простое ему.

И вот этот урок превозмочь я не смог,
Он гнездится во мне и поныне,
Для меня и для всех, самый важный урок,
Постоянный наш грех - гордыня.

Где-то там, в глубине, там, внутри, в тишине,
Все мы любим себя как святыню,
Вам присуще такое, присуще и мне,
Постоянный наш грех - гордыня.

Но не вечно ничто, смертен и человек,
Со страстями его и желаньями,

И, однако, на то отпускается век,
Чтобы справиться с притязаниями.

Трудно веху поставить для всех впереди,
Обозначить свое направление.
Но трудней до всего своим сердцем дойти.
Жизнь в труде? Жизнь в страданьи? В горении?

10,10,05.

МОДА.

Вот тебе, человек, и крещение, тридцать пять за окошком трещит,
Божья кара иль Божье прощение? Крепко жмет и сурово молчит.
За святою водою, закутавшись, побросав все бутылки в рюкзак,
В светских праздниках вовсе запутавшись, люди ринулись, кто уж как.

Вряд ли каждый четвертый верует, некрещеных хоть пруд пруди,
Ах ты, время, что с нами ты делаешь? Ничего не видать впереди.

27.01.06.

ЕЛЬЦИН НА ЭКРАНЕ.

Я недавно смотрел на Бориса - царя.
Он с Наиной сидел на диване...
Он хвалился, что жизнь свою прожил не зря.
И несет свое счастье в кармане.

Говорил, что счастливым себя не считал,
И сегодня уже не считает,
Но за семьдесят пять еще так не живал,
А жену как ЦК почитает.

Он с улыбкой уверенно так толковал.
Я все ждал, что он лоб перекрестит,
Я ж его еще в партии нашей знавал...
А однажды и выпили вместе.

Бог судья тебе, Борька, "не прав ты, Борис"
Да, ты прожил совсем не напрасно.
Как никто знаю я ту партийную жизнь.
Я как ты был тогда еще красным.

Помню как, не стесняясь, ты судьбы крушил,
Как ты Мехренцева проворонил,
Как на речке Ирбитке трусы ты сушил...
Вот тогда-то тебя я и понял.

Но, однако, не след заниматься быльем.

Все же мы далеко не святые.
Если уж человек народился с гнильем,
Не удержат его запятые.

Время вылечит всех, и меня и тебя,
Оба мы дармоеды сегодня,
Государство рассталося с нами любя,
Мы не спим на желудок голодный.

Кто же знает сейчас, что к чему, что почем,
Кто-то очень богат, кто-то беден,
У кого-то вся жизнь пошла кувырком,
Ну а кто-то на "Мерсике" едет.

Ты к штурвалу шагнул как лихой капитан
Когда буря кругом бушевала
Кто-то пил, кто-то пел, набивая карман,
И страна в лихорадке дрожала.

Кто сегодня оценит старанья твои,
Слишком мало прошло еще время,
Но штурвал удержал, тут уж как ни крои,
Ну а мы... все хватались за стремя.

Где ж нам было понять поворот твой лихой
Все же рушилось, в бездну валилось,
И в стране уже пахло гражданской войной...
А тебе демократия снилась.

В Беловежскую Пущу... да с пьяных-то глаз...
Развалил ты Союз без сомнений...
Наломал же дровишек... а вышло как раз.
И сегодня ты - фирменный гений.

Ни войны, ни стрельбы, лишь разруха кругом,
Да скулящие пенсионеры...
На броне ты, как Ленин, с бумажным листом,
А в парламенте смута без меры.

Но и с ним, с тем парламентом ты все решил,
Из Т - восемьдесят... врезал штатным...
Ну и все, кто там был, кто чем сдуру грешил,
Побежали с процессом обратным.

Нам ведь как по душе? Чтобы кто-то с кнутом,
Чтоб лупили кого-то больнее.
Может, пряник дадут... ну... когда-то... потом...
Чтобы рядом сидел, кто сильнее.

А свобода, она... развязав языки,
Пар спускала волнений народных.
Кто-то ел комбикорм... кто-то ел шашлыки...
Ну а кто-то "брал в руки" заводы.

И когда мы, проснувшись, продрали глаза,
Выбрав "зеков" в народную Думу,

Завизжали в России кругом тормоза...
- Жить-то как!?
И осталось лишь плюнуть.

И полезли кто сильный и наглый вперед,
Нахватали, уж кто сколько может,
Драный ваучер выкусил русский народ...
Ну и как? Может совесть-то гложет?

Ты глобальные вещи решал как всегда,
Ну... там... щепки немного летели...
Ну а кто указать-то сумел бы тогда?
Мы ж вообще ни хрена не умели!

Ой, да ладно, проходит лихая пора,
Слава Богу, что не было бойни...
Облетела с ушей наших вся мишура...
Да и ты, вроде как, не покойник.

В магазинах сегодня - ну просто обвал,
Были б деньги - наели бы пузо!
Ты забыл, как талоны-то нам раздавал?
Как с Никитой сажал кукурузу?

Ничего, поднимается видно страна,
Кто работает, тот поживает...
Ну а мы - отработанная сторона.
А..., да кто там о нас вспоминает!

Новых русских дворцы в окоем городов
Понастроили лихо и круто,
Как приятно смотреть... а для стареньких вдов
Ни хрена не нашлось почему-то.

Ну, на всех не хватает в России всегда,
И беда в том, увы, не большая,
Разрослась по стране лебеда - лабуда,
Велика дармоедная стая.

Поколение наше в суровой узде
Принудиловку с хлебушком ело,
А к свободе, к такой вот "вольготной езде"
Попривыкнуть еще не успело.

Кто же знал, что уже не придет профсоюз,
На работу уже не попросит,
Что развалится мощный Советский Союз,
А правительство всех нас и бросит...

Ну а мы - неумытая пьяная рвань
Вдруг останемся все без работы...
И спокойно в наколках какая-то дрянь
На заводе вдруг спросит: "да кто ты?"

Ты, всю жизнь отдававший родному станку
Крадче пивший, и крадче любивший...

Как он может такое сказать старику!!!
Для него ты уже просто бывший.

Что ж. не всем нам "хозяином" дадено стать,
Нам об этом всю жизнь лопотали...
Не сумели хозяйствовать... так вашу мать!
Вот вы наше-то все и раздали...

Тяжело отрешиться от этих идей
Всю ведь жизнь перекраивать надо...
Это мы воспитали "советских людей"
Мы вдолбили в них бывший "порядок"...

А сегодня смотрю на "Бориса - царя"
Он ведь тоже из бывших, как всякий.
Лоб свой крестит, и кается... всем говоря:
- Вот дожить бы до сотни, однако.

Пусть живет, пусть посмотрит на плод своих рук,
На Россию богатых и нищих...
Раньше было ему как всегда недосуг,
Пусть в мозгах-то сегодня посвищет.

В ДОРОГЕ

Вот и хлеб молодой на умытых полях,
Месяц май на исходе...
Старый, добрый Тюменский шлях
Нас на север уводит...

Километры летят, словно время весной,
Или высятся в небо...
Ну, куда понесло нас сегодня с тобой
Где же ты еще не был?

Даль дороги, зовущая дикая ширь,
Откровенье желаний...
Принимай мою душу и мысли, Сибирь...
Я твой маленький странник.

12.06.06.

В ДОРОГЕ 2.

Ну мы-то ладно, на рыбалку,
А вас-то черт куда несет?
Летите, аж машину жалко!
Пусть впереди вам повезет.

Гаишник спрятался за МАЗом,
Своим радаром ищет рупь.

Вот ведь какая же зараза...
Хоть монтировкой приголубь!

Песок обочины белеет
И трактор гусеницу снял,
С утра и солнышко не греет,
И облака Всевышний смял...

И только ЛЭПы свои сети
С Тюмени тянут на Тобольск...
Да крест стоит в насмешку этим,
Кто не признал чужую боль.

12,06,06.

ЭХ-МА!

А русский Иван к иномарке прорвался!
Пол жизни царапался, деньги копил,
И вот, наконец-то ужо расстарался:
Подержанный ДЖИП на базаре купил!

По трассе летит и душа нараспашку!
Какие там правила! Эй расступись!
Гаишник дает своей палкой отмашку...
И вот только здесь начинается жизнь!

Мужик подает свой зелененький пропуск,
Где строго-престрого глядит президент!
Гаишник писать прекращает свой опус:
- Летите, мой друг, отменен инциденг!

И снова у ДЖИПа беснуется дизель,
И вновь километры в колеса летят!
Наверное, скоро он выпишет визу
Туда, где не нужен ни ДЖИП ни наряд.

12.06.06.

ОПЫТ?

Опыт, жизненный опыт... сто путей, сто дорог,
Счастья буйного топот, и несчастья урок...
Все сложилось как нужно - вот и старость пришла,
И легко, не натужно все исчезли дела...
Не волнует карьера, зло с добром наравне...
Вот такая вот мера вдруг досталася мне.

И не просто досталась, а пришла как завет:
Размышляй, что осталось после прожитых лет.
Все ли добрые действа обернулись добром,
Или где фарисейство завладело нутром...
По каким же канонам ты оценишь себя,
В этом мире огромном свою старость любя?

До каких же пределов должен ты дорасти,
Когда честно и смело вдруг да скажешь:
- Прости...

09.06.06.

ДОЧЕРИ.

Слушай же, деточка, слушай мамку свою и отца,
Не нужно менять их по случаю на молодца - удальца.
Впитывай, деточка, впитывай родительский, добрый урок,
Опыт их взрослый учитывай, чтобы тебе он помог.

Добрым-то опытом, милая и поделиться не грех...
А сердце-то девичье силою и не закроешь от всех.
Природа упрямая просится, значит, ей время пришло...
Она твоей мамки не спросится, такое у ней ремесло.

Для доли рождается женщина - любить да детишек рожать,
Но женское сердце изменчиво, как же его удержать.
Как же сыскать-то любимого, что бы не плакать потом.
Жизнь не такая уж длинная, словно комета с хвостом.

Ярко горит поднебесная, да быстро сгорает в ночи...
Ты между танцами, песнями, остановись, помолчи...
Со стороны на пригожего ты посмотри молодца,
Уйми свою душу тревожную, представь его в роли отца.

Так ли уж он и внимателен, крепко ли чувство его?
В заботе, в работе старателен? Потом не вернешь ничего.
Сама скоро станешь ты матерью, нормальные это дела...
Подумай над праздничной скатертью, ты дочь бы ему отдала?

Сердце твое бы не дрогнуло? Запросто, взять и отдать...
Слышишь внутри-то как грохнуло? Вот о чем думает мать.
Отец погрубей, позабористей, ты для него просто дочь...
Пусть он с тобою и ссорится и хочет не в меру помочь...

Не снится ему и не кажется, он любит не так как мать,
Ему же не просто куражиться, ему время дочь отдавать.
Вот выросла ты без сложности, нашла молодца - удальца...
А он, молодец, по надежности достиг твоего отца?

Способен ли он зарабатывать, учить, одевать, обувать,
А, может, способен проматывать, да у семьи отнимать?
Впитывай, деточка, впитывай, никто за тебя не решит.
Сколько судьбу не испытывай, она-то свое совершит.

Брак в небесах заключается, это не воля людей...
Но на земле распадается, и ... сколько несчастных детей...
Слушай же, деточка, слушай, а если всерьез влюблена,
И никого нету лучше, то пей свою чашу до дна.

К мужу любовь успокоится, к детям любовь - не пройдет.
Вот когда счастье откроется. И Бог тебе дочь принесет.

09.06.06.

СПУТНИК.

Ах, мой спутник блокнот,
Сколько дум над тобой передумано,
Сколько грез, сколько тем,
Затянувшихся странных ночей...
Время мчится вперед,
Все вперед вот уже на беду мою.
Растеряв, между тем, столько мне дорогих мелочей.

Жизнь как бисером шьет,
Подбирая к мгновенью мгновение,
Сочиняя судьбу по намеченной кем-то канве.
То ласкает, то бьет,
Добивается повиновения...
Ей неважно совсем, что сложилось в твоей голове.

Я хотел написать
Что-то умное. фундаментальное,
Я хотел замолить все грехи. а не только грешки,
Но ложатся опять
В мой блокнот только строчки банальные...
Чешуя чешуей. или просто плохие стишки.

Где-то блудит внутри
Уж давно перезревшая истина.
Знаю - станет светлей, коли правильно все изложить.
Ухватить бы ее
Да в блокнот бы хореем. как выстрелом...
И спокойно вздохнуть:
- Довелось не напрасно прожить.

08.06.06.

НА ВОЙНУ.

Шел состав вдоль перрона, за вагоном вагон,
Воздух нюхали кони, отправляясь на фронт
И колеса стучали: на войну - на войну...
И буланые ржали в звездную тишину...

Пол России протопал конь стальной, прокоптил,
По глухим полустанкам, среди братских могил,
А когда потянуло палениной войны
Бомба глупая ткнула по нему с вышины.

И осколок со свистом, не задев ничего
Отыскал машиниста, лишь его одного...
Заметает поземка, конь железный летит,
И стучит по вагонам стук замерзших копыт...

БОЛЬ.

Голубая моя Россия, да фуфаечная тайга,
Плесы рек безобразно большие, иванчаевые берега,
Города среди гор дымарями, свежерубленой раною - ЛЭП,
А по краю, степями, степями, неухоженный, жиденький хлеб.

Развалюхи - деревни в страданьях, прясла, павшие, словно в бою.

Пьянь - столбы проводами - вожжами разудалую песню поют,
А на озими - скот хозяйский, не свое же, кулацкое - ешь!
И такая тоска "китайская" словно в сердце пробита брешь.

Мне неведомо, как там было, когда вдруг отвалилась орда,
Насосавшись, нажравши рыло, из России ушла беда.
Кто там, может быть, жив остался, триста лет не кричавший "ура",
Сколько лет за соху он не брался. Но... как будто все это вчера...

Не живут перезвонами цехи, истончилась металла река,
Рудокопы не с пьяной потехи, а от горя ждут хлеба куска.
Офицеры торгуют на улицах, чтобы как-то семью прокормить,
Ну а власть, словно мокрая курица, и себе неспособна платить.

Лишь пыхтит полупьяный, затюканый,
В рабстве вскормленный бедный народ,
С матом, с хрипом, с бедой да муками, не сдыхает никак - живет?!
По полгода бесплатно работает... "лишь бы детям, потом... хорошо"
Лишь бы, лишь бы, глазами хлопает... "Наливай-ка сусед ишшо"

-Наливай, наливай, то не горе сейчас, вот тогда в тридцать третьем году.
Из-за Волги... пешком... вот сюда как раз... вот уж думал - никак не дойду.
Все ведь есть в магазинах-то, нако-ся, ране - в драку кило лапши...
Но чтоб вот до такой вот пакости... да постой, ты, пожуй, не спеши...

Вот такими живя разговорами, да картошку с укропом жуя,
Разгороженная заборами, пьет да стонет Россия моя.
Пьет да стонет, да горестно охает, нет ни средств, ни желания нет,
Все повыбито малыми крохами, и... привыкли, за столько - то лет.

Да, привыкли, что нашего - нетути, все советское, все ничье.
А теперь и совсем, как приехали и над нами опять жулье.
Велика ж ты, Россия-матушка, столько лет не могли растащить,
Разгребаючи деньги лопатами, научились все хуже жить.

Как и встарь, "за царя и отечество", "не щадя живота своего",

ХМЕЛЬ.

Вино взбодрило старый мозг,
И снова лирика в аорте,
И снова жизнь как мягкий воск,
И вновь судьба в зубах у черта.

Что с трезвых мыслей хорошо,
Как выпьешь - сразу станет плохо,
Поступков мелких порошок
И дел великих - просто крохи.

Ну почему я сам себе
Кажусь букашкою невзрачной?
А в полупьяненькой трубе -
Лечу - спешу снаряд удачный.

Я подлецу прощаю все,
Я хаму не могу ответить,
А пьяный - хитрым карасем
Могу беду любую встретить?

Могу такое натворить,
Что самому же станет страшно
Могу родить, могу убить...
Но, где, простите, я вчерашний?

Ну, в чем же силища твоя,
Великий хмель - гроза столетья?
Смогли б мы разве без тебя
Прожить такое лихолетье?

ХРАП.

Храпит мой друг, и только в окнах
Звенит стекольная трезвонь,
Уж комары-то все подохли.
Как будто храп для них - огонь.

А он выводит раз за разом
Такие тремулы во сне,
Как будто лютую заразу
Вселить желает в душу мне.

Нет избавленья от такого
Рычанья плоти и души
Я так люблю его такого -
Готов сейчас же задушить...

Но... человек лежит, вольготно
На раскладушке развалясь,
И храп такой протяжно-нотный,
Что... я завидую, смеясь....

О СУДЬБЕ.

Не сложилась судьба? Сложилась!
Вот уж осенью дышит мой век.
Я доволен всем тем, что случилось,
Я доволен, что я - человек.

К сожалению, я не гений -
Нет открытий и степеней.

Может быть, из-за собственной лени
Я не стал всех нормальных умней?

Все дается нам всем вначале
А потом уж - кто как проживет.
Если б только мы в детстве знали,
Что нас в старости точно ждет.

А по мне, так и Бог не знает,
Чем закончит свой век человек,
Он с избытком нас всех наделяет,
А мы уж сами творим калек.

Но потом, когда немощь скрутит,
Сам себя начинаешь казнить,
Понимаешь: повтора не будет
Ох, не так бы совсем прожить!

Ах, зачем я любовь проворонил!
Ах, зачем не построил дом!
Ах, зачем я все поздно понял!
Ах, вот снова бы все да ладом!

О СОВЕСТИ.

Да что вы, все Боже да Боже!
Бог дай, помоги и спаси.
Не стыдно с такою-то рожей
Всю жизнь без зазренья просить?

Ну, пусть Он поможет сегодня,
А завтра вы снова в грех.

Сейчас уж кресты стали модными
Какая тут вера? Смех!

И все человечество просит
Дай, Господи? Обеспечь?
Как Он это все переносит:
И нас, и мерцание свеч?

И рясы, и пьянку, и войны,
И подлость, и весь наш блуд,
И даже, когда покойник,
Опять же, как в праздники, пьют?

Не слабо детишки хамеют?
Ну, что, сотворил - терпи.
Они только клянчить умеют
Так чьи же в них это черты?

По образу и подобию?
Да ну вас, не может быть...
А может быть, брак? Технология?
Аккуратнее нужно творить.

НАПУТСТВИЕ.

Послушай, сын, ты завтра в проходную
Войдешь рабочим, в самый первый раз.
Ты не в завод войдешь - в семью большую,
И станешь полноправным среди нас.

Завод - наш дом. Династия богата

Традициями славных токарей,
Сегодня у станков твои два брата
Там твой отец, там был и дед Андрей.

В семью такую с гонором не ходят.
С собой в кармане скромность понеси.
Талантов много в нашенском народе,
Перед работой трижды их спроси.

Они поймут, прищурившись лукаво,
Твой трепет и ответственность отца.
Им наш завод дает такое право
Рабочего, трудяги, мудреца.

К любому делу подойди с душою.
Ты точишь не железку, а деталь.
Отцовский орден в ней присутствует с тобою
И трудовая матери медаль.

В детали той конструкторская мысль,
Чей карандаш - почти его душа.
А у тебя в руках быть должен смысл
Станок твой - острие того карандаша.

Ты должен знать, что в Заполярье где-то
Твоя деталь надежной быть должна.
Работы много нашей есть на свете,
Но с браком - не вернулась ни одна.

В семье большой, увы, не без урода.
Людей ты встретишь и хороших, и плохих,
Одно лишь знай, что среди нашего народа
Добром всегда встречают молодых.

И если ты ответишь людям правдой,
Ты будешь с ними, будешь как они.
Ну а сейчас... иди, мой сын. До завтра.
Иди... и если сможешь - отдохни.

УЧЕНЬЕ - СВЕТ.

Глаза припухли, а один закрылся,
Губа под ухо медленно ушла.
Горит рука, как будто в углях рылся.
Вот это жизнь! Кому ж она мила?

Сказал учитель: отыщи-ка матку,
Она всех пчел немножечко длинней,
И я искал, а пчелы ставили заплатки
В мое лицо, чтоб был я красивей.

Я не нашел - они не показали...
Она для них как бог и аксакал.
Но мне, зато, понятно рассказали,
Чтоб эту матку больше не искал.

Прости, учитель, я такой неловкий,
Не то, что ты, ты с ними как родня.
А я для них - бандит из уголовки,
Скажи им, чтоб не жалили меня...

И он изрек: Ты любишь мед, а надо
Любить вот эту самую пчелу,

Ты должен думать, как она, и жить с ней рядом,
Ну, а сейчас... иди-ка, прогуляйся по селу...

НА ДЕНЬ ВМФ.

На море мне служить не довелось
Связист ракетных войск - такая специальность,
Но в детстве тельник поносить пришлось,
Подарок моряка - красивая реальность.

Мы все тогда мечтали о морях,
О тропиках, о пальмах, кашалотах...
А позже вышло - мой сосед моряк.
А я в лесах сибирских кто-то...

И до сих пор, как вижу якоря,
На ленточках, сидящей на затылке бескозырки...
Завидно мне, короче говоря,
Как будто кто по сердцу чем-то чиркнул.

Для нас не новость - армия мудра,
Кто к смерти ближе - всех красиво одевает.
Десантник - удалая голова,
А все в одежде мореману уступает.

Стареем мы, мечтать не любим зря,
И потихонечку стремимся все к покою...
Но все равно, когда увижу якоря...
Как будто кто сожмет матросскою рукою.

И ты, моряк, нам нужен как пример,
Одетый в самую красивую одежду,
Как воин, как галантный кавалер.
Как общая российская надежда.

ОДА КОМАРУ.

- Вы слыхали, как поют дрозды?
- Да и соловья еще слыхали.
В песнях тех ни горя, ни беды,
Никакой Российской, блин, печали.

Зажигайте вечером костры,
Собирайтесь к речке на Урале,
И споют вам песню комары,
Вы ее забудете едва ли.

Вот поют ребята мирово!
Тоненько, протяжно и с душою.
Так уютно станет оттого,
Разом раздерешься сам с собою.

В этой песне жажда бытия,
Жажда жизни и, конечно, крови.
Ты подумай, это же твоя
Песня о потерянной любови.

Что, Россия, ты без комаров?
Без чиновников и бюрократов?
И еще каких-нибудь оков,
Разве ты сподобишься когда-то.

Ты должен думать, как она, и жить с ней рядом,
Ну, а сейчас... иди-ка, прогуляйся по селу...

НА ДЕНЬ ВМФ.

На море мне служить не довелось
Связист ракетных войск - такая специальность,
Но в детстве тельник поносить пришлось,
Подарок моряка - красивая реальность.

Мы все тогда мечтали о морях,
О тропиках, о пальмах, кашалотах...
А позже вышло - мой сосед моряк,
А я в лесах сибирских кто-то...

И до сих пор, как вижу якоря,
На ленточках, сидящей на затылке бескозырки...
Завидно мне, короче говоря,
Как будто кто по сердцу чем-то чиркнул.

Для нас не новость - армия мудра,
Кто к смерти ближе - всех красиво одевает.
Десантник - удалая голова,
А все в одежде мореману уступает.

Стареем мы, мечтать не любим зря,
И потихонечку стремимся все к покою...
Но все равно, когда увижу якоря...
Как будто кто сожмет матросскою рукою.

И ты, моряк, нам нужен как пример,
Одетый в самую красивую одежду,
Как воин, как галантный кавалер,
Как общая российская надежда.

ОДА КОМАРУ.

- Вы слыхали, как поют дрозды?
- Да и соловья еще слыхали.
В песнях тех ни горя, ни беды,
Никакой Российской, блин, печали.

Зажигайте вечером костры,
Собирайтесь к речке на Урале,
И споют вам песню комары,
Вы ее забудете едва ли.

Вот поют ребята мирово!
Тоненько, протяжно и с душою.
Так уютно станет оттого,
Разом раздерешься сам с собою.

В этой песне жажда бытия,
Жажда жизни и, конечно, крови.
Ты подумай, это же твоя
Песня о потерянной любови.

Что, Россия, ты без комаров?
Без чиновников и бюрократов?
И еще каких-нибудь оков,
Разве ты сподобишься когда-то.

Слушайте же песню комара,
Сколько в ней печали и надежды...
И благословите дым костра
Да еще суконные одежды.

НЕ СУДИТЕ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК.

Ах ты, век наш, прошедший, двадцатый,
Век войны и кровавых страстей,
Ты полмира поставил в солдаты,
Обездолил и жен, и детей.

Ты ломал и кроил государства,
Шли империи на эшафот,
Разъедало престолы коварство
И не создал ты свой Камелот.

Мы, полвека тебе отдавшие,
На распутьи сегодня опять,
Постаревшие и уставшие
Так же ищем - куда шагать.

От железной руки равноправия
Снова в классы рабов и господ...
Мы не знали такого бесправия,
Как сейчас проживает народ.

Снова дети пошли беспризорными
При живых-то родителях. Срам!
Но и эти страданья позорные
Не впервой, не в диковинку нам.

Ты, наш век, породил Ростроповича.
Окуджавы, Высоцкого боль...
Сколько личностей за тобой еще,
Сталин, Черчилль, Франко и Адольф...

Ты открыл сумасшедшую силу,
Сжег два города в адском огне...
Но ты был обаятельно-милым
Оставляя следы на Луне.

Люди в космос шагнули уверенно,
Люди учатся землю любить...
Сколько счастья тобою отмеряно,
Столько горя пришлось испить.

Ты ушел. Твое время закончилось.
Но судить нам тебя не с руки,
Пусть бы детям хорошее вспомнилось,
Когда будут они старики.

Все отделит, отсеет история.
Сухость дат до страницы сожмет,
Лишь останутся вехи, которые
Путь указывать будут вперед.

Вот и думаю нынче, конечно, я,
Сколько вешек наставили мы?
Мы, полжизни проживши беспечными,
А полжизни - в зубах сатаны.

ПИСЬМО СОСЛУЖИВЦАМ.

Затеплю-ка я лампаду, закурю-ка свой табак,
Ничего-то мне не надо: ни гармошку, ни кабак.
Я не моюсь по неделям, зуб не чищу, не тужу,
Двадцать дней не в гранд отеле, а на пасеке сижу.

Льют дожди. Комар кусает, пчелы жалят до слезы.
Все равно, мне жизнь такая как капуста для козы.
Дома ждет Нинуля с тяпкой, ждет Манякин - отозвать,
Только я как клоп под шапкой, мне на это наплевать.

Дорогой мой Хусаинов, крышу крой да матерись,
Твой начальничек покинул разбитную вашу жизнь.
И из лесу - ни ногою, на лапше да на воде
Меду ждет и хвост трубою, аж мурашки в бороде.

Стонет пасека от гула, пчел не нужно заставлять,
Это вам не как от стула трудно попу оторвать.
А когда свеча, бумага, да еще скрипит перо...
Это вам похлеще браги... это лирики ведро!

Здесь такое озаренье посещает по ночам,
Что само свечи горенье пляшет рифмой по листам!
И тогда благоустройство и ремонты - все труха!
Основное нужно свойство - растянуть души меха.

Растянуть да развернуться, жизнь осмыслить всю как есть,
В сентябре и к вам вернуться, сбрив свалявшуюся шерсть.
Ну, а если одичаю, то Панову позвони.
Есть там комната такая, там, где пьянствуют они.

Пусть ее мне подготовят, я ведь все-таки глава...
Ну, покрасят, там, помоют, чтоб не брякала молва.
А Антипина Людмила - передачу принесет,
У нее-то хватит силы... я ведь буду идиот.

А Татьяна потихоньку пусть землицу отведет,
Где родимая сторонка... коль до этого дойдет...
Ну, да думаю напрасно я об этом говорю,
Я пока живу прекрасно и от свечки не сгорю.

И умом пока что крепок, и чего желаю вам,
Поделюсь вот и секретом: девки снятся по ночам?!
И как пчелы не кусают, а вот только лягу спать,
Почему-то просыпаюсь и... куда-то бы бежать...

Цигуном на днях занялся, дед - покосник увидал,
Да чуть-чуть не обмарался, вплоть до Шогриша бежал...
Эко чудо с бородою. Руки в небо и... молчит.
Будто встретился с бедою, до сих пор, мабуть, дрожит.

В общем, дни летят чредою, один отпуск пролетел,
И от вас-то я не скрою - как я этого хотел!
Чтобы тихо и спокойно затеряться средь полей,
Только было б лето знойным, да поменьше комарей.

Ширь Российская такая, что весь день поет душа.
Утром выйдешь из сарая и... не надо ни шиша!
Гнуться целый день не надо, грядки чертовы полоть,
Съел картошку и... порядок, и пошел стихи молоть!

Я вот так вот накарябал уж листов за пятьдесят...
В общем, полненький порядок, ждите к осени назад.
Ну, а если мое место кто-то к осени займет,
Дайте мне о том известье - я останусь здесь на год.

О НАС 2.

Над проблемами вечными лихолетий строка,
Словно звездочки млечные, свысока, свысока...
Сколько людям ни чудится - много счастья для всех,
Половины не сбудется из желанных утех.

Вся планета не мирная - воевать суждено,
Как полоска пунктирная - то светло, то темно...
Лишь с колен поднимаемся, обустроим жилье...
Снова завистью маемся и... находим ружье.

Из-за веры и золота, из-за всяких страстей,
Потерявшие голову убиваем людей!
Жжем жилища и пажити, где тут вспомнить любовь,
Все теряем, что нажито. Даже детскую кровь.

Где? В каком же столетии, у каких берегов?
Сгинут все перипетии, и не станет оков?
Ох, оковы духовные, пострашнее желез,
Где под песни любовные в нас вселяется БЕС!

О "КРИТИКАХ".

Недавно был тут разговор с приятелем хорошим,
Что генеральный прокурор, похоже, сел в калошу.
Что у Чубайса все мурло в пуху, как у лисицы,
А Жириновского хайло уже в кошмарах снится.

Что Путин вовсе и не тот, кого народу надо,
И кто однажды наведет в стране у нас порядок.

И тот плохой, и тот - дурак, и тот на чем попался...
Да, все, конечно, вроде так... но я тут вдруг взорвался:

Послушай, милый, не гуди! Чего ты как в Содоме?
Ты вот возьми, да наведи в своем порядок в доме!
Ты посмотри-ка, дочь твоя - похлеще Хакамады,
А теща-то, совсем змея - два Жириновских кряду!

Отец - как Ельцин в декабре, а сын - как Березовский,
Коль у тебя так во дворе, так и в Кремле Московском.
Ведь ты же Путина избрал, чего ж теперь ершиться?
Ты в думе драку наблюдал? А сам жене... ключицу...

Гусинский - вор, а ты вчера доску волок с работы,
Чего ты лаешься с утра? Подумай, сам-то кто ты?
Притих приятель, помолчал и, удивленно глядя,
Невразумительно мычал: ну и даешь ты, дядя...

ОТКРОВЕНИЕ ДЛЯ ПРИЯТЕЛЯ.

Давай не будем пить сегодня, зачем нам пьяный разговор,
Бутылка - это в омут сходни, а не лазейка на простор.
Ты трезвый вовсе не заходишь, свои проблемы унося,
Свою беду по лесу водишь, у Бога милости прося.

Стареешь не годами - днями, мешки, морщинки, мутный взгляд.
Между какими-то делами порой и скажешь невпопад...
Ссылаясь на свою работу, глядишь в стакан уже в упор...
Порой не понимая, кто ты, уж сам себе не прокурор.

В душе, сознаться не рискуя, причины ищешь в стороне,
Зачем ты выбрал жизнь такую, зачем ты вновь идешь ко мне?
Не я судьбы твоей учитель, пути давно уж разошлись...
Да, я ушел в свою обитель, а ты ушел в другую жизнь...

Давно минуло лихолетье тех дней, позора моего...
И ностальгии междометья уже не щиплют никого.
Зачем, однако, ковыряешь заживших ран несвежий шрам?
Ты сам меня не хуже знаешь - позиций я уже не сдам.

Давай попьем сегодня чаю, давай покурим от души...
Ведь жизнь прекрасная такая здесь, в нашей девственной глуши.
Давай с тобой заглянем в завтра, увидим там не только мрак...
Ты человек, ты же не трактор. И я, наверно, не дурак.

РАСПЛАТА.

Господь заповедал: в четыре колена
Расплата за каждый грех.
Не слабо достались в наследство гены.
Где ж мне рассчитаться за всех?

Как праведной жизни усвоить каноны?
Вольно было предкам грешить.
Как жить, чтобы детям не строить препоны
Да карму отцов искупить?

Конечно, суд Божий оспорить - не гоже,
Каноны свои у него,
Но, Господи праведный, все же и все же
Ответить позволь за себя самого.

Ломает меня бытие, как попало,
Всю жизнь не подняться с колен
А только как будто все мало и мало,
Не жизнь, а какой-то плен.

Я вижу, меня на всех предков не хватит.
И сын по моей же стезе?
Неужто, ему точно так же горбатить,
Свой нос умывая в слезе?

Тогда объясни, где твоя справедливость,
Иль я что-то мыслю не так?
Ты Сам говорил: мол, надейтесь на милость...
Вот я и надеюсь, дурак.

О ПОЭТАХ.

Извечный бред, паршивый зуд - стихи
Рога с дорогою отчаянно рифмую
Ведь уж старик, в мозгах-то лопухи.
А вот по рифме, словно юноша, тоскую.

А жизнь бурлит кругом, кричит, зовет,
И красота целуется с соблазном.
Толчками сердце рифму выдает,
О прелести, о подлости, о разном...

Какая попка! Ну, пошла - пойди...
Нет, надобно поэту оглянуться
Да закрутить "такие бигуди"
С таким хореем... чтоб ей поскользнуться!

Мотает лошадь чалой головой
Телега с грузом, где тут рифма? Боги!
Ну, а поэт стоит и сам не свой,
Фантазии посыпались на дроги:

Ты жеребенком ветреным была...
Тебя взнуздали, отняли свободу...
Ты человеку жизнь отдала...
И станешь пищей этому уроду!..

Чу, воробей чирикнул невзначай,
Подружке крошку где-то расстарался...
И вновь поэт бумаге - получай:
Какой талант без голоса остался!

Ведь он учился вместе с соловьем,
Но только на заочном отделеньи...
Недоучился, бедностью склонен!
И вот без голоса, от сцены в отдаленьи!

Я - не такой. Я - честно, от души,
Не оставляя никаких залогов!
И люди ценят, говорят - пиши!
Моральный импотент с красивым слогом.

ПРОЦЕСС.

А при свече как пишутся стихи,
И шепчет карандашик по бумаге,
И вечера березово тихи,
И звезды падают в далекие овраги...

А лето наклубило облаков
Причудливые, добрые созданья,
Плывут в ночи меж наших огоньков,
Соря стихами и меняя очертанья...

И где-то здесь, под ними огонек
Моей свечи, моей души раскрытой...
Немногое поймать от них я смог
И не попал в литературную элиту.

АХ, Я КАКОЙ!

Очень хочется, а не пишется,
А в душе опять что-то слышится,
Очень верится, а не молится -
Я как деревце за околицей.

Пешеход пройдет - сломит веточку,
Оборвет цветок б... кокеточка,
А ребеночку - прутик хочется,
А коли пьянь пройдет - так помочится.

Красоту блюсти - не у околицы,
Вон - шиповник цел, он же колется.
Видно, мне судьба - тяжела пришлась,
Раздарив цветы, нагишом пропасть.

О, ЛЮДИ!

За две тысячи лет ничего не придумать,
Как наказы Христа - "...не убий, возлюби..."
Ох, упрямый мой мир, даже страшно подумать
Сколько стран - городов утонуло в крови...

Возлюбили себя. Круто поняли, круто!
Не убили себя - каждый свят и умен.
Только нужно же, чтоб стало легче кому-то
От наказов Христа и от наших имен.

Человека убить - грех огромный, конечно,
А любовь убивать - вроде грех небольшой.
Что такое любовь той девчонки беспечной,
Что и впрямь, как за Ним, вдруг пошла за тобой?

Что такое любовь с первовзгляда как в омут?
Что такое ответ на такую любовь?
Это радость в душе, как все клеточки стонут...
И ... прикладом взашей, прямо в глаз а не в бровь.

Ну, а коль не люблю, и не нравится даже
Что же делать с такой вот любовью большой?
Ведь и я человек, моя жизнь не продажа,
Убиваю любовь? Да! Но грех тот не мой.

ИСПОВЕДЬ?

Да не писал бы я этих стихов.
Когда б не зуд какой-то непонятный,
Да голос тихий и невнятный,
И разговор с собой "без дураков".

Но вот беру опять свое "перо"
И шариком тихонько по бумаге...
И мою, мою шелуху, подобно драге,
Пока не вымою достойное "зеро".

Вот эта исповедь с белеющим листом
Мне чистит душу, омывает совесть,
Течет, как неоконченная повесть,
Снимает с плеч кручинушку пластом.

Ну, а когда исписан лист и больше
Себе становится уж нечего сказать,
Порою сам не можешь осознать,
Кому все это надобно читать.

ПОДГЛЯДЕЛ...

Непонятная, непонятная, а чего тут вообще понимать?
Ты - красивая, ты - приятная, молодая цветущая мать.
Дом как терем, одежда - с иголочки,
Губы - бантиком, брови - вразлет.
А вот я подглядел, словно в щелочку.
Боже правый! Старуха идет...

Что случилось с тобой, непонятная?
Эк тебя крутанула судьба,
Чем же доля твоя неприятная?
Отчего "в голове городьба"?

То смеешься так звонко и молодо,
Глаз горит и язык остер,
Только вдруг как подует холодом,
Словно снегом сухим на костер...

Словно нету в тебе ни теплиночки
Будто правда внутри пустота,
Щеки - бледные без кровиночки...
Непонятная ты... да не та.

Видно, нету тепла в твоем тереме
Птичка божия, в клетке живешь,
Видно, смолоду счастье утеряно,
И одна ты его не найдешь.

Что ж не видит тебя твой-то суженый?
Не собака же ты, Боже мой...
Или он тоже "с детства застуженный"?
Но... тогда это суженый Твой!

МЫСЛИШКИ.

Вдалеке от людской суеты
От трамвайно-автобусной звени
Там, где пчелы, река и цветы,
Предаюсь обалделой лени.

Всласть читаю, терплю комаров,
У свечи по ночам размышляю,
И тихонечко тайны покров
Своего бытия поднимаю.

Я такой же, как все, человек -
Плоть от плоти страны и деревни.
Скоро мой исчерпается век,
Умирают ведь даже деревья.

Кто-то мне этот век отпустил
Бог, природа, а может быть, космос?
Только вот объяснить-то забыл
С целью дал или так вот, просто.

Мы в конце понимаем все -
Для добра эта жизнь - подарок.
Но, добро... у кого в колбасе,
У кого-то и в пьяном угаре.

Каждый смерял на свой аршин
Для себя приспособил благо
Но, наверно, не я один
Продираюсь по этим оврагам.

Понимаю - дарить добро
Послан я в это грешное стадо,
Изорвать для людей нутро...
А просить ничего не надо...

Понимать понимаю, да!
Вроде так, но мыслишка портит!
Все для всех! Для себя - никогда!
Но... посмертно... хоть маленький орден.

ИЗМ.

Ох, эти "измы" с детства и поныне -
Материализм, капитализм, социализм,
Торчат, как пирамиды, во пустыне
Кручу башкой по жизни - всюду "изм".

А вот недавно книжка мне попалась,
И в ней для нас запретный в прошлом "изм"
Так мы с идеализмом повстречались
Я погрузился с головою в этот "изм"

Логически и четко все о боге,
О космосе, о смысле бытия,
Реинкарнации и карме, как дороге,
Мне показалось, что по ней иду и я.

Я с удивлением читал о том, как было,
Что смерть мой вовсе не окончит век,
Добро и зло природа не творила,
Их для себя придумал человек.

Что жизнь дается вовсе не однажды,
И человек - своей судьбы творец.
И за содеянное отвечает каждый,
Из жизни в жизнь несет он свой ларец.

А смысл в том, чтоб был ларец наполнен

Не всяким барахлом, а лишь добром,
Хоть люди о добре твоем не помнят.
А ты и не стучись в те двери лбом.

И все равно ты станешь полубогом.

От пьяницы к святому путь пройдя,
Тебя сто раз вернут на ту дорогу,
Которую освоишь уходя.

И знаете, мне этот "изм" по вкусу,
Впервые я увидел свет вдали,
Не тот, который был всегда по курсу,
К которому мы так и не дошли.

А тот, который чем-то душу греет,
Законы космоса великого трубя,
А тот, который чуточку меня жалеет...
И стало так приятно за себя.

ЭТЮДИК.

По крыше дождик барабанит,
А мне не спится в тишине,
Полна душа моя словами
О шуме сосен, о луне...

Встаю и в зубы сигарету,
Зажег свечу, взял карандаш.
А рифма - вот была, и нету...
Какой-то странный ералаш.

Сижу и вспоминаю юность.
Костер, палатки у реки,
Гитары ласковую струнность,
И звезд далеких огоньки...

Как уголечки поцелуи,
Надрывный шепот, ох да ах,
И что-то парочка воркует,
Забыв себя и нас впотьмах.

В избушке дождик - не в палатке,
Под бок вода не затечет,
А здесь лежит моя тетрадка...
И свечка выдала щелчок.

ЖИВОЙ ОГОНЬ.

Огонь свечи, какое чудо!
В ночи шуршание огня,
И мысли ласковые блудят
Вокруг огня, вокруг меня...

Лишь остается осторожно
Их на бумагу уложить,
Еще чуть-чуть подправить можно
И со свечою потушить.

Сейчас становится понятно,
Как Пушкин "плел" свои стихи:
Огонь свечи шептал невнятно.
А он распутывал грехи.

Так вот алмаз при свете люстры
Не даст играющих лучей,
А как он весело и грустно
Вдруг засверкает от свечей.

Живой огонь, живое тело,
Живое, слово от огня...
И вот гляжу я обалдело:
Эк шандарахнуло меня!

ЛЮБИМОМУ ИНСТРУМЕНТУ.

Не поешь ты, труба, не плачешь,
Видно, тоже стареешь, как я,
Губы нервно по нотам скачут
И мелодия - не моя.

Помнишь раньше, гряду Аракуля
Разбудила в сентябрьский сон
И стаккато, как быстрые пули,
По Вишневым горам вперезвон...

Чисто пела тайга глухая,
Эхо дивное хороня.
Листьев медь и твоя медь шальная
Продолжением были меня.

Ты умела в душе любого
Вздыбить все, что он прятать мог,
Ты любила меня такого
"Среди марева дальних дорог".

Я любил тебя крепко и нежно.
Пусть и тесен тебе был рюкзак.
А сегодня уж я не прежний,
Вовсе старый седой чудак.

Но сегодня вот вдруг захотелось
Твое эхо услышать в лесу.
Я не верю, что мне отпелось,
Я любовь твою в сердце несу.

И когда-то, конечно, знаю:
Ты меня еще переживешь
Я прошу тебя, заклинаю!
С губ чужих - мою песню споешь.

СЛЕТ БАРДОВ.

Ну вот, расселся славный люд,
Наружу лирика поперла.
Звенят гитары, все поют,
И молодежь нам нос утерла?

Вы все такие же, как мы?
Да нет, наверное, покруче.
Пусть не хватает глубины,
Но, в чем-то, кажется, получше.

Другие песни, строй другой,
Другие мысли - ваши гости.
Но... нас не стукнуло войной,
Нам не ломал осколок кости.

В горах искали мы любовь,
В тайге, в глуши, в плотовых сплавах,
А вы в горах прошли сквозь кровь,
Где виноватых нет и правых.

Вы даже были лишены
Кричать "За Родину", стреляя.
Из пацанов да в печь войны -
Судьба уральская такая.

Какие песни вам нужны?
Какие грезы в ваших мыслях?
Гуляйте, пойте, пацаны,
Хотя и мы еще не скисли.

И если старенький аккорд
Разбудит что-то в ваших душах,
Значит, сидит в старухе черт,
И надобно ее послушать.

ГОРЯЧАЯ ТОЧКА - ЧЕЛОВЕК.

Он был, как все, и даже больше.
В спортзале гирями играл...
И вот вернулся, вместе с болью,
А я его и не узнал...

Из школы запросто в солдаты,
Что? Аттестат на автомат?
Ведь пацаны, совсем ребята,
И уже нужно убивать?

Урал - опорный край державы.
Как будто проклятый за грех,
Идет о нас такая слава,
Что наши дети крепче всех.

И потому в Москве - столице
Решил какой-то генерал
Что пусть кровавую водицу
Хлебает Батюшка - Урал!

Мы из Европы, мол, слабее,
А ну не выдюжим войны...
А ихним детям половчее
Дырявить пулями штаны.

И вот уходят наши парни
В Чечню порядок наводить
Зачем нужна им эта псарня?
И сколько можно их губить?

Куда сейчас ему с той болью?
Где душу вычистить до дна?
Чем мечен он, своею кровью,
Или чужой пролил сполна?

За год освоив ту науку,
Осколок получив в плечо,
Кому сейчас подаст он руку?
И что получит он еще?

Он был, как все, и даже больше
В спортзале гирями играл...
А вот вернулся вместе с болью
А я его и не узнал.

ВОТ ТАК И ПИШУТ.

Поэзия - не ремесло.
Сидел весь день с листочком чистым
А при свече - как понесло!
Как будто с горочки. со свистом!

Летает рифма - стрекоза
Лови и на бумагу, с маху.
Пиши, пиши, прищурь глаза
Да сигаретой не спали рубаху.

Такой крутой ажиотаж,
Что даже ручка перегрелась,
А муза! Высший пилотаж!
Уже как женщина - разделась!

Откуда что берется? Страх!
И мысли дикие, шальные,
Свеча сгорела и ... бабах!
И так вот пишут все больные.

СТРИПТИЗ.

Читать свои стихи со сцены
Как ни крути, а все - стриптиз.
Здесь чувствам нет уже замены
Всю душу выложь, как на бис.

А если выложил и мало?
А если люди не поймут?

Ну что, иди, начни сначала
И значит, был напрасен труд.

И значит, ты не знаешь жизни,
Писал не то и не о том.
Но все равно, мой друг, не кисни,
Напишешь что-нибудь потом.

Напишешь в новых междометьях,
Добавив правды там и тут,
Но не надейся на столетья:
Поэты долго не живут.

О МУЖИКЕ.

Мой поселок живет, много лет уж ему,
Двести лет он живет и еще четверть века.
Боже Правый, скажи, отчего, почему,
Не создали мечту здесь свою человеки?

Почему до сих пор даже цель не видна
То туда, то сюда их судьбина гоняет.
То красавица-церковь была им нужна,
То священника всуе побили камнями.

То мое, то твое, то вообще все ничье,
Что-то строят и вновь разрушают...
А мужик - словно бык, то покос, то жнивье,
Из нужды, словно жук, из дерьма выползает.

Революцию делали - вроде светлей,
Были цели красивы и ясны,
Сколько сдуру угробили лучших людей!
А сегодня сказали - напрасно!?

Убирали разруху в крови и в поту
Нарожали детей и... война накатила.
Ждали в горе победу, как будто мечту,
И победа пришла, и покой подарила.

Дорогой тот покой: что ни дом, то звезда
На воротах прибита - алеет...
А за каждой звездой зубы скалит беда,
Вдовы плачут и души болеют.

Но упрямый мужик, он опять словно бык
Пашет смену в упор на заводе,
А вернется домой и до ночи впритык
Снова пашет в своем огороде.

Побежденные немцы уж лучше живут,
Все отстроили, нам помогают,
А в поселке достаток: как не было тут!
Бог ты мой! Ну чего ж нам опять не хватает?

Работящий народ и приволье кругом.
Строй жилье и рожай себе смену,
Но какой-то порочный и замкнутый круг
Может, карма не та ... или гены?

Хорошеет Москва, люди в космос идут,
Достижения все прибывают...
Но как дед Евдоким здесь поставил избу,
До сих пор в ней родня проживает.

Все туда, все туда, в плановьё, в громадьё,
Перестроен завод постепенно,
А мужик - словно бык, то покос, то жнивьё,
И вот так уж в десятом колене.

Позабыла страна о своем мужике
Как живет он - никто знать не хочет...
Но о светлом о будущем там, вдалеке,
Президент престарелый бормочет.

Пережили беду, пережили войну,
Проживаем уже перестройку,
Растащили, сломали свою же страну,
Мужика приучили к попойкам.

И мужик уж не бык, надоело пахать,
От работы совсем отучился,
Каждый третий денек - он ведь праздник опять,
Каждый пятый мужик уже спился...

Ах, какая страна! Ах, поселок какой!
Ах, какие счастливые люди!
Где та общая цель, чтоб воспрянуть душой?
Неужели вот так все и будет...

Я - бездарный поэт, вас куда позову?
На какие благие свершенья?
Четверть века я с вами в поселке живу.
И в душе моей то же смятенье.

Молодняк уезжает и мрут старики,
И пустеет поселок с окраин.
Предприятья - кормильцы от нас далеки,
Появился на каждом хозяин...

А мужик - словно бык, не умеет понять
Было наше. а стало не наше!?
Что сказать вам, друзья, может, снова начать?
Ох, крутая получится каша!

2000.

ПОРТРЕТ КОЛЛЕГИ.

Какая-то ты правильная вся
И как замок с секретом, вроде бы открыта,
И люди все тебе как братья и друзья,
Ты любишь их и ими не забыта.

Твоя работа - все к тебе идут,
С бумажкой каждой, справкой, завещаньем.
И все в тебе участие найдут,
Для каждого найдется состраданье.

Порой гляжу - ломаешь ты себя,
Я в морду плюнул бы ему, а ты - улыбку,
Ни чувств, ни страсти - страшно за тебя,
Так вот накопится внутри и... лопнет скрипка.

Все мужики клюют на красоту -
На талию, на грудь и на походку...
Но замахнись попробуй на такую высоту,
Где разом протрезвеешь и от водки.

С тобой нельзя. наверное, вот так,
Как в омут, с головой, а там - что будет...

А, может, накрутил я лишнего дурак.
Насочинял небесных буден?

А может, ты и ждешь поклевки той,
Лишь внешне оставаясь безучастной?
Мечтаешь, чтобы кто-то вдруг! Да за тобой!
Да и живешь в мечтаниях несчастной?

А может... может... всяко может быть.
Сиди, пиши, седая бородища.
И отчего ж ей мужа не любить?
А ты все между строк "козулю" ищешь.

РОДНОЙ УРАЛ.

Ах ты, бешеный Урал,
Холода в июне.
Только лист зеленым стал
Снова снегом дунет.

Комары да овода,
Клещ копьяшку точит,
Солнца - вовсе ерунда
То метет, то мочит.

Восемь месяцев зима,
Остальное лето.
В огороде - кутерьма.
Огурцов-то нету!

Повезло родиться нам
В этой круговерти
По ухабам да по пням
Вплоть до самой смерти.

А в Крыму - шипит вино
Абрикосы зреют,
Почему им все дано?
Даже солнце греет.

Как ты, Боже, рассудил?
Кто же мы такие?
Или Ты нас посадил
За грехи какие?

ОТЧЕГО?

Высоких мыслей высший смысл
В глубины космоса уходит.
О чем мечтал князь Гостомысл,
То и в моей душе все бродит.

Я поражаюсь, отчего
Веков седых чреда лихая
Не изменила ничего.
И все о том же мы мечтаем.

Мечтаем мы, чтоб Русь была
Народом сильным и богатым,
Чтоб мать дитя свое несла
В добротный дом, а не куда-то.

Чтоб были тучными стада,
Чтоб не ломились печенеги.
И радость мирного труда
Венчалась мудростью Карнеги.

Чтоб философию любви
Детишки наши понимали,
И чтобы добрым визави
В конце концов у Бога стали.

Он указал нам путь такой,
Чего ж еще? Иди и здравствуй!
Но мы все ищем путь другой...
Среди веков... и все напрасно!

ДЛЯ ЛЮДЕЙ.

Для себя стихов не пишут -
Это только для людей.
Хорошо кричать, коль слышат,
А не слышат - жить сложней.

А бывает, прокричишься
А вокруг-то - никого!
Вот тогда и разозлишься,
На себя на самого.

А еще, бывает, в спину,
Как в кирпичную стену...
А бывает... брови сдвинут...
И чуть чуточку поймут.

И вот это чуть - маленько
Для поэта - весь удел.
Видно, где-то он близенько
От того, чего хотел.

ЭЙ, ЧУБАРЫЙ ЖЕРЕБЕЦ...

Эй, чубарый жеребец, выбирай дорогу,
Где-то наш с тобой конец, вот туда и трогай,
Где печаль, словно печать, нам закроет очи,
Вот туда меня доставь к середине ночи.

Чистым снегом голубым замело поляны,
Поднял руки я и в дым оказался пьяным,
Вот как в жизни допекло, взяло за живое,
А в душе голым - голо, что это со мною?

Вроде молодость прошла, зрелость на закате,
Мне б готовить все дела к старости, к расплате,
Только я не волен жить мудро да счастливо,
Видно надобно допить чашу молчаливо.

Проворонилась любовь, мимо пробежала.
Я пытался эту новь начинать сначала.
Только Боженька сказал: "фигу ты получишь",
Проморгал так проморгал, может, даже лучше.

Да, свое я получу, даже на погосте,
А сейчас вот помолчу, совесть ломит кости.

Ломит, как полиартрит, каждый день серьезней.
Это, брат, душа болит. Едем к черту в гости.

КАХ ХОТЕЛОСЬ.

Как хотелось когда-то красиво писать:
Море чувств и страстей бушевало,
Только в печку бросал за тетрадью тетрадь,
И... чего-то в стихах не хватало.

Время «выткало нить», будто в жизнь колею,
Вот уже тридцать пять отмечаю,
Я читаю стихи, под гитару пою,
И... чего-то в стихах не хватает.

Вот уже пятьдесят. С первой книжкой тебя!
Написал. А все кажется мало...
И наверно, не зря углублялся в себя,
Так чего же в стихах не хватало?

И под старость совсем, на десятке шестом,
Когда схлынули бурные грезы.
Ты как раз осознал: не гонись за стихом,
Напиши-ка хорошую прозу.

Коли есть что сказать, люди станут читать,
В рифму всякое лыко не свяжешь.
Ну, а все, что тебе довелось испытать,
Потихонечку в прозе расскажешь.

ВЗГЛЯД.

На рубеже шестидесяти лет
Мы начинаем мыслить по-другому
На рубеже шестидесяти лет
Привязки нету ни к любви, ни к дому.

А кажется, что все еще вчера
Твой друг ушел в обнимку с баритоном,
И ты, птенец, слетевший со двора,
Бежишь по жизни ко двору другому.

Мелькает армия, в ремнях да в галунах,
В кирзовых сапогах, леса да мари,
А вот и ты, в армейских же штанах,
Зилу в карьере "подсыпаешь гари"

Твоя труба, оркестрик небольшой.
Ты плачешь в свой мундштук свои семь ноток,
Танцуют все, любуются тобой,
А ты еще не знаешь толком, кто ты.

Зачем живешь, куда несешь судьбу,
Чего от жизни хочешь в окончаньи,
Пополнишь ли лихую голытьбу,
Или в тебе прорежется начальник...

Всю жизнь "баранку будешь выпрямлять"
Иль будешь строить улицы да цехи...
Но вот семья, учеба, и опять
Везешь свой воз и снова не до смеха.

И вот полста, а новых нет друзей.
Лишь прежние из юности пируют.

А ты слетел в болото из "князей"
"Из князи в грязи", Библия толкует.

Уж третий раз такой переворот
Сейчас ты мудрым должен становиться,
А жизнь все пылью забивает рот,
"И меж плевками некогда креститься".

Удар судьбы - аж челюсти свело,
Святое самое ты зарываешь в яму...
И клонишь свое лысое чело,
И глушишь водкой жизненную драму.

А там где водка - море по колен,
И мысль шальная: может, застрелиться?
На кой мне жизнь такая, словно плен?
Эх, угораздило не вовремя родиться...

Не вовремя, или не в той стране
А может, предки лишку нагрешили?
А в общем... не плохая жизнь досталась мне -
Так мы с приятелем недавно порешили.

Что смог, то спел, построил, воспитал,
Спины не гнул, от зависти не охал,
Что заработал - то и получал,
Да в общем-то и жил не так уж плохо.

На рубеже шестидесяти лет
Мы все желаем подвести итоги
Анализируем, какой оставим след,
И как закончим долгую дорогу...

ПЕССИМИЗМ

МЕТАМОРФОЗА.

Я надену костюм свой белый,
Друзьям на радость, врагам на вред,
На два случая жизни сделан,
На парад и на лафет,
Жизнь дает мне парад последний,
Юбилей, круг друзей, вино,
А с лафета пушку медную
Кто-то снял вот не так давно...

Может место мое готовит,
Может просто "цветнину" украл,
Взял да сдал, а потом взял да пропил,
Приготовил лафет и удрал...
Только мне до лафета долго,
Мне пока еще жить да жить,
Жизнь уже не разложить по полкам,
Не осмыслить, не осудить.

Бросьте вы суетиться, люди,
Все у Господа Бога в руках,
Он лишь ведает, что с нами будет –
Кому звезды и жизнь, кому прах.
Кто-то плачет, страдает, пашет,
В полуголоде, не в чести,
Кто-то просто руками машет,
Весь в надежде - Господь простит...

Как судить нас, каким мерилом?
Каждый думает - сам судья.
И вот так вот с суконным рылом
Все надеются, даже я.

Ой, потешь нас, святая Надежда,
Дай лавровый гнилой венок.
Не такие уж мы невежды,
Каждый помнит - что сделать смог...

И бессильны законы мирские –
Осудить или же оправдать.
Судьи кто!? Кто же судьи такие!?
Вот что нас занимает опять!
Не о том, кто чего заработал,
Не о том, как там дальше жить...
Надо как-то вот знать народу:
Кто их все-таки будет судить!

2003.

ОСОЗНАЛ?

Я прилежно пишу юбилейные тосты красивые
За строкою строку подгоняю под случай крутой.
Веселятся и пьют чьи-то гости от водки счастливые
И кричат:
-молодец! Ты еще свою песенку спой!

Если пьяный - пою, отбивая ботинком растоптанным
Ускользающий такт, и гитару рукой теребя.
Моя песня звучит... будто в грязь неожиданно втоптана
Про походы, тайгу, про любовь, про меня и тебя...

Чья-то ложка стучит, и бутылка о рюмочку звякает,
Кто-то травит соседу явившийся вдруг анекдот...
А слова моей песни куда-то все падают... падают...
И к концу уже просто захлопнуть свой хочется рот.

Отзвенела струна, гости вспомнили... бурные возгласы:
- ай старик! Молоток! Ну-ка вжарь-ка еще что-нибудь!
Я хватаю стакан... вот такие бывают вот полосы...
Запьяней же душа поскорее... и все позабудь.

Никогда б не читал пьяным людям стихов и не пел бы им,
Да вот водка толкает, как вор, отключивши мозги...
Все мы грешные в том, что забыться порою хотим,
Видим только себя. Сквозь стакан же не видно ни зги.

2004.

ГОРДЫНЯ.

Что вам сказать, друзья и недруги мои?
Уж мне за шестьдесят, уж я старик глубокий,
И нет заслуг, чтобы потом,
Как Гамлета меня несли четыре капитана...

Дряхлеет тело, как у всех, ни шатко и ни валко...
И мыслей вдруг сменилось направленье.
Порою крикнуть хочется для вас!
А как добиться, чтоб услышать вы хотели?

Но грешен мир, и грешны с вами мы
Один лишь Бог все прегрешенья наши знает.
А человек... О, слабый человек!
Лукавит все в душе своей... лукавит.

Мы все живем, как будто нам до сорока,
Творим, дерзаем, жалости не зная,
И думаем, что впереди еще большая жизнь,
И вот приходит время оглянуться.

Да, оглянуться, не вперед смотреть,
Когда до нас вся бренность мироздания доходит...
И страшно хочется назад, туда...
Где в общем жизнь стрелою пролетела.

Как многое б мы сделали не так,
Чтоб нынче совесть вовсе не терзала,
Но... не лукавь опять презренный человек,
Коль сделал бы не так, так ты б не научился!

Ведь каждый человек в душе своей баран.
Нет, не надейся, вовсе ты не овен,
Баран упрямый, слышащий себя,
Себе лишь верящий, презревший опыт старших.

Ты еще в детстве, глядя на огонь,
Родителей своих за дураков считая,
Лишь после воплей осознал, что горячо...
С тех пор лишь собственный ты опыт признаешь.

Так знай же ты, коварное созданье,
Что дьявол подловил тебя как раз на этом,

На упрямстве! На нежелании признавать авторитеты!
Гордынею назвал Христос беду твою.

И когда в мир иной ты, наконец, уйдешь,
Детей твоих гордыня памятник тебе
Из камня хладного воздвигнет,
Такой, чтоб не было в округе равных.

Ну как же можно в грязь лицом ударить,
Как можно допустить,
Чтоб каменюка над пристанищем твоим,
Был меньше чем соседа по могиле?

Гордыня на земле оставшихся людей,
Себя потешив, так взмахнет крылами,
Что не угнаться даже ангелу за ней,
А значит не вернуть на праведность пути,
Не опустить на землю...

А то не ведают потомки в благодарности лихой,
Что будет же еще пришествие Христа!
"И мертвые восстанут из могил своих" но как!!!
Как вылезать придется из под камня?

Не потому ль мы предкам уготовили своим
Мученья страшные, что нас они учили
Гордыни слушаться своей,
Презрев и здравый смысл и Божие ученье?

Не потому ль летим сегодня на колесах,
Держа под ухом телефон, соблазны скорости вкушая,
Расталкивая злобную толпу, таких как сами?
Куда спешим, чего нам не хватает?

2005.

ТУПИК?

Что-то сердце болит в новогоднюю ночь
Я опять не в ладах сам с собою
Ах, как время летит и уносится прочь
Замотался я с жизнью такою.

Что когда-то любил - потерял навсегда
Что искал и добыл уж не в радость
А сегодня ползу ни зачем в никуда...
Вот такая зеленая гадость.

Подитожив грехи вдруг воздал мне Господь
В одночасье я сына лишился...
Как же жить мне теперь, как себя лобороть?
Я же попросту "не получился"!

Все успехи мои и дела и стихи
Будто в мусор... в корзину упали.
Я кольцо все хранил для любимой снохи...
А сейчас его словно украли.

Ах, как сердце болит, когда вижу друзей
И внучат.. и внучат на коленях...
Внуку шашку хранил... а вчера сдал в музей...
И... сгорает судьба как полено.

Как устроена жизнь. все в погоне... вперед!
А пол века прожил, оглянулся...

На хрена он был нужен, такой вот полет?
Все потеряно, круг твой замкнулся.

А сейчас... только выпью... так шалая мысль
Аккуратненько вертится рядом:
Да не мучайся ты, вон ружье... застрелись!
В избавленье... и даже в награду.

Обретешь свой покой, и "докажешь другим",
И "змея" твоя враз захлебнется...
Ой, как худо мне жить с "направленьем" таким.
Неужели все так оборвется?

2005.

ТОПОЛЮ.

С днем рожденья тебя, тополек.
Экий вымахал ты за пять лет за могильной оградою...
Тихо здесь. Для души уголок...
На пригорке твоем каждый день тебя солнышко радует.

Пошепчи же листвою своей.
Как вы тут, в тишине коротаете ночи холодные,
Сколько весен шагнуло по жизни моей
А душа все как прежде по сыну Артемке голодная.

Я сюда каждый раз прихожу
Душу рвать на клочки и кусочки кровавые
Вот шагну я за эту межу...
В мир твой призрачный, где одинаково люди все правые...

Ты меня извини тополек
Что я выбрал тебе это место до дикости грустное
Не бульвар, и не сквер, и не парк, как уж смог...
И народищу - тьма, а в итоге - на пустоши...

2004.

ФАКТ.

Вот уж думал, как выйду на пенсию,
На всю зиму засяду писать.
Как студент отработаю "сессию",
Да издам себе книжку опять.

Вот и вышел... Полгода уж минуло.
Ни стихов и ни прозы - обвал.
Что-то видно в мозгах моих сдвинулось...
Ни строки еще не написал.

В голове чистота первозданная,
Ни-че-го! Хоть бы рифмы крючок.
Хоть бы строчка какая-то, драная...
Хоть бы маленький где-то щелчок.

А сюжетов - "полна коробушка",
Да вот муза в прогулы ушла...
За окном наблюдаю воробушка,
Он весенние правит дела.

У него начинается лирика.
Нужно строить быстрее гнездо.
Перестроиться что ли в сатирика,
Да сыграть вам сонату " без "до"?

Прям с натуры, для смеха зрителей,
И без музы. Чеши да чеши!
И найдешь ты своих потребителей...
Проку нет. Вот мечты хороши.

2004.

Я ТВОЙ СЫН.

О, Россия моя, я твой сын, я твой раб, я твой пасынок.
Наболело в душе, и не слышит никто мою боль,

Как мне быть-то теперь? Жизнь я прожил. где были все красные,
А сейчас чехарда... в эту жизнь я не знаю пароль.

Кто-то руль закрутил в повороте опасном и бешеном,
И со скрипом колес все летит в неизвестную даль,
Мы сейчас уже все словно в воздухе где-то подвешены...
Каждый молча кричит и в том крике беда и печаль.

Как-то рухнуло все и порядок и доля и радости,
Всюду деньги и страх, все идеи как пыль полегли,
Тупо давят мозги телевизора мелкие гадости.
Как же мы всю страну прозевать безвозвратно смогли?

Как же быстро у нас появились "всей жизни хозяева",
Вновь на чернь и господ разделилась российская явь,
О, Россия моя, что ж ты рот свой опять пораззявила,
И своих сыновей на пороги отправила вплавь.

Только-только вчера подыматься мы начали на ноги
Стали строить жилье, стали вновь походить на людей...
Почему же опять обернулись кретино-баранами.
И избрали себе в руководство отпетых о...?

Карма что ли у нас или доля такая поганая?
Что за грех на душе неоплатный у целой страны?
Снятся мне сапоги да фуфайка какая-то рваная...
Да всю жизнь на веревке в заплатах холщевых штаны.

Как же плыть мне теперь. в перекат иль к пологому берегу?
Там-то смерть, ну а там - рать бандитская. грязь и позор...

И, наверное, зря я надежду в душе еще берегу
Для того чтобы выжить я должен быть гад или вор.

Мне уже все равно, жизнь прошла, впереди
ничегошеньки.
За детей вот душа окаянная сильно болит,
Что у них впереди, обездоленных, нищих и брошенных?
И когда к ним Господь повернуться соблаговолит?

Верю я, все, конечно, само образуется,
Как всегда на Руси: "через тернии к звездам" шагать,
И идею найдем... как пузырь по стране она вздуется...
И... как мыльный пузырь... неожиданно лопнет опять.

2005.

ПЕРСПЕКТИВА.

Вот и все. я сказал, что думал,
Четверть века копил и... сказал.
Словно ветер с околицы дунул,
Словно тучу с заката слизал.

Что там будет потом - не знаю,
Как и где оборвется бег,
Жизнь как песня, грустит и вздыхает.
И один в ней мотив - человек.

Все стараемся в шесть десятков
Отыскать ясный смысл бытия,
Все бежим, наступаем на пятки,
Так прожил свою жизнь и я.

Что-то где-то удачно сделал,
Где-то крупно промазал вдруг.
Суетился, напрасно бегал...
А сейчас вот... кончается круг.

В эту жизнь молодые таланты
Потихонечку, трудно придут.
Пусть не боги они, не атланты.
Пусть они наше дело ведут.

Я надеюсь, что лет через тридцать,
С этой сцены другой поэт
Скажет то, чего мне и не снится...
Сильно скажет... а, может, и нет...

Но ему все равно виднее
Только он сможет нас оценить
Нам, быть может, конечно, больнее...
Но... ему в перспективе жить!

2004.

РУБИКОН.

Егоршинских вестей последняя страница
Как будто бы в районе какой-то рубикон.
Портретик при кресте да голубок синицей.
И... сорок дней... полгода... как погребальный звон.

Кто юн тот скажет просто: не стало тети Маши,
А кто постарше горем вдруг затуманит глаз...
А я "смахну украдкой"... друзья уходят наши.
Уж скоро та страница допрыгает до нас.

И пусть тогда напишут: ушел в поход бродяга.
Шестую категорию себе определил...
Остался его спальник да ковш его - трудяга.
И верный нож походный он сыну подарил.

В какие Палестины шагать душе придется
Без рюкзака с палаткой, без кед, без топора.
И адской или райской дорога назовется
Дорога о которой читал еще вчера.

09,08,05.

НАКАЗАНИЕ.

Сор как зеркало, тишь первозданная.
Даже чайки кружить перестали
Над водой леса линия плавная
Уходящая в дальние дали.

Нет предела раздолью российскому.
Велика же ты матушка - Родина...
Я к тебе в сыновья напросился бы.
Да бездушная ты как колодина.

Вот и я по лесам твоим хищником
Добываю себе пропитание.

Застрелю, да поймаю, да выщипну...
Я не сын, я твое наказание.

Я бы рад все по чести, по совести.
По порядку без всякой пакости,
Да живется как в драной повести,
По злобе, по вранью, да по зависти.

Рвет тебя на кусочки кровавые
Власть имущая - рать беспардонная.
Нас же тьма, и мы тоже правые...
А Россия как бочка бездонная.

Я вот рыбы поймал не по правилам,
А люди в пруд хозфекалы сбросили.
Друг на друга кричим:
- Неправильно!
Подождите, ужо с вас спросится!

И вот этот бардак весь расхристанный,
По которому тенями бродим мы,
Проклинаем в своем неистовстве,
Разоряя тебя, моя Родина.

23,07.05.

ТЕМА.

Ну что, не пишется, мой друг?
Уж нету темы актуальной.
И ты уже не можешь вдруг

Родить свой стих как плод реальный.

Белеет берег Иртыша,
Волна шуршит по кромке плеса...
А ты сидишь и - ни шиша,
И никаких тебе прогнозов.
Ты о стране уже писал,
О нежных чувствах тоже плакал,
Уж все, наверное, сказал,
Ну, ежели не все, так всяко.

Так что же мучаться, мой друг,
Когда слова как козы бродят,
И ждать, что как-нибудь, да вдруг
Напишешь что-нибудь по моде.

Найдешь читателя себе
И как звезда блеснешь талантом.
А серебринка в бороде
Тебя вдруг сделает атлантом...

Не тешь себя, наш бренный мир
Пустот тебе не предоставит
Хоть изотри мозги до дыр
Он тебя вкалывать заставит.

И ты в словесной шелухе,
Набив себе мозоль на темя
Так и погибнешь в чепухе
И проклянешь себя и время.

Ты обозлишься на людей,
Потом начнешь от злости сохнуть.
Ну говорил же Берендей:

- Чтоб быть любимым - надо сдохнуть..

К тебе признание придет
Когда тебя уже не будет...
Такой уж видно наш народ -
(Каков ты сам - такие люди).

И даже памятник тебе
Друзья на Родине поставят...
Но это только лишь друзья,
А не народ тебя прославит.

Так что не мучайся. мой друг,
И брось ты это стихоплетство
Да заведи себе подруг,
Да и ударься в сумасбродство!

Расслабься. радуйся, живи,
Пускай тебе не будет скучно.
Святые в Храме - на - Крови,
Тебе же с ними несподручно.

И канет в лету все и вся
И все твои стихи и проза...
И на хрена ты родился?
Но вот бывают же курьезы...

24.07.05.

ЗАВТРА.

Отшумел юбилей, как напасть, как гроза разудалая.
Разлетелись коллеги, друзья, по домам,
Я остался один, как ненужный, как звездочка палая.
Да вот куча подарков навалена прямо к ногам.

Сколько слов золотых, и алмазных, и просто
надуманных
Отшумело над лысой, бедовой, моей головой,
Я и сам-то узнал под конец вот, опять на беду мою
Что такой я умнюший, и мудрый, и нужный такой.

Я друзей не виню, юбилейные страсти спиртовые…
Как-то принято так - юбиляра до слез захвалить
Когда врежешь пятьсот, все такие вдруг станут
фартовые,
А еще пятьдесят - так и лешего станешь любить.

Отшумел юбилей, что же делать теперь с моим опытом,
Что всю жизнь по крупицам как Плюшкин в мешок
собирал,
Жизнь дальше пошла... полетела... галопом да с
топотом,
И совсем никому этот опыт ненужным вдруг стал.

И начну я сейчас через сито года пересеивать.
Каждый день разложу, сортируя на зло и добро...
А быть может не след, самосуд вот такой вот затеивать
Может к Богу нести свою жизнь как отбросов ведро?

Может нам не судить в этой жизни, какие мы ладные,
Может просто успеть что-то сделать еще для людей?
Ах, вот... мысль хороша... посмотрите, какая нарядная!
Только знаю же я, что... в душе эгоист и злодей.

Отшумел юбилей... да вся жизнь отшумела, как паводок,
Снят красивый наряд, словно дембельский славный мундир...
Вот и все... вот и все... ты старик уже... да, вот так...
Ты сейчас сам себе и балбес, и судья, и кумир.

СТРАСТИ.

Ах, эти страсти перед рубежом...
Сижу, с улыбкою читаю...
Как трудно расставаться с багажом,
С работой, с должностью...увы, я это знаю.

Когда ты в центре и вокруг тебя!..
И вдруг ни центра и ни дел... одна свобода.
Давно уж отгудели, разошлись друзья
И ты уже не нужен ни себе и ни народу.

А ты за эти годы так привык!..
И вдруг - как горло пережали...
Ну что притих? Чего же ты поник?
Тебя же силою совсем не провожали.

Ты сам решил, и сам красиво так ушел.

В нарядном смокинге под звон крутой гитары...
Сказал спасибо и стихи свои прочел...
И... только через месяц вырвался из пьяного угара.

И оглянулся вдруг, и понял. все, конец!
Ты сделал свою жизнь. Уж как сложилось.
Тебе еще оставил пару лет творец
Как пост для наблюдения. Как милость.

Вот посмотри, оттай, приди в себя.
Осмысли, что ты в общем наворочал,
Прикинь, чем люди помянут тебя.
Ну... приготовься, говоря короче.

А там, случится страшный переход,
Быть может странный, и не так уж страшный...
Мы в свое время все сойдемся у ворот
Чтоб оценить наш день вчерашний.

И я сегодня знаю, что земля
Не может поглотить души полета
Прах пусть уходит в прах, ну а душа моя...
Она - то же училась для чего-то.

Пройти такую школу, так страдать,
Учиться мудрости. и крепости. и боли...
И все зачем!?
Никто не может знать?..
Вот ты и разберись. Осмысли свою долю.
2003.

НИ О ЧЕМ.

Вот в семь утра еще стихов я не писал
Всю ночь по крыше барабанил дождик.
И я до четырех ворочался, не спал. читал,
И думал: слабый человек, собою управлять не может...

Заснуть бы мне под этот дождь,
В небытие уйти на время,
Забыть и правду всю и ложь,
И не долбить идеей темя.

Но воли нету мне в житье
И не могу собою править
Запутавшись в галиматье
Умею лишь препоны ставить.

Глагольной рифмы маята
В стихах нахально появилась,
Не соображаю ни черта,
Да что это со мной случилось?

А руки просятся писать,
Как будто чешется лопатка,
Чего-то хочется сказать...
Но лоб сегодня словно пятка.

26,05.05.

ПОЖАЛЕЙ, ПОЖАЛЕЙ.

О своем о далеком вспоминаю не часто
Но уже как накатит - убежать не могу.
Сорок лет пролетело от минутного счастья...
Я его обронил, впопыхах, на бегу.

Понимал ли тогда, что я в жизни теряю,
Так беспечно и просто? Да, наверное, нет.
И вот только сейчас, под конец понимаю...
Через столько-то зим, через столько-то лет.

Что сегодня могу? Тихо скрипнуть зубами.
Да прижмурив глаза отрешенно вздохнуть.
Ну, еще вот могу разразиться стихами.
Поскулить, чтоб уже пожалел кто-нибудь.

Не желаю писать то красивое слово,
От которого чахнут и сегодня юнцы.
Обронил! Потерял! И вдруг вспомнилось снова...
Но, увы, я уже зачищаю концы.

4,07,05.

ДВА ПУТИ.

Не скулится, не ноется, сам себя не пойму,
А в душе кто-то роется, словно бесы в дыму...
Покрестить ли головушку, взять да в церковь пойти?
Мысль такая давно уже словно веха в пути.

Только дьявол настойчиво свои сети плетет,
- Ведь придумал же ой чего!
И пути не дает.
- Как ты, морда партейная, весь в грехах как в шелках,
В заведенье питейное, что ли прешь в сапогах?

Ха! Решился замаливать! Со крестом как с хвостом,
Навострился причаливать... в глаз тебе бы перстом!
Вздумал доброго Боженьку провести натощак,
Натопырь ты мой кожаный, престарелый дурак.

В церкви крестят младенчиков. А тебя им не взять.
Твои грехи как бубенчики поведут тебя вспять.

- Стоп, рогатый, разлаялся, охолонь на ветру,
Сколько в жизни я маялся - на себя все беру.
Согрешил да покаялся - человечья судьба...
Зря напортить пытаешься, дрянь твоя ворожба.

А как выйдет вот Батюшка, да кадилом махнет,
Так за задницу схватишься, как тебя он подпнет.
И мою душу грешную исповедует враз,
Пусть я буду подсвешником, но подальше от вас.

Я с такими уж хаживал "на большие дела"
Все, что прожито-нажито мне судьба отдала...
А к престолу пусть немощный, все равно подойду,
Не успею ко Всенощной так еще подожду.

22.04.03.

ЖЕЛАНИЕ.

А я хотел бы музыку писать,
Вот так же как стихи, но только нотами,
И чтобы мог их каждый распевать
С любыми озорными поворотами.

Ну не дал Бог таланту, дрынь да дрынь!
Не песни, а какое-то убожество.
И люди говорят: "Эй, ты, остынь,
Зачем тебе дерьма такое множество?"

-Ты напиши одну, ну может пять
Такие, чтобы душу скособочило.
Вот мы тогда и будем распевать
Среди хитов и всякого там прочего.

Да я и сам уж вижу все как есть
Не пишется, не пьется, не гуляется,
Такой уж видно у писаки крест...
Лишь раз в три года песня появляется.

22,04,03,

ПЕСНЯ.

Ах ты песня моя, разудалая,
Как пришла - до сих пор не пойму
Промелькнула, как звездочка палая
И досталась лишь мне одному.

Ну а я вот махнул карандашиком,
И оставил тебя на листе
Не любил, не страдал, не вынашивал,
Просто... взял и распял на кресте.

Может быть одному мне понятная,
Ты хотела остаться со мной...
Ну а я-то, душа сыромятная!
Что же это я сделал с тобой?

Я тебя на потеху товарищам
Взял и выставил, всем напоказ...
И поют тебя в пьяном угарище,
Хором все, да по нескольку раз!

Ты прости меня, боль задушевная,
Оскорби, обругай, но прости...
Видно долюшка наша плачевная,
На голгофу публично ползти.

28.04.03,

СКАНДАЛ В КОЛЛЕКТИВЕ.

Стара как мир твоя проблема, буза в толпе, согласья нет.
Сегодня брось им хоть полено, сгрызут в экстазе как шербет.

Сегодня каждый укрепившись в своем упрямстве прет как танк.
Как кони, дико закусивши летят к погибели "ва банк!"

Не важно кто кого затопчет, кому там больно или нет,
Уж все кричат, никто не ропщет, у всех на все один ответ:
Ату его! Давайте крови! Сомнем, затопчем в пух и прах!
И нет ни прошлого, ни нови, горят огни в пустых глазах.

Потом... наступит отрезвленье и стыд от сотворенных дел.
Раскаянье, как избавленье... народ ведь этого хотел.

16,04.03,

СВОБОДЕН.

Как ни крути, а пенсия по старости
Надолго вышибает из седла,
Вам не хватает самой малой малости -
Большая жизнь без вас уже пошла.

Остер ваш глаз и не слабы вы на ухо,
Еще бы делали великие дела...
Но... где-то ждут трезвехонькие "лабухи"
Чтоб вам сыграть свое "из-за угла".

ФИГА В ОКНЕ.

Я еще не запнулся, я еще не упал,
Просто вдруг оглянулся - и задумчивым стал...
Просто чувствую - время придавило слегка,
Облетело уж темя... планка мне высока.

И хоть как разбегайся, высоту уж не взять.
Как от стенки китайской отступаю назад.
Непривычное чувство, не мое! Не по мне!
А в душе как-то пусто... словно фига в окне.

02,04,03,

ЖИЗНЬ - ДИСТАНЦИЯ.

Подбиваю итоги, каждый прожитый день...
Прошагал я дорогу, свою "звездную звень"
Отмахал шесть десятков, как дистанцию, враз,
Ничего не оставил на потом, про запас.

С хрипом, с хохотом, с матом, все вперед и вперед.
Не считая затраты. За страну, за народ!
А на финише разом, с морды пену стряхнув,
Безо всяких соблазнов прочь с дорожки шагнул.

09,04,03

ВРЕМЯ.

Мудрей становишься тогда, когда соблазны прочь уходят.
И даже страшная беда уже в душе не колобродит.
И чудеса, и телеса не так уж сильно привлекают,
В страстях надежны тормоза и... только лысина сверкает.

Мудрей становишься, когда из "князи в грязи" окунешься,
Отмоешься и навсегда "все на круги своя" вернется.
Когда поймешь, как ты могуч, и как ты слаб душой и телом,
Каких ты смог достигнуть круч... а жизнь взяла и пролетела.

14,04,03

ХАМСТВО.

Для стихов нужен стимул, где же взять? У кого?
Время взглядом окинул - а вокруг ничего!
Зацепиться не может мой придирчивый глаз,
Одинакие рожи!? Лиц-то нет среди вас.

Где же личности, Боже, все почто усреднил?
Ухмыляются рожи, среди скромных могил...
"Тех уж нет, те далече", нету "звездного лба"
Только давит на плечи злая карма - судьба...

И... не пишутся строчки. Вот и клин, и секрет,
Понабухли все почки, а листочков-то нет.

14.04.03

ПОМЕЧТАЮ.

Где ты. Где ты мое начало
Первый вздох, первый взгляд, любовь...
Далеко меня жизнь умчала,
Открывая все новую новь.

Все стремился к красивым рассветам,
Раздувая закаты в душе,
От победы бежал к победе.
А сейчас износился уже.

Размечтаюсь... весло бы в руку!
Да порожистой речки рев,
Да спиной бы поближе к другу...
Я б еще в бурунах погреб.

Размечтаюсь... возьму гитару,
Звон аккордов в душе полыхнет
Неуемным таежным пожаром...
Не сожжет, только сердце сожмет.

А потом потихоньку отпустит.
Сдаст назад, отойдет в туман...
Там... внутри, где-то что-то хрустнет...
И опустится фига в карман.

14.04.03.

СКИФ.

Косоглазому скифу в себе я уже не умею противиться,
Подчиняюсь его ворожбе, скоро он во весь рост поднимется.
Я порой беспределы терплю, скромно жду и молчу униженно,
Иногда потихоньку ропщу... а он все злей, словно бык обиженный.

И уже не хватает сил удержать в своем теле чудовище,
Скоро видно "пойду в распыл" ну а он учинит побоище.
И я знаю, что кто-то ждет чтобы скиф на просторы вырвался,
Ой, кровавое время грядет... видно век нам тяжелый выдался.

ДЕКАБРЬ В ДУШЕ.

Закругляется дней твоих бег, декабрем по душе потянуло,
Что ты сделать успел, человек, чтоб потомки тебя помянули?
Как ты жил, как работал, как пел? Те ли песни и та ли работа?
Где был взлет твой, а где предел, и о том ли твоя забота?

Кто сумеет тебя оценить, кто итоги твои подводит?
Поздно каяться, поздно любить, все когда-то к концу приходит.
Опахнуло сырою землей, ах, какие друзья остаются...

Жизнь прошла, в небеса чередой чьи-то белые кони несутся.

И на каждом соблазны, мечты, гроздь сердец и клыки вампиров...
Вот и все! Остаешься ты... а с тобой твоя дряхлая лира.

О ВЕЧНОСТИ.

Как бренен мир, все хрупко и непрочно...
Сегодня ночью смерть по улице прошла.
Поселок спал... счастливо, непорочно...
А смерть соседку... женщину... взяла...

Вот так вот просто, словно выключив машину,
Ушла, оставив тело как халат,
И счастье, и несчастье, и беду - кручину,
И душу грешную взяла и унесла.

Куда, зачем, и почему уходят наши души?
И есть ли что-то где-то там для нас?
Я каждый день пытаюсь вечность слушать,
И... ничего не слышу каждый раз.

ЗА ЧЕРТОЙ.

Жизнь перешла за ту черту простую
Когда уж людям все равно,
Как ты живешь, и что тебя волнует
И что тебе еще дано...

Идет спектакль под названьем лета,
Но ты уж роль свою сыграл,
Ушел совсем, тебя на сцене нету,
Для публики ты все сказал.

А зал гудит, у них другие страсти,
Ты подготовил почву, как сумел,
У них там грезы, слезы, счастье,
Им без тебя своих хватает дел.

И жизнь бурлит и люди все при деле,
Куда-то мчатся, торопя коней...
Ну что грустить-то, в самом деле,
Понаблюдай, за привередливой за ней...

2005.

ЗАЧЕМ ЖИВУТ.

Зачем живут после шестидесяти лет,

Устав от жизни, от любви, от трудовых свершений.
Когда ни впереди, ни в настоящем ничего
существенного нет...
Зачем живут простые люди? Не творцы, не гении?

Конечно, если зрелостью назвать
Вершину возраста, вершину миропонимания,
И если опыт жизненный всей волею в кулак собрать,
То можно выплеснуть во благо творчества и знания.

Ты можешь петь любовь не в чувственном бреду,
Не в пылкой страсти, весь дрожа от возбуждения,
Ты можешь с мудростью сказать, к чему ведут
От чувственных утех лихие помутнения.

Но вот зачем? Отнять у юности лихой
Всю прелесть бытия, страданий, счастья бред,
Чтоб шел по жизни человек... какой?
Такой, которого и в жизни вовсе нет?

Кому нужны сентенции твои. Не твой удел.
Уже прошла пора твоя, ты прожил жизнь, уж как сумел.
И ни кого не надобно учить и назидать.
Осмысли сам, зачем Господь тебя оставил... доживать.

Быть может для того и старость и болезни для тебя,
Чтоб ты сумел, в конце концов, познать себя?
Познать и, может, до страдать, и может дорасти,
До той кондиции, когда придет пора сказать: прости...

18.12.05.

А МОЖЕТ БЫТЬ.

Не умею я жить в полсилы,
Не приучен я жить в полнакала,
Что сказать вам, друзья мои, милые,
Вот и жизнь моя - пробежала.

Так ли жил, то ли делал - не знаю,
Трудно мне - растерялся в итоге
То ли жизнь у всех такая
То ли плохо молился Богу.

Только вертится мысль корявая
Что публично я зря прослезился.
Не такая уж доля дырявая..
Просто я ... не тому молился!

А может быть - раз, и конец?
Палец лег на крючок - лишь нажать...
Если б знать, что уж там, наконец,
Я смогу от себя убежать.

А душа-то с надрывом кричит.
Страшно ей, я же пьяный в дугу.
Нажимай! Ну, чего?!
Да... Господь не велит.
Ну а сам я ... пока... не могу.

К ЧЕМУ БЫ?

Нет, я не собираюсь умирать,
Но к ней готовлюсь к растреклятой,
Ведь умерли отец и мать
И убираются ребята...

Случится это и со мной.
Тот переход всегда случался.
И окажусь я за стеной...
Да, да! Никто не возвращался.

Поверить если естеству
То все, конечно, прахом станет,
Но если вписан ты в паству,
То Бог наверно не обманет.

И там, за призрачной стеной
Найдется мне по силам дело.
И будут все друзья со мной,
Но... вот врагов бы не хотелось.

Хотя, ну как тут Богу быть?
Мой враг ведь чей-то друг, однако?
А друга друга как любить,
Он друг врага, и мне не всяко.

А есть еще вот друг еврей,
И мусульманин друг есть тоже.
Как разместить там всех людей?
Но, то твои проблемы, Боже.

А если будут там враги,
Да и охота и рыбалка.
То хоть бегом туда беги
И этот мир совсем не жалко?

Но это, значит, все опять
Начнется, как и здесь, сначала?
Так на фига мне умирать,
Чего же здесь-то не хватало?

10.06.06.

ЧЕРНЫЙ ЮМОР.

Я боюсь-то не смерти.
Умиранья боюсь
Когда бросятся черти
Разгребать мою грусть...

Когда Дева Мария
Скажет:
- Это не мой!
Да возьмет и отправит
Как собаку домой.

А меня уж зарыли
И большущий привет!
И жена на могиле
Тихо плачет в обед...

Славно попили водки
На помин старики.
Вот такой разворотки
Я боюсь, мужики.

Что? Выкапывать? Дудки!
Ты уж все, отошел.
На девятые сутки
Соберутся за стол.

Установят ограду...
Ну... там... памятник, крест.
И кому это надо
Что я все еще здесь!

Вот лежи и кумекай,
Никуда не берут!
Тяжело человеку
Если черти не врут.

10,06,06.

АСПЕКТЫ СТАРОСТИ.

1

Вот и все, остановлен бег, угасает уже напряжение;

Сорок лет продолжался разбег, а сегодня пришло торможение...
Страсти схлынули, сгинул азарт, и бежать, получается некуда.
Как колода засаленных карт за изношенностью не востребован я.

Все проходит и злость, и любовь, время лечит любые страдания.
День придет - остановится кровь, в избавление иль в наказание?
Унесут на погост друзья, закопают, пропустят водочки,
И... как будто и не жил я. Уплыла в неизвестность лодочка.

2.
Искусство управлять приходит к нам с годами,
Путем волнений, нервотрепок и тревог
Когда, расставшись, снова встретимся с друзьями
На перекрестках жизненных дорог.

Когда вздохнем, качая лысой головою,
Когда слезу сентиментальную смахнем,
И время обозначим "зрелою порою"
Тогда, наверное, и к мудрости придем.

Но только почему, когда пошла от нас отдача,
Когда способны мы решить любой вопрос,

К нам люди вдруг относятся иначе.
И говорят: пора родимый на погост?

Кому-то да, пора на пенсию и в тридцать,
Кому-то нет износу в восемьдесят лет,
Зачем решать, кто людям пригодится,
Стриги всех под одно и весь ответ!

Я власти не хочу, не требую к себе иного отношенья,
Я просто говорю, что я еще не все отдал!
Велик мой долг уменья и терпенья...
Я больше позабыл, чем кто-то вовсе знал.

СТРАННАЯ ТИШИНА.

Тишина какая в доме, звон в ушах и... тишина,
Я пожалуй и не помню чтоб такой была она.
Словно время на излете вдруг застыло в тишине,
И вверху огромный кто-то приказал притихнуть мне.

Приказал мне вдруг подумать как я жил и как живу,
Сам со вздохом просто плюнул, отвернув свою главу.
И зело меня заело что я мало стою так,
Будто я вообще не делал ничегошеньки, дурак?!

-Стой - кричу, в немом порыве - что же это за дела?
Кто придумал, что в отрыве жизнь от Родины прошла?
Нет, давай-ка разберемся, как я прожил жизнь свою,
А не то и подеремся! Ты не прав же, мать твою!

А в ответ:
- другая мера здесь, хороший мой. у нас,
Вся твоя любовь да вера, да задрипанный Пегас,
Здесь и грошика не стоят... не стесняйся, проходи,
Мы сейчас тебя отмоем... все разборки впереди...

3.

Вот и окончен маршрут, брякнуло мне шестьдесят,
Вроде бы можно вздохнуть и оглянуться назад.
Жизнь не окончена, но, прожита лучшая часть,
И уже смотрит в окно ямы широкая пасть.
Я не скулю, но и все ж, все в эту яму уйдем,
Плох ты, иль очень хорош, это последний твой дом.
Правильно ль жил и страдал, нес ли страданья другим,
Бог тебе местом воздал, здесь с аппонентом твоим.

Рядом стоят два креста или звезда и луна,
Логика очень проста - земля для обоих одна.
Здесь не докажешь своих пламенно-светлых идей,
И много молчащих других, люди добавят людей...

Но все не к тому, не о том, путь не закончился твой,
Это все будет потом, это расклад уж другой.
Ну а сейчас - рубикон, активная часть позади,
Стих колокольчиков звон, зрелый покой впереди.

Схлынет армада забот, дел неотложных метель,
Этакий вот поворот, из-за стола да в постель.
Страсти уйдут в никуда, чувства свернутся в клубок,
Зрелая мысль навсегда закроет любовь на замок.

Выплеском взбесится вой - что же за жизнь впереди?!
Кто же теперь я такой? Господи, Боже, приди!
Господи, ну отзовись, ну вразуми ты меня,
Раз не окончена жизнь, зачем мне такая фигня?

Но небо ни слова в ответ с маху не скажет тебе,
Будто и Бога-то нет в этой бездонной трубе.
И неотвратный твой рок мысли изменит твои,
Время взвело свой курок, время сочтет твои дни.

Сколько отпущено дней, все ты получишь сполна.
Горькую чашу допей, молча до самого дна...
И вспоминай, вспоминай, чем можешь душу погреть,
Что ты успел сотворить, что бы в аду не гореть.

ГЛАЗА СЫНА.

Что-то я загрустил в ночи, уж неделю душа кричит,
Обрывается жизни нить, ни связать, ни забыть.
И стоят предо мною глаза, Богом данные тормоза.
Мое счастье ушло совсем, и живу ни зачем.

Что ж ты, Господи, сделал со мной, я ли не подданный твой,
Или просто успел нагрешить и не смог замолить?
Страшен, Господи, твой удар, наказанье иль Божий дар.
Разреши устоять на ногах, иль сотри меня в прах...

Мне забыться бы да уснуть, переждать эту дикую жуть.
Да убрать бы твои тормоза, дорогие глаза...

Но насколько же слаб человек, как непрочен и короток век,
Ни познать, ни осмыслить себя... только лишь умереть любя.

ЭТЮДЫ ПРОШЛОГО.

На селе да на селе жил мужик навеселе,
Жил не весело не скучно, и не бедно и не тучно,
Брагу пил, глядел в окно, потому, что все равно.

Все равно зима придет, все равно набит живот,
Все равно, коль нет охоты, нужно топать на работу.
На работе все равно каждый день долбят одно.

Чтоб как проклятый пахал, чтобы меньше получал,
Чтобы всех вперед не рвался, под ногами не болтался.
Чтоб с начальством не грешил, выступать бы не спешил.

Чтобы жрал свой суп - кондер, чтобы вовремя помер,
Чтобы всем удобный был и до пенсий не дожил,
Чтоб в армейское мытарство сдал детишек государству.

В общем, словно дождь в окно - все равно да все равно.
А мужик навеселе уж состарился в селе.
Он все жил да брагу пил, размышлял - зачем он жил?

ПРЕДКИ И МЫ.

Летит вперед, как птица, время, торопится за веком век,
Несет свое земное бремя земли частица - человек.
Тому уже прошло два века, когда в тайге, за годом год,
Упрямейшие человеки вот здесь вот ставили завод.

Плотину крепкую срубили, Ирбитку взяли в укорот,
Задули домны, сталь сварили... такой вот раньше был народ.
Люд заводской, живя в стесненьи, копал, и строил, и пахал,
Детей растил без самомненья, чугун возил и сталь катал.

Лихое время наступало - брал в руки дедово ружье,
А после - все опять сначала... страна родная - все мое!
Сквозь революции и войны прошел мужик с серпом, с мечом,
Любил завод, речную пойму и ВСЕ держал своим плечом.

Когда железную армаду Европа в злобе собрала,
Сломал мужик и ту преграду - такой наказ страна дала.
И на рейхстаге расписался : ПАНОВ ВСЕГДА СЮДА ПРИДЕТ!
И сразу же засобирался - "пора, ребята, на завод"...

Там жены наши сталь катают, детишки у станков стоят,
Сейчас уж каждый точно знает - не след с Россией воевать,
Да и не наша то работа - винтовка, бомба, пулемет,
Домой, скорей домой охота, завод родной давненько ждет.

И стал завод к восьмидесятым стараньем воли и ума,
Красивым, славным и богатым, одвуэтажились дома,
Тепло, светло, и газ в поселке, и электроника в цехах.
Что можем мы! Когда все с толком, не как попало,
впопыхах...

И пусть сейчас - лиха година, ее мы тоже проживем.
Завод для нас! Он наш, любимый! И мы его воссоздаем!
И мы его опять "ПОСТАВИМ", как наши деды... из
руин...
Мы, как завод, - другие стали, и далеко вперед глядим.

ИСПЫТАНИЕ?

И снова чистый лист, и середина ночи,
Поселок крепко спит, а рифма душу точит...
Зачем пишу стихи, зачем себя терзаю.
Быть может, за грехи судьба моя такая?

Быть может, испытать меня решил Всевышний,
Таланту каплю дать и посмотреть, что вышло.
Помучить, повертеть да опустить в страданья,
И разрешить мне петь... чудное наказанье?!

Но чтоб родить строфу, скрипеть зубами нужно.
И всплыть, и вновь ко дну, и захрипеть натужно...
И сына потерять, и усомниться в Боге...
И все же устоять на тернистой дороге.

Огромная цена, суровая расплата..
Но в чем моя вина? Чем нагрешил когда-то?

Что нужно от меня? Где цель и край сознанья.
В масштабах бытия пылинки мирозданья?

Я просто человек, и я способен драться.
Пусть короток мой век, не мне за жизнь цепляться.
И пусть я не поэт и очень мало значу.
Но тот, кто ждет ответ, поставит пусть задачу...

К КОМПЬЮТЕРУ.

Я сажусь за бездушный экран,
Пальцы в клавиши, мозг вовнутрь,
Лезу памятью дряхлой в карман,
Где лежит моих дней перламутр.

Жизнь прошедшая. что мне взять
Для стихов и для песен моих?
Да и стоит ли нынче писать.
Когда так обесценился стих?

Блеск в глазах лишь под шелест купюр.
Под иглу да пивко в залет...
Где ты. где ты, король Артур,
Честь и совесть. и сэр Ланселот?

Как мне людям сейчас рассказать,
Как мне старую выдать новь.
Что святыни на свете - МАТЬ,
ЧЕСТЬ. и РОДИНА. и ЛЮБОВЬ.

Что у каждого в жизни придет
Осмыслений и веры пора.

Что он сам свой итог подведет
За свое прожитое вчера.

О, бездушный компьютер-злодей,
Ты все пишешь и все молчишь,
Ты поэта важней для людей,
Я уйду, а ты все сохранишь.

ПАНЧЕХЕ АРКАДИЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ.

Побелели виски и "опала листвой шевелюра"
Нет желанья бежать, есть желанье прилечь, отдохнуть.
Только где-то внутри иногда шевельнется натура,
Словно мне двадцать пять. и еще бы расправил я грудь.

И еще б тридцать верст с полной выкладкой врезал как надо,
На губах бы принес из полей васильковый туман...
Ранним утром в душе омутовая дышит прохлада.
Мне десяток шестой, улетел уже мой караван...

Откурлыкав любовь. износив седину по собраньям,
Я сегодня смеюсь, глядя зеркалу прямо в глаза.
Ну, какую же новь я оставлю кому в назиданье?
Что я сделать успел, что я главного людям сказал?

Все когда-то придем к рубежу и отметке последней.
Каждый спросит себя и себе обозначит ответ...
И пусть в этот момент вы не будете выглядеть бледно.
Да, пусть вы не герой, но за вами и подлости нет.

Жизнь не ставила вам экстремальных условий рогатки.
Вроде все. как у всех. - дом. работа. жена и семья...

Но уж очень давно в этом мире такие порядки
Вы начнете судить свое прошлое так же, как я.

А оно вот сегодня, для вас - в настоящем.
Каждый нынешний день там лежит на ладони весов...
И как хочется мне вас порадовать словом бодрящим,
Вы, наверное, лучше немножечко ваших отцов.

ВСЕ РАВНО.

Ловлю себя на том, что все равно,
Мне все равно, как дико и как страшно,
Как будто я давным давно
Когда-то где-то был не красным!?

Как будто стоя в стороне,
Был на обочине у жизни,
И было поровну все мне,
И я чихал на катаклизмы.

ПРОСТИТЕ...

Тут недавно меня спросили.
Отчего не пишу про любовь?
Будто клинышек в голову вбили.
Говорят, мол, протухла кровь.

Говорят, мол, и сам износился.
Чем любить-то уже, говорят.
Не обиделся я, не взбесился.
Не послал их всех к черту подряд.

Что им скажешь, они молодые,
У них, верно, другая любовь...
Пять минут и они нагие,
Еще двадцать и новая новь.

Юбки впипочку, тени, краски,
Свитера да джинса в обтяг...
Я порою смотрю в эти маски
И жалею их даже, бедняг.

Я поставил бы на дискотеке
Пачку мыла да тазик с водой,
Стали б чистыми человеки,
А потом посмотрел, кто какой.

Да не спьяну, а трезвым глазом
Оценив разворот души.
Вот и станет понятно сразу,
А потом - коль не страшно - пляши.

Есть девчата и в нашем поселке
Глянешь - дух завернет в дугу!
В голове, как затвором щелкнет...
Приударить вот жаль не могу.

Должность чертова, словно шоры
У поселка всегда на виду...
Вот пойду я на пенсию скоро
И тогда уж подругу найду!

И посмотрим, чья кровь какая,
И проверим, кто может что.
Я такое, ребята, знаю,
Чем из вас не владеет никто!

А потом сыпану стихами,
И тогда уж - читай, спеши!
Не вся любовь - ваша попка с ногами,
Вся любовь - состоянье души.

ПЕРСПЕКТИВА?

Успокойся, мой друг, успокойся.
Все пройдет, переменится все,
Ничегошеньки в жизни не бойся.
Это прошлое душу грызет.

Попритупится страшное горе.
Беды схлынут, и счастье уйдет,
И страстей твоих бурное море
Поуляжется, заживет.

Поцелуй на губах не удержишь,
Трепет тела гвоздем не прибьешь,
А во что ты сегодня веришь,
Завтра вовсе в душе не найдешь.

А останется просто память,
Взгляд с прищуром да вздох пустой,
Временами накатится замять,
Но и ей ты не крикнешь: постой.

Будешь думать в тиши вечерами,
Все ли правильно, все ли так,
И спокойно с сухими глазами
Телевизор смотреть натощак.

А потом, когда в черном старуха
Скажет: "время, пошли, пора..."
Ты вздохнешь, так покорно и глухо,
И... как лошадь, сойдешь со двора.

МОЖЕТ БЫТЬ?

Вот и ушел от гомона людского
В лесной избушке тишина звенит.
Чего мне люди сделали такого,
Что у меня от них душа болит?
Наверно, мы, сгорая на работе,
Все отдаем, остатка не храня,
Не меряем себе душевной квоты,
Не оставляя для себя кусочка дня.

И просто где-то нужно напитаться,
I лотнуть покоя, мира, тишины,
По росам клеверным босому прогуляться,
Не чувствуя общественной вины.

Уже сегодня, на закате жизни,
Я четко помню лишь свои "долги"
Мне вбили в голову святые мысли:
Ты для людей себя не береги!

Отдай им все, и будь для них как вымпел!
Они тебе и доля, и судья!
И я отдал. И жизнь прошла, как выстрел!
И вот сижу в лесу, как будто бы не я...

Несет пчела нектар в добротный улей,
У ней семья, работа для детей.
А что же я принес своей Нинуле?
Тот мизер, что остался от людей?!

Я приносил себя то пьяного, то злого,
В зависимости от собраний и коллег
И я не делал ничего такого,
Чтоб из моих детишек брызгал смех!

Достаток был, но счастья было мало.
И радость в доме как-то не жила
Я дома жил, как будто вполнакала:
Ведь "я решал глобальные дела"

А вот сейчас, устав бесповоротно,
Отдав себя в общественный котел,
Покаяться мне, что ли принародно,
Что перекос во мне произошел?

Прости, жена, и ты прости, ребенок,
Что был я глуп, что веровал не в вас.
Что вбили мне в башку мою с пеленок,
Что мне судья один рабочий класс!

И вот сегодня, немощный и лысый
Я перед вам в истинном суде
Судите "гения", судите "крысу",
Судите дурака, с сединкой в бороде.

ПОЛОСА.

Полоса пришла, полоса, будто что-то в душе заклинило,
Ночью всякие голоса, или вой, нарастяг и длинные...
Утром взор в потолок и вновь, словно что потерялось с вечера,
Будто мать из-за стенки: "сынок, подымайся, лежать-то нечего".

А подняться как тяжкий труд, нет ни цели, ни смысла прежнего,
Да куда ж меня черти ведут, уж совсем становлюсь валежиной.
Что-то видно потухло внутри или стержень злодеи вынули
Но себе ведь не скажешь - умри, если дни до конца не минули.

Ни азарта, ни блеска в глазах, ни погони "за светлым будущим"
Только время, как гиря в ногах, сам, как камень, иль будешь им.
Только старческий звон в ушах, да "мотор" в перебоях натруженно
И не мат тебе, и не шах, скрип да скрип, как телега нагруженная...

ЭТЮД?

Отцвела - не отцвела, замятью иль пламенем,
Только вновь ко мне пришла юность моя в памяти.
Только вдруг, закрыв глаза, я в одно мгновение,
Как на алых парусах, в наше поколение...

И как будто сорок зим свежим ветром сдунуло,
И опять с тобой сидим мы в счастливой юности.
А под нами конжаки, где-то счастье прячется...
В общем, хрен тут - не стихи, исписался начисто!

ОЧЕРЕДЬ У ВОРОТ.

Доживу своей жизни остаток
Вот еще пара лет - и... привет.
Разве думал я в детстве когда-то
Что скажу сам себе этот бред?

Нет, о смерти еще мне не время -
Я о цели, о рубеже,
И о том, что лежалое семя
Дать не может побега уже.

Мне большие дела не делать,
Не построить и не родить,
За любовью вприпрыжку не бегать,
Надо просто свой век дожить.

Скоро стану совсем ненужным
Что имел - все отдал сполна,
И останется вечером вьюжным
Рядом только родная жена.

Не хочу подводить итоги,
Заслужил - подведет народ.
Прошагал я свою дорогу
И сегодня стою у ворот.

За воротами - боль да старость,
Дней шагреневых укорот.
Проживайте кому, что осталось,
Да и в очередь у ворот.

ПЕРЕСТРОЙКА

ЛОКАЛЬНАЯ СТРАНА

Что-то стало не так, что-то сбрендило, спрыгнуло, съехало,
Весь Советский Союз развалился, как карточный дом,
Словно пьяные в дым, не туда мы с тобою заехали,
Кони зряшную пену устало бросают кругом.

Нам не жить - привыкать, снова жидкий асфальт скосогорило,
Те, кто правил, давно со свечами стоят по церквам,
Молят господа там, чтоб успеть, чтоб им было позволено,
Перессорить народ и страну растащить по углам.

Где вы, братья мои, плосколицые иль чернобровые,
Где вы, братья мои, что за зло заглянуло в наш дом,
Почему мы обид развязали мешок приготовленный,
Как случилось опять, брат на брата пошел с топором?

Что такое страна? Это мы, наши дети и бабушки.
Что такое народ? Это руки твои и мои.
Что такое земля? Это наша любимая матушка.
Как же мы эту землю опять уберечь не смогли!

Ты возьми меня, боль, изломай, исковеркай, испакости,
Никаких мне грехов, ни своих, ни чужих не прости,
Ты возьми меня, боль, наслаждайся, твори свои гадости,
Ты возьми меня, боль, а Россию мою отпусти!

СВОБОДА.

А мне сегодня пятьдесят, и просто нет пути назад.
И все что знаю и умею, дальше некуда держать,
Сегодня ветер перемен поднимет юбку от колен
И мы невольно обалдеем - вот те хрен!

Полжизни отслужил у коммунистов,
Сознательным был, красным. словно флаг,
Потом они исчезли как-то быстро,
А я краснел как прежде – во - дурак!

Они при отступлении побросали
Свои знамена так же, как меня.
И ловко перекрасились, и стали
Героями сегодняшнего дня.

И началась в Союзе лихорадка,
И накипь президентская всплыла,
И стала конституция тетрадкой,
Кто хочет, тот и пишет - во - дела!

Ну а народ почувствовал свободу,
Ведь можно в морду плюнуть королю,
И повылазили бурбулисы - уроды,
А я... терплю, терплю, терплю, терплю!

АХ. ВРЕМЯ.

Ах, время, бешеное время,
Летит, как тройка по степи,
Несет с собой забот беремя.
И некогда сказать "прости".

Уж юбилеи отмечаем,
Немного оглянувшись вспять,
Порой вообще не замечаем
Того, что следует понять.

Нет уж Союза, нет районов
Мэр-Губернаторы в чести,
Как мне, "товарищу" с пеленок,
Под "господина" заползти.

Как, воспитание отбросив,
В башку вдолбить иной уклад,
Что никого никто не спросит,
С каких шишей он стал богат.

Что наш завод, до слез народный,
Какой-то Гайсин откупил,
А я, как Бобик беспородный,
Как будто вовсе тут не жил.

А дед мой вовсе и не "робил"
В прокатке целых сорок лет,
И с голодухи батька пропил
Свой драный ваучер в обед.

В стране моей сейчас разруха -
Такого немец не творил,
И только слухи, слухи, слухи...
Кого кто в Питере убил.

Да депутатская орава,
Всем надоевшая, как тать,
Себе свое распишет право

Да так, что совестно сказать.

КП, НД, ЛД пээры
Холеных морд калейдоскоп
Какой же только нет холеры
Залезть рабочему на горб.

И там, вот в этой волчьей своре
Как прежде, так же и сейчас,
Без совести, стране на горе,
Они решили все за нас.

Мы раньше были районом -
Им не понравилось опять.
И нас решили "с закидоном"
"Образованием" назвать.

Как будто мы образовались
Нивесть откуда, им на грех,
И даже власти домогались...
Мы? Здесь? Отсюда? Вот же смех!

И чтобы было неповадно
С суконным рылом нам вопить,
Решили просто, не накладно -
От государства отделить!

Они все стали федералы,
То бишь, правители судеб.
А мы как будто прилипалы,
Как будто мы жуем их хлеб.

Пять лет отчаянно делились,

Когда же я с карманом денег
Открою двери в магазин,
Когда в мой двор красиво въедет
Мой заграничный лимузин.

Когда твой друг найдет работу,
А сын поступит в институт,
Когда своим трудом и потом
Все люди счастье обретут.

Когда, когда, одни вопросы,
Одни желания без дел,
А вот давайте просто спросим,
Кто на работе - то вспотел?

Скулеж в стране, а дела нету
Все ищем дяденьку - царя,
Все за халявную монету,
Никак не врубимся, что ЗРЯ!

"Никто не даст нам избавленья
Ни бог, ни царь и ни герой"
Ведь наше пело поколенье,
Ну, подымайся, да и пой!

Впервой тебе месить болото,
Хлеб сеять, уголь добывать
Да ты подумай, друг мой, кто ты
Чего тебе еще терять.

Ну, не туда ведут сегодня,
Так разве это в первый раз?
Спроси избранников народа,
Они ходили в первый класс?

Они стояли у мартенов,
Рубили лес, растили скот?
Так почему же на коленях
О чем-то просит их народ?

Я не за бунт, не за восстанье,
Я лишь за равенство в стране
Мне надоело выбиранье
Плутов и жуликов извне.

Во мне не плачет ностальгия
Я не забыл еще ГОРКОМ
Мы люди русские, лихие,
Беду гоняем матерком.

И даже если лоб покрестит
Наш престарелый президент,
Здесь все останется на месте -
Такой вот будет прецедент.

Пока не вымостим дорогу,
Не будет нам святой поры.
Работать надо много, много
Ради счастливой детворы.

О ШАКАЛАХ.

Вот и минуло десять годочков
Вот и пленумов вовсе уж нет.
Ну, и как? Ты добавил в росточке?
Иль все тот же беспутый бред?

Нет, росточком совсем не добавил,
Я сказал бы - согнулась страна.
Может быть, поубавилось правил?
Иль добавилось их "до хрена"?

Нет, сегодня пришло отрезвленье,
Что наделали, то и зрим.
Наш народ не обрел "избавленья"
Мы не тлеем, и мы не горим!

Мы страну свою так развалили,
Не приснилось бы раньше во сне.
Будто здесь "злы татарева" были,
Не осталось и камня на пне.

Обретя "долгожданну свободу"
Мы пристроить ее не смогли,
И она, словно вешние воды
Унесла нас от твердой земли.

Вот когда эту твердь потеряли,
Кто-то крикнул:
- Живи иль тони!
Мы вдруг злыми собаками стали
И вцепились друг другу в штаны...

Самый страшный в кромешной свалке
Это самый трусливый пес:
Ведь ему никого не жалко,
Он с собою свой страх принес.

И от этого вечного страха

Ошалев от свободы, скуля,
Он не просто порвет рубаху.
Он куснет точно в пах "короля".

Пусть потом, вожака потерявши,
Эта стая рассыплется в пыль.
Но зато на пеньке, хвост задравши,
Он пролает:
- Эт я укусил!!!

ПЕРЕСТРОИЛИСЬ.

Но вдруг страна родная одарила,
И получил я ваучер в ладонь.
Я тридцать лет работал, как кобыла,
А заработал новую супонь.
А леспромхоз, который я же строил,
Двенадцать сумасшедших диких лет...
Ведь надо же, как Ельцин все устроил,
Да он не наш, не мой, и горя нет!

Поди-ка выкупи, коль есть в кармане бабки.
А кто мне этих бабок настругал?
Тогда уж выкуси, коль ты такая тряпка,
Что до сих пор еще не воровал.
И тут полез весь хлам и нечисть в люди,
Вся дрянь, которую воспитывал всегда.
Сведенье счетов, вот сейчас что будет,
И кровь, и кровь, как талая вода.

И полетели головы седые,

Чума косой прошлась по мужикам,
А там, где люди были деловые,
Сегодня восседает всякий хлам.
Ужо поправят, вволю покрасуясь,
Спаситель отечества - ворье,
Пуская пыль в глаза, притворно хмурясь,
Ну, а в душе - мое! Мое! Мое!!!

Лишь одураченный народ, отмерив время,
С хорошим запозданьем, как всегда,
Вдруг кулаком себя ударит в темя,
И снова с чувством скажет: во - балда!
И вновь дворцы пойдут громить с похмелья,
Российские рубахи - мужики...
Ах ты, свобода, ах какое зелье!
Ах, мы... какие, право, дураки.

ИТОГИ.

Ну вот и все, и кончен бал, я сдал свою карету,
Другому лидеру отдал, меня уж больше нету...
Гудит развинченный народ, торопится в собранье,
Помитингует и поймет - напрасны все старанья.

И руготня, и трепотня, и пьянки, и поломки.
Но все же, к счастью, без меня, ведь я уже с котомкой.
Я отдал тридцать с лишним лет любимому народу,
В котором мне и места нет... Такая вот погода.

ОСМЫСЛЕНИЕ.

С восемнадцати лет до полсотни в жизни не было даже дня,
Чтобы мог я уснуть беззаботно, чтобы не было дел у меня.
Часто слышал - такая работа, укоротит она тебе век,
Эк тебя замотала забота, уж такой, видно, ты человек.

Да, таким, видно, я и остался, не умею сидеть в стороне.
А сегодня вот как потерялся, не осталось заботы во мне.
Все, что знал и умел, без остатка людям выплеснул, как уж мог,
Книгой стала стихов тетрадка - описанье нелегких дорог.

Что построить пришлось - построил, не подлил и не крал, в меру пил,
Получал ровно то, чего стоил, и добавки нигде не просил.
И вдруг на тебе, враз, в одночасье, ни забот, ни работы совсем,
Вот такое вот дикое счастье, сумасшедший безделия плен...

Где-то там коллективы, собранья, и возня, и грызня, и борьба,
Я остался один. В назиданье. Видно все - не сложилась судьба...

СТРАНА РОДНАЯ.

Ленин из жуликов делал людей,
Ельцин директора сделал вором,
Славную шайку собрал злодей,
И Лобов, и сам, и Петров с позором.
Конечно, при нем и в Свердловске тогда,
Кто вкалывал, тот оставался битым,
А вверх вылезала такая бурда,
Что мать бы ее вдоль спины, элиту!

В правительстве нынче родной Обком,
Союз развалили, Россией правят,
Да только гляжу при правленьи таком,
Он камня на камне от нас не оставит.
В развале хозяйство, стравили людей,
И каждый кричит, что другой не знает,
А бойня гудит все сильней и сильней,
И кто ж эту кровь и когда расхлебает?

Терялись и раньше в ночи мужики,
Потом объяснили, мол, Берия... Сталин...
А нынче от пьяного взмаха руки,
Глядишь, и директора на хрен сняли!?
И вот благодать, нет нужды убивать,
Содержать ВЧК, хоронить стараться,
Дать волю народу, да так (их-у-мать)
Чтоб после никто не сумел оправдаться.

Мудрейшие люди - слоны-мужики,
Им Гитлер платил бы, наверно, зарплату,
Подняли тихонько четыре руки,
И... нету страны... и живые солдаты.

Ракеты не надо совсем запускать.
И бомбу нейтронную - тоже не надо...
Но вот Бурбулис твою в Ельцина мать.
Когда же им будет за это награда?

За то, что сегодня седой ветеран
Не может понять: ну куда же все делось?
За то, что воюющий Азербайджан
Скупает издательства. Так вам хотелось?
За то, что дворцовые кланы Москвы
Уже меж собой растащили Россию?
А слесарь последние продал штаны,
И нет ни копейки совсем на другие?

За то, что гребет депутат миллион
И сорок пять тыщь председатель колхоза?
За то, что идет в белом доме ремонт,
А в школах уральских трещат морозы?
За то, что чиновников тьмущая тьма,
За то, что рекламой народ задолбали?
Да как на такое хватило ума?
Да был ли он, ум-то? Однако, едва ли!

ПРЕДВИДЕНИЕ

Вот смотрю и все чаще, наверное,
По башке словно молотом бьет:
Где же вы, господа - офицеры?
Где тот воин, что в Кремль придет?
Хватит, мы уж наелись басен.

За работу давно пора.
Зелен Ельцын, Шумейко красен.
Да не стоят они ни пера.

Если б знали, давно бы сказали,
Как нам жить и чего нам петь,
Не сидели б в Кремле и не врали,
Что, мол, нужно еще потерпеть.
А стране нашей нужен порядок,
Есть и плуг, и винтовка есть,
И любой мы работе рады,
Да сегодня уж нечего есть...

Я и сам отслужил в коммунистах
Двадцать с лишним своих лучших лет,
Я молился на партию истово,
Но всегда был неважно одет...
Да по мне и не нужно было,
Личных благ я искать не мастак.
А сегодня гляжу в ваше рыло,
Ох, какой же я был дурак!

НЕ ВРЕМЯ.

В общем, все, напартеились досыта, чемоданы свои нагребли,
А народ мой, обобранный дочиста, в светлый рынок опять повели...
Как собаке подачку малую, драный ваучер бросили мне...
Но приснилась вчера мысль шалая, что стоит пулемет на окне...

Не бунтарь я, террором не балуюсь, крови вовсе ничьей не хочу,
Я не ною и я не жалуюсь, а не слишком ли долго молчу?

НАЧАЛО РАЗВАЛА.

Ах, как плотно прилегло, за живое взяло.
Все каноны разнесло, экое начало!
Только гукнул "Дед Ефим" где-то там на печке,
Чтой-то с партией? Глядим - сирые овечки...

Титула, престол долой! Партию не надо!
Руки в гору и домой, во - какой порядок!

Что ж ты, партия моя? Столько в тебя вбито!
Где же сила-то твоя, морда вся разбита?!
Я же отдал двадцать лет этой всенародной,
И вот вижу - толку нет... и сижу голодный.

***

Почему Горбачев орденов
Понавесил попам и епископам?
Потому, что живое оно,
Христианство, и очень близкое.

Потому, что за семьдесят лет
Растащили мы церкви по камушкам.
Вроде все! Уж религии нет!
Отчего же ты крестишься, матушка?..

Вот и все, кончался пленум.
Исписались все стихи,
И как будто сотни тремул
Все в ушах хи-хи хи-хи...

Поболтали, пошумели,
Все, разъедемся домой,
И как будто не сидели.
Хочешь плачь, а хочешь вой...

И вот так вот по порядку
Забубенных двадцать лет
Я стремился "на посадку"
В этот зал и в этот бред...

ПРИРОДА

МОМЕНТ.

А красота какая небывалая!
Какое утро - сказка наяву!
И даже облачко, наверно, запоздалое
Туманом прячется в зеленую траву...

25,07,05.

ВСПОМНИЛ.

Ласково веточка кедра гладит небритую щеку,
Тихо костер догорает, к звездам уносится дым.
Я вспоминаю маршруты, горы и жесткие сроки...
Я почему-то сегодня вспомнил себя молодым.

Какая-то жажда толкала нас на таежные тропы,
Шли, километры мотая - дом и уют на спине...
Время летело как песня, мгновенья звенели как стропы...
Счастливая юность такая, стало быть, выпала мне.

Ходит ли кто-то сегодня в наши таежные дали,
Ставит ли веточку кедра любимой своей на окно?
Милый, надежный обычай... мы его не забывали.
Нынче - мобильная радость и sms - ка - письмо.

Веточка кедра в стакане, как обещанье вернуться.
Веточка кедра не вянет - значит и жив и здоров...

Так вот порою нагрянет... в юность свою обернуться...
Словно Синилыга поманит бросить наскучивший кров.

2006.

НУ НЕ БЕРУТ.

Вот на рыбалку женщин не берут,
А почему, кто скажет?
- Ты что, зачем же она тут?
Она же руки свяжет!

Ну как, приехавши, скажи,
От счастья матом брякнуть?
Она же все запорошит,
Не даст душе отмякнуть.

О рыбе думать не моги,
Лишь все о ней - любимой!
По десять раз мой сапоги.
Держи достойно спину.

И руки с мордой тоже мой?!
И ложку вымой с чашкой,
И пей не кружкою вон той
А стопкой, по отмашке...

Земля сырая - не садись.
Мурлом в костер не суйся,
И спать не трупом завались
А ей интересуйся...

Поменьше пей, побольше ешь,
Да матом не ругайся,
Ну, в общем, прогрызет всю плешь
Как мандарин китайский.

И разве ей когда понять -
Мы ж к дикости уходим.
Да не к природной, (твою мать),
А что в себе находим.

Внутри же все мы - дикари,
И от цивилизаций
Уходим в лес. Как глухари
С душой поматюкаться!

Из грязной чашки жрать рукой,
В ведро бить, словно в бубен.
Она посмотрит я какой...
Да что же это будет?

А так... все выплеснув в лесу
Явлюсь домой примерным.
Да еще рыбы принесу,
Да и подам манерно...

С людьми на Вы,
И с ней мур-мур,
И все опять в ажуре.
А на рыбалку... вот уж чур!
Петля на абажуре!

30.05.05,

ПОСЛЕ ДОЖДЯ.

Тяжело выбиралось солнце
Из-за туч на пустой небосвод.
Поначалу как будто оконце
Просветлело немного... и вот -

Брызнул луч по России промокшей,
Пьяной радугою засиял.
И, весь свет за собой увлекший,
Превратился в какой-то обвал!

Засверкала листва, зашумела,
Как улыбка прошла по земле,
Птаха где-то в ветвях запела,
И уже стрекоза на крыле.

Встрепенулось водой набрякшее
Все живое во всех закутках,
И река засверкала яшмою
В море света, как будто в мечтах!

И двух суток дождя - как не было.
Ветер весело треплет брезент,
И откуда-то ласковой небылью
Преподносит природа презент.

30.05.05,

ЗАГАДКА ВЕКА.

Зачем рыбак со снастью утлою своей
По диким берегам природой созданных речушек
Все бродит, долю проклиная, ища удачи,
И отчего ему у очага, в тепле вдруг нет покоя?

Со стороны, казалось бы, в достатке семья его,
Есть кров и пища, пусть не в изобилии,
И нет нужды себя невзгодами утюжить.
У телевизора уж дети слепнут.
Жена, седую прядь укрыв кокетливо закрученным начесом,
Уж не глядит в окно, поняв всю тщетность ожиданья.

Ей его рыба не мила, она ее подчеркнуто вкушать не может,
Она ревнует! Господи, прости ее и узость ее мнений,
Ревнует к рыбе! Страсти той она к себе не ведала доселе.

Порой она хотела бы русалкой стать,
Чтобы однажды в омуте лесном
Так напугать его! Так напугать!
Чтобы до дому самого бежал, бросая снасти, сапоги теряя,
Чтобы дрожал потом три ночи и три дня в ее объятьях
И вздрагивал при бульканьи воды в стакане чайном...

Прошли те времена, когда хотела, чтобы ногу он сломал,
Она б его нашла и вынесла сама.

Взяв клятву страшную - впредь не ходить за рыбой этой...

Однажды думала, что лучше бы в соседку втюрился подлец,
И ночевал бы там, сославшись на рыбалку.
Но тщетно все. Господь ее молитв не слышит.
И где ж ему каких-то рыбаков к их женам возвращать,
Ведь столько в мире дел, сложней и интересней.
Заблудшими считает он от веры оторвавшихся овец,
А этот идол, вовсе веры не познавший,
И интересен-то ему лишь только потому
Что в месяц раз ему улов
Послать приходится за все его мытарства.

Послать улов! Не потому, что заслужил,
Иль опытом своим нашел места благословенны,
А потому, чтоб дальше продолжал искания свои.
Чтоб после, где-то под конец остатка дней своих,
Когда уж ноги до реки донесть не смогут,
Он понял, наконец, что жизнь свою сгубил,
Детей не воспитал, жену почти что искалечил.

И чтоб раскаялся тогда он всей душой своей рыбацкой!
Чтоб понял, что он променял на драный рыбий хвост,
На ржавую блесну... добыв для всей семьи описторхоз,
Ценою страшной, многолетней.

Раскаявшийся грешник нужен Богу!
И он для этого, всю власть свою употребив,
Пожертвует людьми в любом количестве потребном.

Гляди, мой друг, как велико противоречие желаний...

А что же сам рыбак? Его желанья каковы?
Что ищет он по берегам пустынных рек,
Уйдя из дома, убежав от Бога,
Чего же он в душе своей желает?

И вдруг. сам дьявол говорит:
- Да... хрен его не знает!

29.05.05,

ВСЕ ОТНОСИТЕЛЬНО.

Вторые сутки мелкий дождь
Так нудно, сыро и тоскливо,
И ты, мой друг все водку пьешь,
Как будто вовсе несчастливый.

Ну кто тебя сюда загнал,
Какая напасть иль планида,
И что ж ты к Богу не взалкал,
Не рассказал свои обиды?

Давай размыслим о грехе,
За что нам это наказанье,
Ведь мы живем не налегке,
Есть к нам у неба притязанья.

И если здраво рассудить
Мы оба грех тот допустили,
Что б рыбу дома не ловить?
За восемь сотен верст вкатили...

Жируем, брат, от полноты
Избытков ломятся карманы.
Увлекся я, увлекся ты,
(У, блин, какие шарлатаны)

Но если так порассуждать,
Что хмарь на наши-то избытки...
Куда Хлопонина девать?
Ему ж вообще в грязи по лытки...

Коль мелочь мы, а дождь идет
Его без нас тут схлопотали.
Здесь видно вор такой живет,
За восемь дней отмыть едва ли.

А потому, давай домой,
За грех чужой страдать не надо.
А дома солнце! Боже мой!
Да и в грехах у нас порядок...

29,05,05.

ВЕСНА.

Монотонный госкливый дождь.
Небо серое, словно осеннее,
Но уже по осиннику дрожь -
Защумела листва весенняя.

Вот и кончился месяц май,
И пол-лета тюменского минуло,
Успевай же, спеши, догоняй,
Пока листья деревья не скинули.

Восемь месяцев стужа - зима,
Да по месяцу на распутицу,
Вот сейчас посчитай сама
Как здесь красное лето крутится.

Для тебя эта морось и мрак
Просто сущее наказание,
Видно мыслишь - мужик-дурак
Сопли выстудил по скитаниям.

Только мне вот наоборот,
Эта прелесть моя первозданная:
Ветер хлещет и дождь идет
И... свобода моя долгожданная.

И костер и собака-комар,
И отсутствие рыбы в озере...
И вот тут проявляется дар
В оголтелых стихах ли, в прозе ли.

Я в машине сижу и пишу.
Строчки сами в блокнот мой просятся...
А о чем - никому не скажу,
Пусть другие простоволосятся.

29.05.05.

СТАВЯТ СЕТИ ДРУЗЬЯ.

Ставят сети друзья,
Только весла стучат по разливу,
Ставить сети нельзя,
Только кто ж те законы блюдет.
Рыба мимо сетей
Ходит как-то уверенно криво,
И сегодня опять ничегошеньки не попадет.

Ох, рыбалка - беда!
Ни тропы, ни какого-то следа.
Где ты ходишь, карась,
Под водой выбирая пути,
Я картошку варю, наступило уж время обеда.
Ставят сети друзья,
Только рыбу не могут найти.

Так и ночь подойдет,
У костра мы присядем вольготно,
И картошку опять похлебаем под полный стакан...
Рыба мимо ушла.
Окончательно, бесповоротно!
И начнет заливать
Мой бывалый рыбак и друган.

Сколько ведер поймал,
Он доподлинно вовсе не помнит.
Но под стопку соврет убедительно - верим ему...
Кто-то верно сказал:
"Рыба ловится ноченькой темной"
Наливаю стакан...
И так хочется врать самому!

29.05.05.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРТЫШ.

Здравствуй старый Иртыш,
Вот полгода я здесь уже не был,
И, наверно, сознаюсь в душе - заскучал,
Заскучал и забыл, словно старую небыль
Что Иртыш и тайга есть начало начал.

Неуемная ширь, беспредельны разливы,
Моет ноги тайга, обмывая весну
А я - маленький гном, обалдело счастливый,
Снова рядом с тобой в упоеньи тону...

Здравствуй, добрый Иртыш, вот и свиделись снова.
Что в объемах твоих я - червяк-человек,
Вечен ты, ты молчишь, ты и старый и новый,
Для тебя только миг человеческий век.

Велика твоя цель, непонятна и сложна,
И песчинкою малой опять и опять
Приезжаю к тебе как к любви осторожно,
Чтобы рядом побыть, чтобы все же понять.

20.04.05.

О РЫБАЛКЕ.

Да я рыбалку эту не люблю,
Я больше по душе охотник,
Но вот приходит день и... "в море кораблю"
И я к друзьям, к реке, как дух болотный.

Простор воды и крепкий чай,
И кружка доброго вина в лихой беседе,
И просто так, как будто невзначай
За восемь сотен верст я почему-то еду...

Бродяжий дух внутри, во мне сидит.
Уже за шестьдесят, но жажда приключений
Толкает, гонит, громко говорит:
- Успей, осмысли радугу влечений!

Впитай в себя и ветер и дожди,
И кару комарья, и запах рыбы,
Не отставай от жизни и не жди
Что с неба свалится большая прибыль.

Спеши вперед, внимательно смотри,
Пиши свой стих, иначе задохнешься,
И ежели ты молод там, внутри,
То ты в стихах к любви и юности вернешься.

И вот тогда сумеешь донести
Ты до людей всю красоту большого чуда.
Которое находится в пути.
Которое приходит ниоткуда.

28.05.05.

ПЕСЕНКА БРАКОНЬЕРОВ.

Возьмем же фары, карабины и ножи
Заправив полный бак бензина, в ночь уедем
А там откроем тайники своей души
И только пусть на нас не смотрят наши дети.

Не для убийства ездим ночью мы в поля
А для забавы. для мужской такой потехи
А на охоте без стрельбы никак нельзя
А при стрельбе кому-то точно не до смеха.

Господь создал зверье конечно для людей
А дьявол всучил нам стволины нарезные
Так кто из нас троих законченный злодей
И почему же только я грешу, родные?

Идет потеха - светят фары по полям
Бежит зверье, с горячей пулей соревнуясь,
Не браконьеры озоруют по ночам,
А это дьявол в браконьерах озорует.

Нам говорят: заброс ь охоту, не убей!
На нас ругаются, и зайчика жалеют,
А ты попробуй сам не ешь вот, и не пей,
И ты, конечно же, без мяса околеешь.

2004.

МИГ.

Закопченный чайник, маленький костер.
Как приют случайный ельника забор,

Катушка лески тонкой, корка в рюкзаке,
Спиннинг да блесенка - счастье на реке.

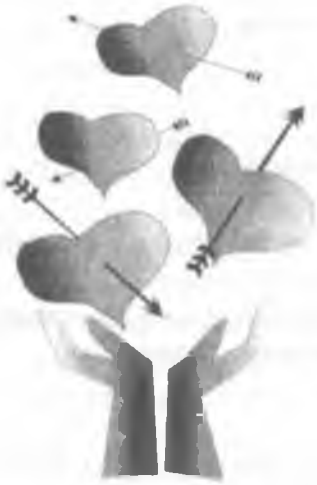
Завтра утром рано, в матовый туман,
На мысочке встану от азарта пьян...
И зеленый омут, что наводит жуть
Пьяному такому выдаст, что-нибудь.

08,06.06.

ДВИЖЕНИЕ.

Ах, Иртыш, ах река, ах ты ширь первозданная,
Каждый раз приезжая на колени встаю.
Как могуч, как велик, Богом силушка данная,
Я тебе - мир без края свою песню пою.

Время ткет свою нить, баржи режут течение,
От зари до зари здесь буксиры гудят...
Значит, следует жить, значит, жизнь есть движение,
Значит правильно все, значит, створы горят.



ЧУВСТВА С ПОЗИЦИИ

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ.

Здравствуй, здравствуй, любовь моя первая
Да, тебе, как и мне шестьдесят?!
Эко время с тобой мы отмеряли,
Духу нет оглянуться назад.

Только я вот сегодня "в векторе"
Ностальгия, сумбур и туман...
И летит предо мной как в прожекторе
Детство, юность и... прочий бурьян.

Вроде все поросло осокою
С этих лет - ничего не видать...
Только в ночь неотвязной морокою
Вдруг навалится что-то опять.

Ни обида, ни месть, ни прощение,
А какая-то дальняя дрянь
Держит, давит до одурения...
Как забытая тьмутаракань.

Детство милое! Детство славное!
Черно - белое, без теней.
Разберись-ка, которые главные
В нашей жизни из этих дней...

Тот, кто в детстве жевал конфеточки,
После сел за разврат да разбой...
А кто грыз в огороде веточку,
Посмотри-ка сегодня какой.

Много нас. голытьбы "проулошной"
Вылезая из грязи. из тьмы,
Доползало до модной булочной...
Осознав, кто такие мы.

Мы ценили кусочек ситного
Отстрадав его детским горбом...
Но... любили мы вас, элитные,
В модных туфельках и с бантом.

Сеньке шапка своя полагается,
Где там, в небе ловить журавля...
И к пятнадцати получается
Ставит на ноги крепко земля.

Ты к пятнадцати - модная, стильная,
В поцелуях и в чувствах вся...
А любовь моя детская, сильная,
Вдруг взяла, да и... кончилася!

Нет. не просто другая девушка,
Просто мысль, словно в лоб колун!
Взял да врезал мой мудрый дедушка:
- Будь же горд, а не только юн.

Ты рабочего роду-племени,
Тряпки - фальшь, а под ними душа,
Дай сказать свое слово времени.
Может. там ее нет ни шиша.

И... осталась любовь недолюбленой.
Вот же рядом... а не моя.
Словно тополь. чуть-чуть подрубленный
Не листочек и не хвоя.

А глаза отвести - нету моченьки,
Так всю жизнь на тебя и смотрю
Как к чужому седлу приторoченный...
Вот ночами пишу, да курю.

Красотою как нимфа отмечена
Ты спускалась на землю с небес,
Я же, злостью своей перекрещенный,
Вверх по жизни настойчиво лез.

Это после уж я... директором...
Приоделся, стал "крут и богат"...
А тогда лишь любовным вектором
Обладал я, да кучей заплаг.

Бедность, боты в навозе да запахи.
Где уж там до твоих туфлей...
А потом... баритон, да "лабухи"...
Тяжело вылезал из соплей.

Помню, сшила маманя "моряцкие"
Клеши зимние из одеял...
Гордо пучил глаза дурацкие...
Перед классом я в них стоял!

Хохотала лишь ты, красивая.
Вся с иголочки и в бантах...
Но всю зиму... всю зиму носил их я!
Так сказать на одних "понтах".

А однажды, как после ранения,
Я надолго ушел в себя
Словно схлынуло наваждение

Но... не смог убежать от тебя.

Если б рядом была, так, наверное,
Я бы вышептал душу в плечо...
А сегодня она, многомерная,
Вся в стихах... ну а в чем же еще?

И уже понимаю, наверное,
Что стихи оттого хороши,
Что пропитаны болью да нервами...
Я клещами их рву из души.

Нет, стихов о любви - не пишется,
Видно чувство сгорело дотла...
Что-то кажется, что-то слышится...
Вот такие вот были дела.

Да какие к тебе претензии,
Упаси меня Бог от обид,
Просто звякнуло, словно трензелем...
Кто-то мучается и молчит.

Мне бы словом тогда обмолвиться...
Как-то чувства свои показать,
Я же думал - все сразу "обломится",
И опять ты начнешь хохотать.

А мальчишке - слабей затрещина.
Чем любимой девчонки смех...
А сейчас ты солидная женщина...
Но... просыпался твой успех.

И пока институты армейские
Я осваивал в сапогах

Ты жила как блудница библейская.
В покаяниях и в грехах.

Истрепалась обложкой книжною
И поблекла твоя красота
Я вернулся уже не униженный...
Но и ты тоже стала не та.

Но, наверное, и тогда еще
Позвала бы - тот час прибежал.
Не послушал бы я товарищей,
Я любил еще... и страдал.

А потом понесло, поехало,
В двадцать два на ладони весь мир!
То забалует жизнь успехами,
То зажмет, как солдата в мундир.

К тридцати, набесившись вволюшку,
На речных перекатах, в горах,
Услыхал твою горькую долюшку:
Муж ушел... ты одна... вся в слезах...

И в душе шевельнулось жестокое:
Бог воздал тебе все сполна!
Вот тебе и глаза с поволокою,
Вот тебе и бантов "до хрена".

А внутри ни тревоги, ни радости...
А какой-то печальный расклад...
Были шалости... стали гадости...
Но... ведь я еще сам не женат?!

И вот тут вот пришло прозрение,

Я их сравнивал всех с тобой
Вот такое вот наваждение
Рядом топает видно со мной...

И сегодня побит сединами
Роюсь в чувствах своих как крот
Видно выпала мне судьбинушка
Без конца все стоять у ворот.

Вечно ждать - вот они откроются,
Вот и счастье валом, взахлеб...
Только трижды слезой умоешься
Прежде чем это счастье придет.

Излюбилась душа неуемная,
Вся на нет изошла совсем,
И осталась лишь жизнь никчемная,
В никуда, ни по что, ни зачем.

Вот и муж твой второй, преставился...
Нету доли тебе в любви,
Что-то Боженьке видно не нравится...
Ну, чего же ты! Позови...

Не судьба, невдомек, не к радости.
Может гордость, а может спесь.
Может, помнишь за мною гадости.
А может, кончился я уже весь.

Да и кто я такой, наверное.
Для тебя и для "ваших миров".
Вы же звезды... а мы - то тернии
Был как жил... ну и был таков.

Только вот в шестьдесят, наверное,
Каждый хочет итог подвести,
И деяние, самое первое...
Упокой меня Боже, прости!

Не слюбилось, не сладилось, Господи!
Мы же были совсем детьми!
Не позорище свадебной простыни,
В чем наш грех? Разберись возьми!

Может кто-то из нас помеченный
Черной меткой на все года,
Может круг нам такой очерченный,
Отчего? Почему? Навсегда.

Только мнится мне часто и накрепко
Бог с тобою нас соединял...
Мы же глупые жизнью брякали,
Вот и фарт весь у нас полинял.

А сегодня я просто верую,
Все просчитано в мире давно,
Прозевал я любовь свою первую...
А второй-то уже не дано!?

И уже моя жизнь не заладится,
У тебя тоже все не так...
А кто ждет, что еще наладится...
Самый круглый, наверно, дурак.

Дом... семья... все давно "упаковано"
Да и жизнь уже в общем прошла
Чувства в детях моих утрамбованы
За спиною большие дела...

А тут приятель - поэт полу пьяненький
Задал вроде невинный вопрос
И от этой проблемы маленькой
Я как будто бы к полу прирос:

- Ну что, закончил со своею недотрогой?
Скажи тогда мне, дорогой,
Одна любовь от Бога, или много?
И разберись - которая с тобой...

2004.

ВСЕ ПРОСТО.

Да что ты думаешь, мой друг,
Под старость чувства испарились?
И если мохом пень оброс
То в сердцевине нет смолья?
Что где-то там, до двадцати
Мы все навылет излюбились?
И если мне за шестьдесят
То это вовсе и не я?

Увы, не то. Не все так просто.
Стареет тело, не душа.
И за три дня перед погостом,
Пусть внешне ты уже апостол,
Вдруг восхитишься статью, ростом,
И прохрипишь:
- Ух! Хороша!!!

20.07.05.

О ЛЮБОВИ.

А мне так хочется в тепло,
В жару твоих объятий
Что бы "аж крышу повело"
И стало так приятно.
Я так прижался бы к тебе
Всем сердцем человечьим...
Да, да, к тебе, к тебе, к тебе!
Родная моя... печка.

29,05,05.

ВСЕ О СОВЕСТИ.

Не нужна моя жизнь мне сначала,
Я все сделал, что сделать хотел.
Правда, гадостей вышло немало,
За то подлостей вот... не посмел.

За добро кто меня оценит,
Мне, считаю, не нужно знать,
Статус жизни оно не изменит,
Так зачем же его вспоминать.

Лиходеем законченным не был,
Из кармана чужого не брал,
Но вот перевести бы в небыль
Только случай один из начал...

Я до дикости был наивным,
Отвергая чужую любовь,
Весь блестел как новячая гривна.
И... разбил чье-то сердце в кровь...

Аккуратней бы надо, нежнее...
Боль чужую не слышал я,
Но сегодня всего важнее
Тот поступок вдруг стал для меня.

Слезы девичьи я не увидел,
Не помог, хоть не ведал как
Так легко человека обидел...
Вот и маюсь теперь как дурак.

25,05,05,

МИРАЖ.

Ах, эта женщина с экрана
Ах, этот голос роковой.
Волною пьяного тумана
Влечет куда-то за собой.

Ты в мой дом приходишь, как захочешь,
И уходишь, то же, как решишь,
Никогда и ни о чем не спросишь,
Никогда со мной не помолчишь.

Голубой экран в ночи погаснет
Ты опять исчезнешь в никуда,
Ты такой всегда бываешь разной...
Но моей не будешь никогда.

Ах, эта женщина с экрана
Звезда в ночи... всегда ничья.
И словно в стареньком романе
Вздыхаю жалостливо я.

ЗАЧЕМ?

Прочеркнула звезда в черном куполе неба
И упала в тайгу за Уральским хребтом...
Как любовь, как мечта, словно сладкая небыль
Чтобы вновь возродиться когда-то потом.

Я уже не ловлю ваших глаз и улыбки,
Ваших легких шагов дивный шелест затих,
Но осталось в душе нежным трепетом скрипки:
- Вот и след от любви, успокойся, старик.

Прогорела судьба, как звезда над урманом.
Жизнь оставила след, словно дым табака...
Почему же тогда, будто в шалости пьяной
Догнала на закате любовь старика...

Что с ней делать теперь, на каких перекатах
Объясняться и петь, открывать чудеса?
Или просто, вздохнуть... все эмоции спрятать...
И... запутать нарочно свои паруса?..

06.01.06.

О ЛЮБВИ.

Я вас любил, о Господи, когда же это было!
Я в вашу сторону боялся посмотреть...
Но вы свое отворотили рыло...
Вот так и не пришлось мне песенку допеть.

Писал стихи, вас называл Мадонной,
Ваш стройный стан в забвеньи воспевал...
Сейчас гляжу - бабища на полтонны...
Исчезла талия? Иль я умнее стал?

Какая там любовь, какие поцелуи,
Вы мужа своего до петли довели...
А я живу, живу, и жизнь меня балует...
Мы к счастью разошлись, "как в море корабли".

08,06.06.

СУДЬБА? СУДЬБЫ?

И прошла, покачивая бедрами,
Унося с собой мою судьбу,
Унося и счастье мое ведрами,
Может, я себе еще найду...

Может, счастье, может, и несчастие,

Может быть, совсем другой расклад.
Сколько вас минуло без участия,
Попадались просто невпопад.

С этой вот, красавицей - брюнеткою
Я бы мог, наверно, вором стать,
Потому с запросами конкретными
На зарплату - нечего гадать.

А вот с той, натурой утонченною,
Я б всю жизнь, как ниточка звеня,
Занялся системой погогонною,
Да она бы скушала меня...

А вон та, тихоня деревенская,
Закормила б шаньгами, любя,
Пирогами, булочками венскими.
И тогда б я не нашел тебя.

Нет, неправда, никуда не делся бы,
И к ногам себя бы проволок,
Потому - судьба - не деньги кейсами.
Не подарок - а бездушный рок.

ВАРИАНТ ДРУГОЙ.

И прошла, качнув тончайшей талией,
Унося с собой мою судьбу.
Даже шевельнулись гинеталии,
И морщинка взрезалась на лбу.

Может, ты была мне предначертана
Где-то там, в космических верхах,
Может, я с плебейскими-то мерками,
И не смог осмыслить впопыхах.

Сколько вас, таких, увы, пропущено,
Может, и судьба вот так прошла?
Кто же знает, может быть, и к лучшему,
Может, ты от дьявола была?

Все мы получаем дар космический
В виде предназначенной жены,
А потом уж думаем критически,
Как надеть измятые штаны.

Ну а то, что мимо прокатилося,
Что "счастливый" кто-то уволок,
Может быть, и смучалось, слюбилося,
Может, впрок, а может, и урок.

2000

Ну что ты, дочка, взглядом ищешь?
Какой уж на фиг я петух,
На голове огромный выщип
И взгляд, как серебрень, потух.

Одерни юбочку - дразнилку,
И грудь надутую прикрой,
Ты для меня сейчас - казнилка.
Тебе бы... кто-нибудь другой.

БРЕД.

Как-то видел я во сне
Будто смерть пришла ко мне
Поздоровалась ехидно
И стоит, и все ей видно…

Помаленьку входит в раж.
Начинает инструктаж:
- Ну, давай, вставай мужик,
Вижу, ты ко мне привык.

Нет, да ты не одевайся,
И вообще, не собирайся.
Если проще, между нами,
Я же не беру «с вещами»

Вылезай, давай из тела,
То не я так захотела,
Да не лазь ты там в карман,
Мне же дали жесткий план.

Много ваших до утра
Нужно сплавить со двора.
У меня простая мера…
И при чем тут в Бога вера?

Там еще вчера Петруха
Записал тебя в поруху.

Я контакты вот отрежу
И ты станешь «жмурик свежий».

А потом, к воротам, к Пете
Сам дорогу заприметишь.
И фигню не городи.
Вот. Чирик! И все, иди.

Двери заперты в раю
Я на паперти стою…
В церковь валом прет народ,
Мне ни кто не подает!?

Я ж не тело… Я – душа,
Нет карманов ни шиша.
Жаба давит суть мою
Видно зря я здесь стою.

Вот какой-то прохиндей
Сунул бабке сто рублей…
Десять пачек сигарет!
Так у меня же легких нет!

Огляделся понемногу,
О! Таких, как я здесь много!
Вот ты в Бога и не верь.
Знать, давно закрыта дверь.

Славка – пьяница стоит…
Странно, вымыт и побрит.
У души лоснится кожа.
А была така-а-ая рожа!

- О, привет Славентий, друг,
Что на морде-то испуг?
Что так рано ковырнулся,
И на чем ты там запнулся?

- Я и сам вот размышляю,
Как стряслась беда такая?
Пил я как всегда – от пуза,
И закусывал арбузом…

А эта, в черном, говорит:
- Все, закончился лимит.
И не то опохмелиться,
Даже не дала водицы!

Привела, и ждать велела,
За тобою полетела…
Я спросил: тебя за что?
А не ответил уж ни кто.

Вот. Смотрю и дед Ерема
Развалился словно дома.
Сколько лет он смерти ждал.

Все стонал, переживал.

Гроб себе давно изладил.
Да железную ограду,
Три войны прошел дедуля,
Ни осколок и ни пуля
Не брала его к себе.
Видно все, конец судьбе.

Ах ты, здесь и радость наша
Скандалистка тетя Маша!
Как она меня достала!
И всегда ей было мало.

Ее звали Маша – культ
А сразил ее инсульт.
Махом с обществом простилась,
Видно злость уж не вместилась.

Видно столько в ней дерьма,
Что не сдюжила сама.
А и славный натюрморт:
Рядом с Машкой ходит черт!
Знать не даром говорят –
У нечистых всюду блат.

У закрытых у ворот
Копится, гудит народ.
Безо всякого разбору

От вора до прокурора,
От министра до шпаны
В общей куче - хоть бы хны.

Черти ходят с пузырями,
Говорят: идемте с нами.
У Петра сейчас обед,
А, может, вовсе его нет.

Щас, разборки как начнет...
Да куда еще свернет.
За неделю не пропустит,
Вон, гляди, как вас тут густо.

А у нас комфорт, балдеж.
На вот, пей, не пропадешь!
Становись не эскалатор,
Ад ведь маленький экватор.

Только вижу мужики
Не дают ему руки.
В Бога все еще не верят,
Но на свой аршин уж мерят.

Вон, вот этот разгильдяй,
Ну, какой ему тут рай,
А к воротному железу
Все одно втихую лезет.

Ох, и грешен человек
Словно жареный чурек.
Жизнь в распыл а сам в ворота,
Видно в пекло нет охоты.

Мы же, русский-то народ
Попривыкли у ворот.
Вся житуха в ожиданьи,
Пол житухи в оправданьи.
Вроде нищенок убогих,
Сбоку, у большой дороги.

Приучили нас в России
Чтобы ползали, просили,
Зарабатывать не смели,
Да крапиву что бы ели.

Слава Богу, все прошло,
И поднял народ мурло.
Распрекрасные дела…
Так эта, в черном вот пришла.

Ну, однако «стройся, рота»,
Открываются ворота.
А народец все галдит…
А Святой Петро сидит.

Оглядел весь наш простор,
Посмотрел на монитор…
На «самсунге» робит Петя.
- Ну, чего гудите, дети?

Божьи дети – не мои.
Ну, давай грехи свои.
Рядом с Петей генерал.
По уставу четко встал.

- Я – военное сословье,
Я – не это поголовье,
Жизнь моя – вся по приказу,
Так что мне путевку – сразу.

Я ложил «живот за друга»,
Был правительству подпругой.
(Боже мой какая страсть.
Не подходит слово класть)

Жаль награды не при мне.
Не хочу гореть в огне.

- Ты, касатик мой ушастый,
Орденами-то не хвастай.
А грехов твоих как раз
Хватит тут на всех на нас.

Ты солдатиков жалел?

Ты когда картошку ел?
Посмотри, каким арбузом
Нависает твое пузо.

И мозги не пудри мне,
Воевал в своей стране…
А еще собрался в рай.
Эй, рогатый, забирай!

Потащили генерала…
А в толпе потише стало.

- Надоела вся бодяга! –
Вдруг поднялся работяга –
Я свой ад оставил в поле,
Мне уж нет страшнее доли.

Ты, Петро, Святой сановник,
А по нашему – чиновник,
Где тебе ядрена мать
Работяжью долю знать.

Ты с обеда опоздал,
И ни кто ведь не сказал.
Отвернулись все стыдливо…
Ишь, какой народ счастливый.

А дудукни-ка в дуду
Враз окажешься в аду.
Ну а мне чихать на жуть.
Отправляй куда-нибудь!

- Что ты, что ты, дядь Фадей,
Что кричишь как асмодей.
Для колхозников у нас
Все в ажуре, первый класс!

Вы свое уж отстрадали,
Все долги давно отдали,
Вас ничем не напугать...
Проходи, ядрена мать!

Ну, который тут поближе,
Что башку склоняешь ниже?
Видно совесть-то грызет.
Да, тебе не повезет.

Ах, ты этот... депутат!
Или просто супостат,
Словно дьявол для народа,
В общем... дрянная порода.

Ну, давай, ответь, нахал,
Что ты там людишкам врал?
Обещался накормить,
Ублажить да напоить?

А добравшись до мандата,
Сам запрятался куда-то.
Золотого-то тельца
Полюбивши до конца,

Позабыл свое вранье?
Люди вы иль воронье?
Ну, вот ты хватал, хватал,
А сейчас вот здесь предстал.
Думал, снюхался с бандитом,
И все будет шито-крыто?
Помнишь, плюнул на распятье?
Заработал ты проклятье!

Что?! Покаяться спешишь?
Но вот тут-то уже шиш!
Эй, рогатые, берите,
Да лишка не говорите.

Места нет ему в раю.
А Думу я вам отдаю.
Там таких еще полно.
Там не люди а …но.

Впрочем, кто их выбирает,
Пусть сегодня же узнает.
САМ сказал: «ответить надо
За Российский-то порядок».

Я ужо со всех спрошу,
Я их всех поворошу,
И за крестик в бюллетене
Не один ярмо наденет.

Ну, да ладно, кто там дальше?
О, водила, сущий мальчик.
Ну, тебе дорога в рай,
Да не радуйся, шагай.

Кто там следующий? Священник?
Ну-ка, топай в ад, мошенник!
- Как же так, Святой Петро!
Судишь, словно ты в метро!

Я за веру, за Христа
Все блажил во все уста.
Службы правил, лоб крестил...
Чем тебе не умастил ?!

У меня всегда, как надо,
Ровным пламенем лампада
Под иконою горела!
Славно правил Божье дело!

Не курил, не пил, не крал!
Почему ты так сказал?

Борода торчит как веник…
Ну, какой же я мошенник?!

- Вот водила пред тобой
В рай пошел… да ты постой!
Он однажды словно куль
Пьяный бухнулся за руль.

А автобус-то двойной,
Брал народ его войной,
А он как врезал по газам,
Тихо, пьяным-то глазам!

Видят люди – смерть пришла,
Вот уж тут пошли дела!
Воют – Господи, прости!
Перед смертью покрести!

Сотня человек, к примеру,
Обрели моментом веру!
Ну а в храме кто-то был?
Сам-то Бога не забыл?!

Да, ты с нашенским мандатом,
Но… сужу по результату!
Так сказать по КПДе,
А ты хотел по бороде.

Ты, давай-ка, тут постой,
Что же делать мне с тобой?

Но пошли уже другие,
Бестелесые, нагие...
Славно жизнь-то вас потерла..
Ишь вот, сколько понаперло.

Диковатый, словно сыч,
На Петра наехал БИЧ
- Ну, родная Божья воля,
А позволь спросить: доколе?!

До каких же право пор,
Будет на Руси позор?
На хрена Вы нас создали?
Видно сами-то не знали,

Как развитие пойдет.
Кто тут главный идиот?!
- Ты, пузырь, бомжара грязный,
Думать можешь сообразно?

Ты куда попал, собака?
И чего тут лезешь в драку?
Я тебя сейчас сужу!
И примерно накажу!

Знает только сам Господь
Как вам жить и что молоть,
Ты на суд явился Божий.
Так что тявкай осторожней.

- Хорошо, я стал бомжом,
Но это было все потом!
Это наша перестройка
Сделала меня опойкой.

Мы до этой карусели
В академии сидели.
И не опускали руки,
Там, на острие науки.

Атом, плазму укрощали,
Пыль в металлы превращали.
Сколько сделали добра…
Не осталось ни пера!

Это что же, Божья воля?
Вот и говорю: доколе?!
- Вот и я тебе толмачу,
Что все это, в общем, значит.

Божья воля, брат, не бред,
А к добру от худа след.
Что б ты был готов предстать,
Много должен испытать.

Ведь жена тебя – дебила
За регалии любила.
Сладко спал и вкусно ел,
И до смерти так хотел?

Ты из высших-то миров,
Из научных докторов,
Из таких как ты уродов,
И не знал совсем народа.

Вы не просто ели-пили,
Вы и бомбу сотворили.
- Божья воля – голова,
Ну, к чему твои слова?

Не позволил бы нам Бог,
Кто б ее придумать мог.
Я в кремле бывал вначале,
А закончил вот в подвале.

Не о том сейчас жалею,
Что имел и что имею,
Все, что довелось узнать,
Не успел сполна отдать.

Убеждения мои,
Не сомнения твои.
Об одном я пожалел –

Много сделать не успел.

- Да, такой ты не один…
И, ступай-ка в карантин.
Там священник уж сидит.
САМ придет – определит.

Почесал Петро за ухом,
И во рту чего-то сухо.
Отхлебнул святой водицы…
Загляделся на девицу…

- Ну, блудница, подходи,
Ишь, пятно-то на груди.
Постарался обормот…
Ничего, ко мне придет.

Знаю я твое житье –
Оплеухи да питье.
Но, однако, вот вопрос,
Любит вас Иисус Христос.

Натерпелась ты до сыта,
Твоя жертва не забыта.
Вволю страсти испила.
Ну, да… не мои дела.

Проходи, не порть картину.

Да согни немного спину.
И на всякий случай знай
Ты идешь еще не в рай.

Здесь, такой как ты покойник,
Помещается в отстойник.
А потом уж на задворках
Продолжаются разборки.

Ну, все это впереди…
Эй, ментяра, подходи.
И подходит жмурик новый.
Был который участковый.

Чем-то крепко озабочен,
И шокирован не очень.
Словно прибыл не к Петру
А на работу поутру.

- Что ты взгляд куда-то прячешь,
И не так как все - иначе,
Ты хоть понял, где ты есть?
Или ты еще не здесь?

- Погоди, Петро, не лай.
Ну, чуток подумать дай?
Кто меня остановил?
Если Бог, то кто дебил?

Кто же заповедь-то вашу
Превратил в работу нашу?
Кто сказал: «не укради»?
А своруют, так найди?

Я работал – будь здоров,
Не на заготовке дров.
Пролопатил я всю перхоть
И дошел уже до верху.

Мне еще бы две недели,
Так министры бы слетели.
Но, командует же Бог.
Киллер был не так уж плох.

- Ты, однако, капитан,
Заглянул в чужой карман.
Ты свое предназначенье
Выполнил в одно мгновенье.

А министр, ядрена мать,
Должен грех еще набрать.
Для законного для ада
Он набрал не все, что надо.

Вот как только наберет,
Да бесчестие пройдет.
Тут-то уж нечиста сила

Приберет его на вилы.

А к тебе, ментовска честь,
Заковыка все же есть:
Под конец земного круга
Ты увел жену у друга.

Раз в делах любовных быстр,
Будь, где будет тот министр.
А когда уж он созреет,
Бог тебя и обогреет.

Не печалься, доживешь,
Перекомиссию пройдешь.
Есть для вашего для брата
Здесь отдельная палата.

Так что временно, пока,
Подставляй чертям бока.
И вот так вот, прямо тут
Петр вершил конкретный суд.

И... гляжу – уже друзья
Близко очередь моя.
Что Петру-то говорить?
Стал я сам себя судить.

А грехов-то целый лес!

Я же, блин, в КПСС
Отслужил как тот кадет
Целых двадцать с лишним лет…

Я и в Бога-то не верил,
Свою жизнь уставом мерил.
Я же с флагом… впереди…
Вот и разберись поди.

РАБОТА

БУДНИ.

Ах словеса, ах словеса, фонтаны словоблудья,
Шумят как вешняя гроза, как ржавые орудья.
И свищут ядра слов пустых, теряясь на излете...
И в лету все... бултых, бултых... а люди на работе.

ПАРОДИЯ.

И ныне сбирается вещий глава
Проблему решать в совещании...
Метода его до сих пор не нова
Подарочки и наказанья.

И вот уж расселся чиновничий люд
Все стулья у них по ранжиру...
Тихонько скулят или псалмы поют,
Сегодня уж им не до жиру.

- А ну-ка, опричник, скажи на духу
Доколе терпеть беспределы?
Вчера донесли, что и здесь, наверху
Летают бандитские стрелы.

Опять застрелили в спортзале купца,
Компьютеры сперли в деревне...
За что же кормлю я тебя, подлеца?
За пьяные драки в харчевне?!

Слиняло лицо у опричника враз,

Но грудь колесом подымает:
- Безрадостен будет, начальник, рассказ,
Давно лошадей не хватает.

В опричнине люди остались - дерьмо,
Уж год не видали зарплаты,
Кто шустрый да умный - сбежали давно,
А тот, кто остался - в заплатах.

Подкову купить - ни копейки в казне,
Намедни я был у начфина.
Так он посмеялся в мурло прямо мне
И вытолкал посохом в спину.

Бандиты же гонят своих рысаков
И все убегают с дороги...
Ну, где их догнать, у моих мужиков
Сломались последние дроги.

И, тяжко вздохнув, опустил седину...
- Вот ежели мне...
- Цыц! Охальник!
Гляди. Кренделину главе-то загнул!
Какой же ты к черту начальник?!!

Казны тебе дай да подкову найди.
Ты сам-то, наверно, разбойник?
Старайся за Родину нашу! Иди!!
Воров не поймаешь - покойник!

Чиновничий люд аккуратно притих.
Уж больно сурово начало.
Лихие порядки настали для них
Разборок еще не хватало...

- А ну-ка ответь нам, начфин дорогой,
Где деньги твои от налогов?
Постой пред боярами, милый, постой,
Да только не ври ради Бога.

- Налогов собрали двенадцать мешков
И две двухпудовые кружки,
Но мы же наделали столько долгов...
От денежек тех - только ушки.

А все, что я выплатил, - вот и счета,
И подпись главы в обналичьи,
Но всем-то не хватит опять ни черта -
Не деньги, а песенки птичьи.

- За что ты опричника посохом бил?
Отсыпал бы шапку без дырки,
Он лучше бы жуликов, может, ловил,
И я бы не строил придирки.

- Опричник берет у разбойников мзду
И платит с той мзды прокурору,
А ты ему вешал недавно звезду -
Ему гильотину бы, вору!

Он водкой паленой торгует, подлец,
Налоги с той водки не платит,
Ворует медяшку его молодец...
- Да хватит тебе ужо! Хватит!

- А я вот зарплату вчера заплатил
И с носом остался в казне-то,
Недавно вот Батюшка-поп приходил
Так денежек больше и нету!

- Пошел, прощелыга, от лика долой!
Казну прикажу опечатать!
А ну-ка, министр тепла, доротой,
В квартирах не мерзнут внучата?

Поднялся министр, ажно синью пошел,
Простужен и грелка подмышкой:
- Неважны дела. Дед Мороз-от пришел...
Иссякли в котельне дровишки...

Рубили как быдто весной хорошо.
Лесничему вроде платили,
А с осени он предъявил нам ишшо...
А к осени денежки - сплыли!

Поленниц на засеках - впрямь до весны,
Да выкупить не на что вовсе,
Село замерзает, а вам хоть бы хны!
Полгода копеечку просим.

- Так ты, что! Решил - это я виноват!?
Так я все село заморозил?
Ты грелку-то брось, раз дровишки лежат,
А коль не привез - вот и спросим!

А сани готовы? А кони в ходу?
Дорогу в лесу обустроил?!
А как разгружать будешь эту беду?
Наверно, веревки-то пропил!

Иди-ка отседа, синюшный ты нос,
Да только не к бабе в обьятья.
Решай! Это твой, персональный вопрос.
А к завтрему - мероприятья!

Да чтоб расписал по минутам, дурак!
Да чтоб подписали бояре,
А если не то, или что-то не так,
Так шлепнем тебя в крутояре!

Забыв свою грелку, потопал министр
И внукам своим в назиданье
Подумал: глава на расправу-то быстр...
И сел сочинять завещанье.

- А кто от купцов в совещании сидит?
Заводчики где, басурманы?
Я всем им сегодня устрою лимит,
Повывернут живо карманы.

Чиновник дрожащий тихонечко встал.
Зело доложить собирался,
Да вот с перепугу опять оплошал
И словно министр окарался:

- Так... видите... енти не ходють сюда...
И вы... у них... вовсе не в моде...
А ежели... ну, как какая беда...
Так там... они все... при народе...

Застыл голова от такой прямоты,
За сердце рукою схватился,
И вдруг захрипел на чиновника:
- Ты-ы-ы...
Чиновник под стол повалился.

Но тут подхалимы рванулись вперед,
С таблетками, каплями, солью,

Такой разбитной, тароватый народ.
И махом управились с болью.

Сидит голова, головою трясет,
Еще вроде в чувство не входит.
А тут заместитель - хитрюга встает
И мудрые речи заводит:

- А ну-ка, урядники вверенных сел,
Как праздновать будем Крещенье?
И тут разговор как по маслу пошел,
Уж пить-то - не нас бы в ученье.

- Готово село, браги сорок ведёр.
Зарежем последнего хряка.
Намедни молебен читал горлодёр...
А после, как водится - драка!

- У нас снегу - горы везде намело.
Так мы их водичкой окатим.
Приедете к нам, а у нас весело!
И с горочки в санках прокатим.

- У нас из коллектора круто бежит.
С бензином момент упустили,
Но к празднику вовсе никто не дрожит:
Детишкам каток соорудили!

- На праздник цыгане приехали к нам.
Гадали в деревне ходили.
Но даже и им не понравилось там -
Мы сами уж все растащили...

Зарплату не платим, а в праздники - пьют.
Да есть у людишек деньжата.
Вот только в казну ничего не дают
- Опять ты за старое, дятел!

Уволить поганца! К утру доложить!
И чтобы в газету заметку!
Вы что? В гроб решили меня уложить?
А ну, подхалимы, таблетку!

Веди совещание, - заму сказал, -
Мне некогда - к князю поеду...
Да чтобы все выполнил, что наказал!
Ну... к середе, скажем. К обеду.

И хлопнула дверь, и уехал глава,
Врастяг бубенцы прозвенели...
Вздохнула свободно лихая братва
И все по местам полетели...

ВПЕЧАТЛЕНИЯ.

О, сколько зеднице-часов мне довелось изведать!
И море слов, болото слов! И... тишина к обеду...
И вот съезжаемся опять, садимся чинно, важно,
И начинает заметать всех нас буран бумажный.

Но никому не в интерес, о чем там все бубнили.
Пусть длится вечно сей процесс, о сути все забыли.
Давно всерьез поднаторев в сей шелухе словесной,
Такой порой толмачим блеф, что и словам уж тесно!

СЕМИНАР

Ну вот, чиновники уселись.
Блокнотов, ручек маята.
С утра они еще не спелись
Еще беседа-то не та.

Полны решимости и жажды,
Учиться или же учить,
Еще, неверно, не однажды
Придется петь, придется пить...

Уж Скутин меду расстарался,
Блинами с чаем накормил,
И если кто не растерялся,
Кусок побольше ухватил.

Но вот к столу встает Татьяна.
И все - учеба началась.
Сидите, братцы, чинно, прямо,
Муниципальнейшая власть.

ШТАТНОМУ ЮРИСТУ

Юрист плетет свою интригу
И сельсоветчики сидят,
Наверное, запишут - фигу,
А может, просто поглядят.

Сменился КЗОТ, и каждый знает:
Учиться нужно поскорей.

По жизни всякое бывает:
Живем-то мы среди людей.

Что было ранее нормально,
Сегодня уж такого нет -
Сегодня правда аморальна,
Зарплата мастера - секрет.

Уволить запросто любого,
Принять - не с маху, без бумаг,
И много всякого такого
Не по зубам для работяг.

Алкаш окажется в промоте,
Воров - быстрехонько за борт,
Ну, в общем, радость на работе,
А в голове какой-то черт.

Ах, дума, дума - горе наше,
Ну, как придумает чего,
Так вся страна ушами машет,
Слегка балдея от того.

ДОКЛАД ГЛАВЫ О СЕЛЕ.

Серость в деревне, серость:
Вороны, канавы, снег,
И нет ни работы, ни дела,
Какой-то бездумный бег.

Исчезли уж прошлые цели,
Накал и движенье вперед,
Деревня ползет еле-еле,
Назад ли ползет, иль вперед?

Разрушены фермы, амбары,
Заброшены плуг и коса,
Фашисты пришли иль татары -
Лишь пьяниц одних голоса...

Набиты непроданным хлебом
Мешки – не востребован труд,
Зато меж землею и небом
Пустые горшки вопиют.

Пустые желудки и страшно
Пустые, пустые глаза...
И все остальное неважно,
Вы слышите? Рядом гроза?

ДОЛЯ КАДРОВИКА.

Всех нас в анкету, по ранжиру,
По датам, числам, месяцам,
От сельсовета до сортира
По полкам разложить бедлам.

Размер сапог, образованье,
Родню, детей и ордена -

Все записать. И в наказанье
Она все это знать должна...

Писать на каждого бумажку,
Кто где живет и что жует,
И ставит ли собака бражку
Иль на халяву водку пьет.

И сколько стажу, сколько проку,
Узбекский знает ли язык,
И в чем и кто бесспорно дока,
И у кого каковский "бзик".

Давай, валяй, пиши. Валюша.
Всех забери на карандаш
А вдруг вот станет "неча" кушать...
Так все в Америку продашь.

АТТЕСТАЦИЯ.

И вот решили вдруг под старость
Меня еще аттестовать.
В башке-то вовсе не осталось
Хороших мыслей - мать да мать...

И вот комиссия засядет.
Меня поставят в уголок
И заведут, угрюмо глядя.
Свой разговор: по лбу да в лоб.

Заглянут в зубы, под рубаху,
Седло поправят и штаны.

Ну и шарахнут в морду с маху,
Как на суде у сатаны...

И я, убогонький, убогий,
Поникну, выдохну, сожмусь,
Скажу, наверное: "слава Богу"
И... в неизвестность уберусь.

"Комись" вздохнет, чирикнет кофе,
Еще кого-то позовет...
Они же все такие "профи"...
А жизнь как шла, так и пойдет...

ЧИНОВНИК.

А посмотри, мой друг, на лица.
Какая скорбь и скукота.
Не шаньги даже и не пицца -
Лепешек кислых страхота.

И это профессионально,
Не просто так - лицо - плакат
Улыбка будто аморальна,
Но им уж нет пути назад...

Чиновник - это вам не просто!
Чиновник - глыба, монумент!
Чиновник должен быть, как ГОСТы,
Суров и страшен, словно мент...

НА ЗАСЕДАНИИ.

С прищуром смотрит прокурор на стол президиума голый,
Вот "первый" медленно прошел, сидит Светлана - глазки долу...
И микрофоны рядом - два на изоленту примотнулись,
И все дела, и все слова как будто вдруг перевернулись.

Конкретных дел порядок враз, ушел куда-то в обезличку.
А мы свершаем свой "намаз" - пример дурной мужей столичных...
И только смотрит прокурор, глаза в прищуре не потупит.
Конечно, "первый" и не вор... но, мало ль, вводная поступит...

1999.

А мне не жаль, что я родился
В кровавом времени войны,
Не жаль, что поздно я женился -
Не нужно мне другой жены,

И мне не жаль, что двадцать вьюжных,
Суть лучших в жизни двадцать лет,
Я не легко и не натужно
Ношу в кармане партбилет.

Не верю в Бога я и в черта.
Не ведал страха я ни дня.
А партбилет - моя аорта.
Он как святыня для меня.

И пусть там гавкает Мамуткин,
И митинг пенится - бурлит,
И... прекратите "прибаутки"
Противно все! Душа болит...

MECHU

ЖЕЛТАЯ БЕРЕЗА.

Желтая береза к озеру склонилась
Медленно роняет золото в камыш
Экая бесстыдница, ветку оголила
Спьяну ли не спьяну складки сарафана
Соскользнули вниз, соскользнули вниз...

В желтизну подола поросль младая
Жмется к белоногой от своей красы
Только по-над долом пьяницей гуляет
Празднично осенний, словно захмелевший
Ветер по Руси, ветер по Руси...

Волны берег лижут, а камыш все шепчет
Ниже наклонись, ниже наклонись
Заласкаю листья, зацелую ветки.
Ведь любовь шальная осени не знает
Только улыбнись, только улыбнись...

Омутом затихло счастье в бабьем лете
Листья шелестят бархатным ковром
Плачет и хохочет над березкой ветер
Мечется в угаре, словно на пожаре
В вихре золотом, в вихре золотом.

ЖАЖДА ДОРОГИ.

Снова жажда дороги захватила друзей
Снова топают ноги веселей, веселей
Горы скалятся в спину и угрюмо молчат
Словно встречу с лавиной нам готовят опять

На валун ты присядешь, тихо тронешь струну
И расскажет гитара про Конжак и Шунут
Вспомнишь ты переходы, глухомань и тайгу
Забайкальские воды и камчатский маршрут

И в любую погоду, лямку сбросив с плеча
Ты в конце перехода улыбнешься друзьям
Отойдешь от вагона. закурить поспешишь
И опять на перроне по тайге загрустишь.

ТОЛЬКО НЕ ЖДИ МЕНЯ.

В душу ты врезалась мне не отскрести ножом
Сердце мое в огне ночью и днем
И не могу найти, сколько не ищу
Но должен к тебе я прийти. я так хочу.

Только не жди меня, как другие ждут
Не приходи встречать, я сам приду
Шею руками мне оплети
Губ не ищи моих, в глаза гляди.

Да я устал сейчас, да, я не брит
Привык возвращаться я, привык уходить,
Землю сумею жрать, коль упаду
А перестанешь ждать - не дойду.

Только не жди меня, как другие ждут
Не приходи встречать, я сам приду
Шею руками мне оплети
Губ не ищи моих, в глаза гляди.

Пусть велика тайга, трудно по ней идти
Но дорога мечта, не встану на полпути
Горы смогу обнять, по рекам сумею плыть
Только вот без тебя мне на земле не жить.

Только не жди меня, как другие ждут
Не приходи встречать я сам приду
Шею руками мне оплети
Губ не ищи моих, в глаза гляди.

НУ И ЛАДУШКИ.

Приглянулись, полюбились, ну и ладушки
Словно дети разыгрались в перетлядушки
Оба смотрим и молчим, ух, счастливые!
Только время-то летит, торопливое.

Улетит и не вернешь, не ворогится.

Побежишь и не догонишь, как не хочется
Вьюга чувствами метет, страстью стелется
Кто же первый подойдет да поделится

Ну, бери его в ладони, счастье, милая,
Или просто закричи: - отпустила я!!!
А не то перегорит, станет горечью
Отболит и улетит грустной полночью.

О КОНДЕ.

Каждый раз возвращаясь, на Конду мы выходим
И по дому скучая, здесь покой мы находим
Нас несут катера до железной дороги
И попутным ветрам улыбаются боги.

Белеют вдали песчаные плесы
Ведут корабли капитаны - матросы
Но зовут поезда, огоньками мигая
До свиданья Конда, сестренка Дуная

А потом в тишине, в кресле качаясь.
Расскажу я жене о красавце Урае
Приведу на Конду повзрослевшего сына
Чтобы счастье искать в краю лебедином.

КАЛИНА.

Ах калина, калина, отчего-то горчит
Ах калину, калину лишь мороз размягчит
Обожжет леденящим поцелуем своим
Озорной и манящий, словно дьявольский дым.

И размякнет калина, наберет свою сласть
И начнет у любимых чувства нежные красть
Чье-то сердце остудит, чьи-то страсти уймет
Кто-то просто разлюбит, кто-то вовсе уйдет.

Говорят, на калину снизошел божий дар
Говорят, что калина гасит в сердце пожар
Русокосой кокеткою бабье лето прошло
А калине на ветки алых брызг намело.

Ты не пробуй калину, не студи свою кровь
Ты не трогай калину, потеряешь любовь
Безответное чувство от калины уйдет
Только новое будто уж совсем не придет

Вот такая калина, хоть любовь хоть покой
Вот такая калина, хочешь плачь, хочешь пой
И любовь одолеет и покой принесет
Но души не согреет и мечты не спасет.

ВДОЛЬ ПО ЮРМЫЧУ.

От Ирбитского, до Кочневского
Вдоль по Юрмычу черти бредут
Мое личное симпатичное
Горько - горюшко мне волокут

Горько - горюшко в мини юбочке
На высоких таких каблуках
Махом вытянет губки трубочкой
И начнет ковыряться в мозгах

Голова моя, боль похмельная
Боль такая хоть в петлю готов
А любовь твоя самодельная
Море ревности без берегов.

Вдоль по Юрмычу, по болотинам.
По прогарам да по зыбунам
Черти шлепают, черти шлепают,
Черти шлепают, шлепают к нам.

КРАСИВЫЕ СТИХИ.

Я напишу тебе красивые стихи
Потом, когда - нибудь, когда дождями осень
Проложит мелкие и частые штрихи
И свежесть чувств подошвами износит.

Я разыщу в глубинах памяти слова
Запрятанные в самый дальний угол,
И я скажу, что ты была права,
То не любовь была, а мука.

Да я и сам, отчаянно - смешной
У счастья на пороге, бесшабашный,
Взлелеянный, возвышенный тобой
Вдруг понял, что такое страшно.

МОЙ ПОСЕЛОК.

Я в поселке живу уже третий десяток годов,
Я совсем постарел, я к высокому полю готов.
А друзья, как и я, потихоньку, в морщины пошли.
Как же так, ну куда ж наши лучшие годы ушли?

Не грусти мой поселок не пой пьяных песен в ночи.
Не грусти мой поселок, но ради Христа не молчи.

Темнота с твоих улиц когда-то наверно уйдет,
Это время проклятое тоже, конечно, пройдет.

Тихим вечером дышит натужно трудяга - завод
Третий год химлесхоз уж с колен не встает,
С хлеба на воду бьется родной леспромхоз
Ах, поселок любимый, ну жалко тебя мне до слез!

Не грусти мой поселок не пой пьяных песен в ночи,
Не грусти мой поселок, но ради Христа не молчи,
Темнота с твоих улиц когда-то наверно уйдет,
Это время проклятое тоже, конечно, пройдет.

Вечера у пруда удивительно так хороши,
Никакая беда не смутит твоей доброй души
Сколько б не было лиха сегодня у наших ворот
Я по прежнему верю в тебя, озорной мой народ...

Не грусти мой поселок не пой пьяных песен в ночи,
Не грусти мой поселок, но ради Христа не молчи,
Темнота с твоих улиц когда-то наверно уйдет,
Это время проклятое тоже, конечно, пройдет.

СОЛНЦЕ В КАМНЕ.

Я не знаю, как мне выразить словами
Все о чем сейчас поет моя гитара
Я не знаю, ничего совсем не знаю
Может, просто я влюбился я не знаю.

Люди думают, любовь весна приносит
Только стужа чувству тоже не помеха
Может быть, ты подойдешь ко мне и спросишь
Для чего сюда за сотни верст приехал.

Ты одна, ты одна красивая,
Распустилась как белая лилия
Ты одна через вьюги и намети
Моешь счастье дарить признанием...

Может быть, ты догадаешься, услышишь,
Может быть, через глаза увидишь сердце,
Для тебя одной пою сейчас, ты слышишь,
Как ты можешь мне сегодня не поверить.

С рюкзаком пройду я горы - буреломы
Через снежные лавины и завалы
Через зимы, через весны и вагоны,
Если нужно будет, все начну сначала

Ты одна, ты одна красивая,
Распустилась как белая лилия
Ты одна через вьюги и намети
Можешь счастье дарить признанием...

Помоги мне разобраться в этой буре,
В урагане моих чувств - противоречий,
Может самым на земле счастливым буду,
Может быть, тоска опустится на плечи

Из тайги я принесу тебе такое
Что Россия лишь упрямым людям дарит

Солнце в камне, в солнце капля в капле море
В море волны для тебя одной сверкают.

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ.

Жил был парень в городе скромном
Скромный парень в мире огромном
Большими глазами глядел на землю
Искал свое счастье, не зная где оно...
Искал свое счастье не в маленьком городе,
Искал потому, что оно ему дорого,
Искал потому, что нет счастья без поиска,
Но только не знал, что есть поиск без счастья...

Прошел перевалы и голодные степи он,
В тайге побывал, спорил с бурными реками,
Целовал облака, умывался росами,
Шептал в забытьи, бредил косами...
Но не было счастья в конце пути его,
Когда возвращался, не найдя ничего,
И люди видели, скрипел зубами он,
Но только все больше и больше он верил в удачу...

А время ложилось на плечи тяжестью,
Все чаще и чаще себя он спрашивал
Есть ли дорога, труднее пройденных,
Будет ли счастье в конце пути его...
И только когда не хватило сил уже,
Упал у обрыва, над самой кручею...
А рядом склонившись плакала девушка,
Плакала девушка, из маленького города, самая лучшая...

Она шла за ним через все перевалы.
Груз его несла, вместе с ним голодала
Помогала искать ему мечту любовь его
И любила сама, и не ждала ничего...

"ГВАРДЕЙСК".

Наш поселок - захолустье на Урале,
Здесь живем, как будто нас сюда загнали,
Власти вроде не хотят чтоб мы подохли,
Но как попросим что, как будто бы оглохли.

А нам все по фигу, мы делаем дорогу,
Лезем в люди, потихоньку - понемногу,
Переставили столбы, как подобает
А что ждет нас впереди, никто не знает.

Сто километров всего-то наших улиц
И в грязи давным давно уж потонули
А бюджет благоустройства - кот наплакал
Вот такая вот геройская клоака.

А нам все по фигу - спортивный клуб открыли.
И ребятишек наших драться научили,
А весной вот все посеем - перепашем
А потом, глядишь, опять вернутся наши!

И вот тогда уже завертится потеха
И кому-то вовсе будет не до смеха
Разберемся кто хозяин и кто барин
И кому чего на память мы подарим

А нам все по фигу гуляем по поселку
Плетут старухи свои сплетни без умолку,
А на своих мы никогда не наезжаем
Кто не понравится, того и отстреляем.

ЗОРИ ЛИТЫЕ.

Красногвардейские зори литые
Гаснут вдали за Шайтанским прудом
Хочется песни пропеть им лихие
И поклониться тебе, отчий дом.

Кружится, кружится пух тополиный
Кружится, кружится липовый цвет
Кружится в вальсе поселок любимый
Кружится вот уже две сотни лет

Дишит завод как в предании былинном
Трудно, но верно шагает вперед
Знает свой курс, словно клин журавлиный
Мастеровой работящий народ

Да... приходила лихая година
Парни ушли и вернулись не все
Били врага, как отчизна учила
Грудь в орденах или смерть на кресте

Возле полей и лесов вдоль по пруду
Улиц уютных кварталы лежат
Ласковый ветер придет ниоткуда
Словно любовь наших милых девчат.

...

Красногвардейские зори литые
Гаснут вдали за Шайтанским прудом
Хочется песни пропеть им лихие
И поклониться тебе, отчий дом.

СОЛОВУШКА.

Соловей - соловушка на седой черемухе
Буйная головушка у судьбы на кромочке
Музыка вечерняя - льет из сердца малого
Как любовь неверная нежная, коварная.

Ах ты, птаха певчая, ах душа сгоревшая,
Песня недопетая сердце не согретое.
Сколько нужно выстрадать, сколько рос по выплакать
Чтоб туманы белые в звуки переделывать.

Но закаты дивные были б некрасивыми
Кабы не соловушка с песнями ретивыми,
С песнями, что за душу могут тронуть каждого
Что способны за полночь звезды завораживать.

Ах ты, птаха певчая. ах душа сгоревшая
Песня недопетая сердце не согретое.
Сколько нужно выстрадать сколько рос по выплакать
Чтоб туманы белые в звуки переделывать.

Пой родной соловушка, на мою головушку
Нет покоя прежнего у меня у вешнего
Песня твоя сладкая, звонкая да жаркая,
Ох, сгорю я пламенем звездочка неяркая.

Ах ты, птаха певчая, ах душа сгоревшая
Песня недопетая сердце не согретое.
Сколько нужно выстрадать сколько рос по выплакать
Чтоб туманы белые в звуки переделывать.

ЮБИЛЕИ

ЕВДОКИМОВОЙ ЛЮДМИЛЕ
ВАСИЛЬЕВНЕ
50 ЛЕТ.

Это доброе слово УЧИТЕЛЬ
С детства впитано в наши сердца,
Этот детский сердец покровитель
Ближе матери, лучше отца.

И тебе так когда-то хотелось
Встать за старый учительский стол
Ты старалась, прилежно училась,
И вот день этот все же пришел.

Помнишь, первый урок ты давала -
Дрожь в коленках и в сердце дрожь
У стола ты как в сказке стояла...
Ты - учитель! Ты знанья даешь!

Это сладкое слово - УЧИТЕЛЬ
Душу выплеснуть хочется враз
Дети, дети - твой главный ценитель.
Сколько лет ты ведешь свой рассказ...

Каждый день, словно новый экзамен
Каждый час, словно крик души
Вот уж дети уходят сами...
Вслед тетрадкою им помаши...
Это страшное слово УЧИТЕЛЬ
Учишь так, а живешь не так

В школе ты для детей предводитель
А по жизни - большой чудак.

Ты вбиваешь в них праведность, честность,
Грязь и лажу в них улица льет
От тебя они вышли с песней
А по жизни заткнули рот!

Вот такая страна двойная
Вроде, правда учитель в чести
И за труд свой сполна получает
Ни одеть, ни домой принести!

Это дикое слово учитель
Труд без нормы, как каторга труд,
В школе радостно дети кричите
Дома... Тоже... Свои орут.

Да в пригоне вторая смена
Каждый день молоко да навоз
Так порой бы взяла полено...
Да... Гостей вот мужик привез.

И тихонечко, зубы стиснув,
Правишь молча домашний бал
Не сломаться бы да не скиснуть.
Кто бы доброе слово сказал.

Вот и брякнуло лет ... Под старость
И здоровья уж нет совсем
Что сегодня тебе осталось
Прожила свою жизнь зачем?

Это чудное слово УЧИТЕЛЬ
Словно факел в деревне горит
Школа - мудрости, знаний обитель,
Словно памятник гордо стоит.

И душа этой школы просто
Баба русская, женщина - мать.
От рождения до погоста
Предназначенная пахать.

Потому преклоните колени
Да поздравьте ее от души
Дай ей бог среди всех поколений
Всласть работать и честно жить.

ЖЕНЩИНЕ - РОССИЯНКЕ.
ВОСЬМОЕ МАРТА.

В этот день. накануне праздника.
Когда снег набухает водою,
Когда солнышко весело дразнится.
Дай мне бог похвалиться тобою.

Дай мне Бог без излишней скромности.

Без фальшивых словес разменчивых.
Без убогой и пошлой томности.
Вознести тебя, милая Женщина!

Вознести не как памятник в олове,
Не "набрякать" с четыре короба,
А склонить свою лысую голову,
И сказать обо всем, что дорого.

Я тасую слова колодою -
Короли да валеты яркие
Все десятки, тузы дородные,
Ну а где ж наши дамы жаркие?

Где глаза, где ланиты, талии?
Где прически и губки бантиком?
Стройность ног, гибкость рук и так далее?
Где вся жизнь, улетевшая фантиком?

А... в работе, в заботе, в горести!
В этих диких авоськах - сумищах,
В толчее и в автобусной пошлости.
И не в шубах собольих, а в рубищах!

Это мы, мужики бестолковые,
Превратили тебя - красавицу
На свою на зарплату фиговую.
В это самое... что не нравится...

В телевизор на Машку Распутину
Бельма вылупив, ох! Восхищаемся!
А свою-то жену... да занудину...
Ой, да ну ее, пусть стирается.

Ни внимания. ни признания,
И ни ласки-то путней, ни нежности...
Эк, меня занесло от старания,
Посмотрите, какие небрежности...

Нет! Мы праздничек женский сделали!
И с цветком! На колени! На тебе!!!
Целый год где попало бегали,
От жены, дочерей, от матери...

А теперь вот смотрите-ка, вспомнили!
И слова и заботу - ворохом!
А... девятого марта... помните?
В прошлый год... все сгорело порохом?

Снова будни, посуда грязная,
И мужик на диване боровом...
Где букеты его прекрасные?
Где внимание, что так дорого?

Ну да ладно, развел полемику,
Будет, будет, зело покаялся!
Мужики - лишь Чубайс да Темников,
Ну а свой-то... уж хоть бы не лаялся.

Разбудил бы с утра поцелуями,
Взглядом добрым, да словом ласковым.
Да еще бы чего... да ну его!..
Только... просит душа прекрасного.

Ведь не зря же природа-матушка,
Женским именем Богом названа.
Воля - вольная, жизнь - касатушка!
И любовь, и мечта, и сама весна!

Все прекрасное в женском знамени,
И душа, и земля, и околица.
И Россия сама нынче в пламени
Божьей матери тихо молится.

И сегодня из этого месива
Из войны, нищеты и безденежья.
Мужики языки уже свесили...
Выручай нас, голубушка, женщина!

Выручай, ничего не спрашивай.
Ты у нас ведь такая привычная.
Отведи нас от времени страшного,
Для тебя ж то - задача личная!

Вот давай, как отпразднуем праздничек.
Изберем мы тебя в правительство,
Поразгоним всю шушеру разную.
И начнем в государстве строительство.

Чтоб страной управляли матери!
А не просто мозги похмельные,
Чтобы не было нищих на паперти...
Молоко чтобы было цельное.

Чтоб смеялись детишки в колясочках,
Старики перестали бы мучиться
Ну а те, что болтают красочно,
Ни хрена же у них не получится.

Ну давай, поднатужься, милая!
Не впервой тебе робить пахарем.
Ну а... та... эта рожа постылая...
Да прогоним мы этого "хахаля".

А сегодня, родная, с праздником!
Честь тебе и хвала, и радости,
И... долой эти горести разные,
И пошлятину всю, и гадости!

Наливай до краев шампанского,
Поднимайся во всем величии!
Я спою тебе песню цыганскую,
О прекрасном твоем обличии.

И не надо в избу горящую,
И коней на скаку - не надобно!
Дай те Бог мужика настоящего,
Да всю жизнь... что бы в платье свадебном!

НА ЮБИЛЕЙ ЗАГСА.

Определил создатель время,
Поставил вехи на пути.
Определил и смерть, и семя,
И как сей путь кому пройти.

Но люди выпряглись у бога,
Грех стал насущным, как вода,
И коль людей грешащих много
Без АКТОВ, ЗАПИСЕЙ - беда!

И вот заносит дьякон в книгу
Кого и кто родил в миру
Кому наследство или фигу
Так быть по дьякона перу...

И если церковь записала,
Хоть трижды мертв ты будешь жить
И если церковь повенчала
Ни кто не может отменить.

Слугою божьим зван священник
Рабом у бога назван всяк.
А в общем каждый из нас пленник
Законов всяческих. Вот так!

Когда в горластую годину
Попов всех вывели в расход

Народ нашел себе дубину
И создал ЗАГСы тот народ.

И та же дурь, и те же перья.
И та же книга о родстве,
И те же записи о смерти
На современной бересте.

И ЗАГС как церковь, так припишет,
Что будешь плакать и рыдать.
Хоть волком вой - ни кто не слышит,
Все потому, что есть ПЕЧАТЬ!

И коли в загсе обалдуи
С похмелья турком назовут,
Поверь мне, так до смерти будет,
Напишут, как ярлык пришьют.

Люби как хошь, рожай детишек,
Живи с женой хоть двести лет,
Но если ЗАГС вас не распишет...
Ты холост, блин, детишек нет!!!

И вот за восемь лет десятков
Поднаторели в этом так,
Что верят люди без оглядки,
Каков бы ни был этот АКТ.

Сломалась партия, рассохлась,
Советской армии хана.
Уж вся промышленность подохла.
А ЗАГСу - право ни хрена!!!

И ни родиться и не сдохнуть.
Не развестись и не сойтись,
И не прозреть и не оглохнуть
Без ЗАГСа в общем, хрен не жизнь!

И если завтра вдруг в России
Какой-то враз переворот...
Силен ли он, или бессилен,
Он все равно к нам в ЗАГС придет!

Придет как миленький и скажет:
- Я власть вчера, ребята, взял
И чтобы не было тут лажи
Вы, запишите, для начал...

Ну да, хватит зубоскалить, дурью маяться,
Это праздник же у нас начинается,
Это сколько же труда в дело вложено,
Это все на ваши нервы перемножено.

Каждый день идут к вам люди с болью, с радостью.
Каждый день их нужно встретить с крайней благостью.
Улыбаться и цвести, как в свадьбу водится,
Убиваться в горести - где разводятся...

Так пускай же хватит сил и терпения
Видно бог определил наше бдение,

КЛАДУХИНУ А. В.
1998 Г.

Я прошу вас немного убавить
Этот славный и праздничный шум
Все мы здесь собрались, чтобы славить
Юбилярские придурь и ум.

Так давайте в галоп по европам
По истории жизни его
Пробежимся немного, да что там
Может быть и откроем чего.

Посмотрите, вот Саня Кладухин,
Русский в паспорте, мордой - узбек.
Вроде бы в современном духе
Поседевший в трудах человек.

Вроде где-то чему-то учился
По обличью и то эскулап,
Вот таким он у нас появился
В нашем городе - доктор для баб...

И пошла, завертелась служба
Так в роддоме бы он и засох
Если бы не бродяжья дружба
Если бы не болотный мох.

Пашет парень неделю - в мыле
А как только пришел выходной

Хвать ружье и с свирепостью в рыле
Как бандит по болоту - бог мой!

Утки падали, зайцы бежали,
Матерились лоси в кугаях,
Хорошо, что таким вот не знали
Сашу - доктора, кто на сносях.

Он ножом словно чукча работал,
Строганиной питался как зверь,
Но он не был тогда так измотан,
Не открыв в перестройку дверь.

И когда согласился сдуру
Стать в Артемовске главным врачом,
Он имел еще девки фигуру,
Это все появилось потом...

Он ведь думал - ну что, начальник,
Стул да стол, кабинет да печать,
А как вышло - то все печально
Только стоило право начать.

Ох и злился тогда Кладухин
Что сантехники вовсе не знал,
Вот такая вот блин веселуха,
Медицинский же он кончал...

Экономика, стройка, кредиты,
Курс снабжения, курс вранья,
И таланты все на фиг убиты,
Не работа а впрямь - полынья!

Бросил Саня совсем охоту,

Засадил себе в ногу тромб,
И замотанный вдрызг работой
Потерял уже прежний апломб.

Доктора как собаки злые,
Не хотят в голодухе жить,
Забастовкой грозят родные,
А, наверное, могут убить?

Дума деньги вообще зажала,
Мэр в затылок грозит кулаком,
Ревизорша недавно кричала
Что ужо доберется, потом...

Ну и кто ты сегодня, Кладухин?
То ли врач, то ли вовсе не врач,
Жизнь прожил не обидев мухи
А сейчас как какой-нибудь рвач.

И зачем ты кончал медицинский,
Дрянь - латынь обалдело зубрил
А сейчас в этой жизни свинской
Даже имя жены позабыл.

И в седой голове как в корзине,
Сорок бед и больной район
И здоровья уж нет в помине
Вот бы денег тебе эшелон...

Даже страшно сейчас представить
Что с деньгами бы ты натворил
Все бы медики сытыми стали
Ты зарплату бы им заплатил.

Накупил бы в район Мерседесов,
Сдал в музей бы УАЗики враз
Да построил больницу помпезную
Да и вылечил всех бы нас...

Но тебя не тому учили
А сегодня больна страна
Вены сволочи Родине вскрыли...
И она никому не нужна.

И не хочет никто заштопать
Этих ран обалденную рвань,
Руки ж заняты - надо хлопать
А не хлопать так воровать.

Рвут на части как волки лихие,
Им до медиков дела нет
Что там все уж такие плохие?
Где, однако, найдешь ответ...

Ну а крайним - то ты остался.
Ты, заштатный районный главврач,
Помню, как ты на думе сражался...
Это ж был ЯРОСЛАВНЫ ПЛАЧ!

У тебя там могучее лобби
Загоняет Карелина в транс
Это лобби уж стало хобби,
Твой наверно единственный шанс.

Но дыру на дыру пришивая,
Размазюкав пожиже бюджет,
Оглянешься и... Мать честная!
На глюкозу копейки нет!!!

Люди мрут, от родившихся втрое!
Ты не можешь ни чем помочь,
Как же жить-то? Ну что же такое?
Как же этот бардак превозмочь?

И я тешу себя надеждой,
Что сегодня тебе пятьдесят,
Ты ведь, блин, не какой - то невежда,
В думе хуже еще сидят.

Так давай-ка наяривай в думу,
Может там хоть чего протолкнешь,
Да хоть просто наделаешь шуму,
Уж чего там от них возьмешь...

Там глядишь и министром станешь,
И, припомнивши город родной,
В белый дом и меня перетянешь,
Может, нужен болтун там такой?

Я, конечно же, не Жириновский,
Шибко резко сказать не мастак,
Но и не раздолбай же покровский,
И в стране не совсем чужак...

Мы с тобою бы там натворили...
Стоп, о чем это братцы я?
Вы сегодня за Сашку пили?
Так давайте же выпью я.

Пусть ему не бывать в министрах,
Пусть в Артемовском век галить,
Но сегодня я кланяюсь низко,
Как тебя мне мой друг не любить.

Мы шагаем уж третий десяток,
Подставляя друг другу плечо
И наверно такой порядок,
Что стареем вдобавок еще!?

Но еще не поставлена точка,
Глаз наметанный быстр и прям,
Еще есть питьевая кочка
К сожаленью уже без дам...

Будь же здрав, добрый друг Кладухин,
Пусть тебе бог отвалит всего,
Да и будет земля тебе пухом
Лет за двести от дня сего.

КОЖЕМЯКОВУ Г. Н.
НА 60 ЛЕТ.

И вот сидит братан напротив
Ему сегодня шестьдесят
Итоги жизни он подводит
Прожитой словно на рысях.

Приспело время оглянуться
И поворотом головы
Лет на полсотни окунуться
В лета, где все мы - пацаны.

Вихрастый, наглый, длинноногий,
Гроза и грядок и болот,
В лесу, на Кировке убогой,
"Пузатый Генка", блин, живет.

Он любит лошадь больше мамы.
Он косит в полное плечо,
Футболом может врезать в раму
И хитрый, словно старичок.

Но жизнь в то время - не конфетка
И, семилетку дотрепав,
Шли в ремеслуху горе детки...
К железу намертво припав.

И уж в пятнадцать лет фуражка
С кокардой, бляха на ремне...
Шинель, ботинки, водки фляжка.
Ну, в общем, "парень на селе".

Затем станок, завод, девчонки...
Упруго времечко летит...
И Кожемяков, словно Чонкин,
В строю надраенный стоит.

Не парк артемовский - граница.
Не Сочи - дальний наш восток,
И жеребец, как сокол-птица,
И под рукой всегда курок.

Но деревенскому-то парню
И служба шла - хоть песни пой,
И по конюшне и по псарне
Уж ходит Гена старшиной.

Три года брызнуло зарею,
И вот уж дома старшина.
И вновь от масла руки моет,
Да от станка гудит спина.

Веселье время холостого
Слилось в один прекрасный день
Удрал он от отца родного,
Чтоб не женили в тот же день.

И в общежитии прописался,
И, закусивши удила,
По жизни так и мчался, мчался...
Но жизнь его обогнала.

Младшого брата девки звали
Однажды вечер скоротать,
А старший брат пришел и Валю
Решил настырно в жены взять.

Уж как он там ее убаял,
Про то не можно мне сказать,
Но, только... больше он не лаял,
И стал на привязи скакать.

Но жизнь женатая не крепко
Держала Генку-сорванца,
На Колчака ходил он в кепке
От революции бойца.

С ружьем шатался по болотам,
На Белом озере тонул,
И мотоцикл, словно кто-то,
Из лужи на берег тянул...

Таскал лосятину мешками,
Таскал и невод по Режу,
И жизнь его, так, между нами,
Заволокла-таки в межу.

Наверно, норму уже выпив,
Лишка хватил из стакана,
И вот на этот самый вымпел
Поймал Генашу сатана.

И враз под нож, и с тихим всхлипом
Кишки в помойку, и конец,
И словно в пугачевском клипе
Стал дядя Гена - молодец!

Не пьет, не курит, при дипломе,
Попер в начальники уже...
И дети умненькие в доме,
И морда, как от Фаберже.

Но, все схватив рукой у жизни,
В одном промазал он меж лет,
Он ненавидел, словно клизму
Нормальный, русский партбилет.

А партбилета не добился -
Не мог начальником он стать.
Хоть как-то Пчелин умудрился
Ему выговорешник дать...

И так дубье, с той самой книжкой,
Всегда вверху, а он - ишачь!
Ну а потом его как выжмут
Так увольняют, хоть тут плачь.

Жигалов ездил на Генаше,
Скрипел и Разумов над ним,
В энергетической шарашке
От брата шел и пар и дым...

Работал он взахлеб, с душою.
Но первым не был никогда.
Но раз, со всею простотою.
Сказал начальнику - балда!

Послал его вдоль по Бурсунке,
Пошел на вольные хлеба,
Но он уж был не просто "Дунька"
Его уж родина нашла.

И, оценивши Гену-брата,
Ему предложил наш горком.
Тупую ржавую лопату.
Чтоб он подпер ее горбом.

Той развалюхой в районе
Сельхоз - хи-имия была.
В грязи, в болоте и в разгоне,
Как опухоль или кила...

Но наш Генаша-погранишник
Из грязи выросший давно.
Ни на минуточку не сникнув,
Взял в руки все это ...

И так крепенько ухватился,
Да, зубы стиснув, придавил,
Что скоро сам и удивился,
Чего с конторой сотворил.

И к самой, самой перестройке,
Блестела Химия как стол!
Забыли прежнюю помойку...
Но... Горбачев уже пришел...

Тогда-то нас и шуганули.
Чтобы не вздумали дурить,
Народ науськали, пугнули...
Ну, в общем... дали прикурить.

И вот мы оба оказались
В стране родимой не у дел...
Ох, дорогой товарищ Сталин,
Жаль ты дожить-то не сумел.

Не Бонапартий и не Гитлер
Хужее вороги пришли,
Ты немцев во - он куда повыпер,
Они же снова привели.

Они такого натворили,
Ты повернулся бы в гробу,
Разворовали, растащили,
Союз профукнули в трубу!

Да черт их бей, всех дерьмократов,
Хоть бы чего умели, блин!
Вот им бы ржавую лопату
Да закопать бы в той грязи...

Так нет, им плохо, что отмылись,
Им худо все, что нам добро!
Да ладно, не туда мы врылись.
Чего там с братом-то? Зеро?

Вот так и жизнь прошла быстренько,
И кто бы что ни говорил.
Чего наробил парень Генька?
Чего он в жизни сотворил?

Построил дом? Однако больше.
Родил и сына, да и дочь.
Взрастил свой сад не зло и молча.
Ну, чем стране еще помочь?

Прожил как мог, не зря, и даже,
Не грех завидовать ему,
И вряд ли кто сегодня скажет,
Что он не нужен ни кому.

И лишь одно конечно гложет,
Как червь в седеющей башке,
Еще он сделать столько может,
В родном артемовском мешке.

Да вот командуют однако
В "мешке" такие фраера,
Почти что борзые собаки,
И им не нужно ...

Ну, что, прекрасно все, братишка,
Рубеж настал, другой расклад.
Садись, пиши, как младший, книжку,
Про жизнь свою и про ребят,

Про лошадей и про границу,
Про план и вал, и про тупик.
Про длиннокосую девицу,
И про длиннющий жизни миг...

"Войну и мир" ты не напишешь,
Но внукам в помощь дашь урок,
Живи как можно дольше, слышишь!
Ведь жизнь, она как тот курок...

И никогда нам знать не можно,
Когда на спуск нажмет судьба.
А, в общем, все не так уж сложно...
Нажмет... ударит... и труба!

А, говорят, в трубище этой,
В конце, какой-то яркий свет...
Но если ты балбес отпетый,
То ничего тебе там нет.

А если стоящий мужчина,
То будет там стакан вина...
Давайте выпьем... за детину...
А вдруг там... нету ни хрена!

КОЩЕЕВУ АЛЕКСАНДРУ

Уж восемь дней до юбилея
А я грызу свой карандаш...
А вдруг я вовсе не успею?
Ведь ты мне Сашка в морду дашь?

Хотя какой ты с черту Сашка?
Тебе сегодня пятьдесят
Одетый в белую рубашку
Сидишь как тридцать лет назад.

А я, мозги свои натужив,
Тащу обратно пыль годов...
За тридцать восемь разных, вьюжных,
Я свой рассказ вести готов.

Я первый раз тогда увидел
Гармонь, над ней твои вихры...
И твой отец, с довольным видом...
И я... гляжу во все "шары".

Играл баян, смеялся, плакал,
А с ним стонала свадьба вся...
И гармонист усатый крякал,
Домой свою гармонь снеся.

Я был убит, я был раздавлен,
И... я тебя боготворил.
А ты, баяном тем придавлен,
Такую свадьбу сотворил!!!

Потом, немножечко попозже,
Мы в зимнем лагере с тобой...
Труба с баяном. Конь да вожжи...
На нас подъем, на нас отбой...

Потом на Кировке, на танцах,
Потом в туристах, на Реже.
Потом... потом... протуберанцы
В мозгах поехали уже!

Мы новый год в лесу встречали,
Под патефон и под баян,
На Булнаше... такое дали!
Что охнул дедушка Степан.

Ах, сколько славных юбилеев,
Когда-то там отведены.
Я за тобой тянулся, млея...
Но, до тебя ж как до луны.

Я помню, вы с отцом сидите,
Гармонь с баяном - кто кого,
Куда-то в стороны глядите,
Будто не видя ничего...

А пальцы! Звуки! Вихрь кружится!
Григорий "подъевреит" так,
Что Сашка на баян ложится...
А ну-ка, на еще вот так!

Смотреть такое - это счастье!
Не каждому дано узреть.
И никакого нет ненастья,
Лишь только слезы утерсть.

Я много думал, отчего же
Твоим сынам так не играть?
И вдруг вот понял. Разве можно
Тебя в искусстве обогнать!

Ведь ты играть прилично начал,
Когда отца перешагнул!
Твой сын... он поступил иначе,
Он просто play однажды ткнул!

Вот если б ты хоть раз сфальшивил,
Хоть раз бы плохо стал играть,
Они бы выросли большими
И захотели доказать!

Но, Бог простит, не всем в Европу,
Кому-то надо в Буланаш...
Как не лупи ребенку попу,
Талант ему не передашь!

Сегодня, годы вспоминая,
Я не могу забыть о том,
Что иногда душа больная
В затылок стукнет кулаком.

Что есть в моих делах промашки,
Что делал что-то я не так...
В Красногвардейск втащил я Сашку,
И говорю, что был дурак.

Я много делал несерьезно,
Уж морду, друг, не вороти
Не будь совсем амбициозным...
И просто... ты меня прости.

На восемь лет я к смерти ближе,
И ты меня не догоняй.
Играй немножечко пожиже,
Свое сердчишко сохраняй...

В машине езди осторожней.
Люби жену, люби детей,
И вот тогда уже, быть может,
Изгонишь из себя чертей.

Солидным наконец-то станешь.
Отростишь брюхо до колен.
И... лет четыреста протянешь.
Как югославский гобелен.

Красив, талантлив, и опрятен.
Не лизоблюд, и не блядун
Не злобен, всем друзьям понятен.
И только в музыке - колдун.

Когда свернув "в капитализму"
Страна нам кукиш подала,
Мы тоже ей подали клизму,
Чего терять-то - вот дела!

Баян он даже в перестройку,
Всегда останется баян,
А баянист пусть держит стойку,
"Гармонь" в руках и он не пьян!

И не горюй, что на подмостках
Московских ты не брал призы
Ты свой полтинник прожил просто,
И зря не рыпался "в тузы".

Но сколько светлого припомнят
Все те, кто рядом был с тобой...
Кто пел... кто чувствовал... кто вспомнит...
Так оставайся же такой!

Сто лет тебе тревожить души
Ты - нашей радости певец
Да... в общем ты меня не слушай...
Давайте выпьем, наконец!

НАКОНЕЧНОМУ А. Н.
НА 40 ЛЕТ.

Да, сорок лет, конечно, время,
Старик ты Саша уж совсем,
Еще не полиняло темя
Но ты и не гордишься тем.

Еще ты крепок на дороге,
Еще горит в глазах огонь.
Еще дрожат кривые ноги
Еще ты смотришься как конь.

Еще родил вчера сынишку
Какую девку соблазнил...
Сегодня видно выпьешь лишку
Да и вчера наверно пил...

Тебя замаяла работа,
Завод не то, что сельсовет,
Порой бы отдохнуть охота
А времени как прежде нет.

У Кожемякина не спросишь.
Пойду, мол, водочки попью.
Тут до конца беду износишь
И сердце лопнет. мать твою!

То чертежи, то железяки.
То блин, налоги, то воры.
Какой тут на хрен Кожемякин,
Хоть бы не сдохнуть до поры.

Да как тут сдохнешь! Мать честная!
Еще же сыну года нет.
Еще и Ленка молодая
Еще и Димке мало лет...

Еще б купить вагон металла.
Зарплату выплатить, а там...
Глядишь, и жить полегче стало,
А остальное - по болтам!

И вот сидишь ты в кабинете,
И на тебя я глядь со страхом
И ты как прежде мне в ответик:
Ну заходи скорей ....!

Такой уж есть ты Наконечный,
Да пусть и будешь ты такой,
Ведь ты не в платьи подвенечном,
Ведь мы работаем с тобой.

Ну а с тобой работать можно,
Порой кричишь во все хайло,
И матом дашь неосторожно,
Зато вообще не помнишь зло.

Не держиморда, не сутяга,
Не буду я тебя хвалить,
Но вот совсем не любишь брагу,
Красногвардейцем трудно быть!

Ружье купил, уже нормально,
Уже пол дела на закат,
Еще вот нужно фигурально,
Что б ты был кум и чей-то сват!

Тогда уж точно свой ты будешь
И лет до сотни проживешь,
И все, чего нигде не купишь
В поселке в общем-то найдешь.

Так будь счастливым, будь спокойным,
Печенку с сердцем береги,
Командуй правильно, достойно,
И материться не моги...

Ну а когда придет старуха
С кривой косой, лет через сто,
Ты ей шарахни молча в ухо
И опрокинь вот эти сто!

ПОПОВУ Г. М. НА 60 ЛЕТ

Дорогой мой Матвеич, лесная душа,
Неужели тебе шесть десятков?
Вот и жизнь уж прожил, матерясь и греша,
Все с рулем, солидолом да тряпкой...

Вот и стол перед нами, и твой юбилей
Гости добрые, вон ведь их сколько,
А ты завтра проводишь любимых гостей,
И останешься с бабкою только...
Бабка станет об тазик посудой греметь,
Ты же сядешь тихонько устало
И подумаешь так:
- ну едрит твою мать!
Вот и жизнь впопыхах убежала!

Вроде только что вот по Покровску гулял,
Первый раз словно утром побрился
Гимнастерку армейскую только что снял
Словно в прошлую среду женился...

И вот эти смазливые девки твои,
Словно только что бегали в школу,
А побольше полжизни ты им откроил,
А ведь не были босы и голы...

Поднялись словно елки в могучем лесу.

Забодай-ка попробуй какую.
Вот бы мать-то поднять... да внучат-то собрать...
Да открыть бы ей радость такую...

Но безжалостно время плетет свою нить
Под колеса летят километры,
С километрами жизнь у шофера летит
Только годы мелькают по ветру...

Сколько ж лесу ты вывез, родной человек?
Сколько груза провез по дороге,
Все ли горе изведал за прожитый век?
Все ли кончились в сердце тревоги?

Я был грузом твоим, откровенно скажу
Самым дрянным и хлопотным грузом.
Я же знал, что седьмым с тобой рядом сижу
С растолстевшим директорским пузом...

Семерых изводить, это подвиг, друзья!
Это вовсе не то, что полено...
Там - привез да и вывалил, здесь же нельзя...
А порой... так и дал бы коленом!

Но с тобой мы проездили целых семь лет
И когда ты ушел... я сломался.
И друзей вот таких на сегодня уж нет...
Ну... один ты пожалуй остался...

А ты помнишь, как ехали ночью, вдвоем,
И как ты материл меня рьяно,
Что работаю плохо, не вижу ворье,
И вообще, простофиля я драный!

Что народ костерит и начальство орет,
Что успеть не могу - замотался!
А я уши развесил и думал: ну вот,
Уж теперь-то серьезно попался...

Ну а как буксовали, нажравшись родимой земли,
Как в снегу задний мост разбирали...
На стучащем движке из Тюмени ползли
Как мешки по болоту таскали...

А как в тине приехали, пьяные в дым
С самой лучшей утиной охоты...
А когда было плохо, ты только один
Поддержал, успокоил, так кто ты?!

Да простой деревенский, нормальный мужик,
В горе крепок и в радости буен...
И в твои шестьдесят вовсе ты не старик
И еще мы с тобой попируем!

И еще постреляем в болоте чирков
И еще потаскаем мешочки
Лишь бы не было драк, лишь бы не было вдов,
Лишь бы нас не дожали до точки.

Эту блин перестройку мы переживем
Дал бы Бог на остаток здоровья,
Остальное мы купим, иль попросту где украдем,
И с врагом рассчитаемся кровью.

А сейчас, завершая длиннющий свой тост
Говорю тебе просто - спасибо!
В шестьдесят еще рано глядеть на погост,
Ты еще из обоймы не выпал.

Благодарен тебе я за все, что прошло,
Благодарен за мат, за науку,
И я знаю, что если бы где довелось,
Ты бы подал надежную руку...

Так живи же сто лет, так как жил шестьдесят,
Пей, работай, люби свою бабку,
Ну а я и сегодня, как пять лет назад
Пред тобою сниму свою шапку!

СУРЖИКОВОЙ МАРИИ С ГЛУБОЧАЙШИМ УВАЖЕНИЕМ.

Друзья мои, сидящие в застольи
Что привело вас в этот дом?
Застынь, замри, веселья водополье,
Я вас порадую стихом.

Сегодня здесь счастливая хозяйка,
Такая куча истинных друзей...
И даже самая простая балалайка
Все три струны и три аккорда дарит ей.

Так разве ж мне, заштатному поэту
Возможно ль оду Марье не писать?
Пусть у меня друзей-то столько нету,
Но есть язык, и есть чего сказать.

Сначала за стаканом - о работе.
Наш труд прекрасен и настолько мил,
Что редко кто из избранных народом
Как Марьюшка до пенсии дожил.

Одни не выдержав бежали без оглядки,
Другим - зарплата - слезы на бобах...
И лишь она, презрев гнетущие порядки,
Держала власть в неженственных руках.

Кому ж еще душой болеть в деревне?
И опыт и характер - за троих!
Всегда спокойная, всегда на гребне.
Людей не делит на чужих и на своих.

И... жаль немного, что уже не председатель,
Ведь слово-то придумали - глава?!
Какой-то в думе, иль в правительстве мечтатель
Наверно перепутал все слова.

Немного нас осталось здесь, из бывших
При коммунистах правивших в селе,
Хранивших власть, не плачущих, не нывших,
И все-таки оставшихся в седле.

И нужно было мужество, поверьте,
Когда среди словесной маяты
Средь перестроечной дурацкой круговерти
Одна в деревне остаешься ты.

Когда страну колотит лихорадка,
И предприятия в развалинах лежат,
Приходит к тебе вдовая солдатка
С коробочкой из десяти наград...

Когда сама сидишь, как будто нищий,
А ну попробуй выверни мозги.
И помоги. Дровами, кровом, пищей,
Ты власть в деревне, ты и помоги.

Уж как господь там на душу положит.
Как ты терпела, где ты что брала!
О том бабуля вовсе знать не может...
Но ты ей в ту годину помогла!

Потом страна, захлебываясь в стоках,
Совсем не зная, что куда определить,
Решила вдруг нахально и жестоко,
Все ЖКХ на плечи женские свалить.

И ты, с дипломом красным "ветврачиха"
Залезла в трубы, уголь, вентиля...
Хватила досыта мужицкого ты лиха,
Аж под ногами дрогнула земля.

Ты видела, как поднабив карманы,
Деревню покидали мужики
И кто был умным - становился пьяным...
Но ты же власть! И поступать так не моги!

И ты металась в цифрах, в сметах, в планах...
Из воздуха вы делали мазут...
И только прыгала блоха в твоих карманах:
В казне "фиг - вам" да и зарплату не дают.

И каждый месяц с бегунком по кабинетам!
Такую женщину! О, Господи, за что?
Чиновники! А вам видать и горя нету...
Ну, все, Мария. А сейчас ты кто?
Давай, садись теперь за мемуары.
Бумагу - сбросимся и купим сообща.
Соскучишься, так нас зови на тары-бары,
Звони, вари ведерка два борща...

А то подумай, может быть не время.
Служа народу, дольше не помрешь?
Хватай деревню милую свою в беремя
И... там уж верно, сколько пронесешь.

А через пару лет дозреет Кожемякин,
Устроишься на пасеку к нему...
Да, всяко может быть, конечно, всяко...
Сегодня нам об этом ни к чему.

Спасибо тебе, женщина, селянка из народа
За твой красивый и не в меру трудный путь,
За то, что ты была бок о бок с нами годы,
За то, что мы сегодня все вот тут...

За то, что где-то дети меньше плачут,
Что старики в тепле, что есть вода...
А сельсоветчик он ведь словно мячик,
На то и создан, чтоб летать туда-сюда.

Пусть будет тебе все, чего желаешь:
Семья, любовь и дивный огород...
Но ты поверь, я это точно знаю,
Еще тебе взгрустнется у ворот...

Еще не выдержав, в котельную позвонишь,
Еще ругнешься матом невзначай...
Ну, вот и все. Закончил. А не то прогонишь.
Давай-ка поздравленья получай.

ЮРЬЕВУ В.

Всего полтинник, Бог ты мой!
Как я завидую вам, Юрьев!
Такое было уж со мной...
Живи, цвети, не майся дурью.
Тебе же целых десять лет
Еще судьба дает отсрочки.
Уже потом пришлют привет
С отдела кадров... это точно.

А десять лет с твоей башкой,
С твоей настырною породой
Еще же сколько, Боже мой,
Ты пользы сделаешь народу.
И ничего, что иногда
Тебя клянут твои соседи,
Так было на Руси всегда -
Пророков не было в комбеде.

Потом, когда уже помрешь,
Преклонит Буланаш колени,
А нынче, плох ты иль хорош,
Ты все равно еще не гений.
И знаешь, мой тебе совет -
Упрись, как следует ногами,
А ежели опоры нет,
Так матерись и рви зубами.

Поселок твой, и ты один
Сегодня для него защита,
С тебя и спрос. Разбейся в блин.
Ты раб его, а не элита.

ВЛАДИМИРОВУ М. К. НА ЮБИЛЕЙ.

Что сказать вам, друзья, вот и Мишке под старость уж брякнуло
Уже мне шестьдесят, про него - даже слов больше нет.
А иные дожить не смогли, просто взяли да...
"крякнули"...
И пришлось собирать всех друзей на горячий обед.

Я услышал когда, что... в столовую нужно... к Кирилычу...
Думал все, отошел... наш бродяга в тот призрачный мир,
Даже слезы давил, сам себя потихоньку насилуя
Двое суток не ел, собираясь на траурный пир.

Но напрасны мечты и в компьютере речь заготовлена
Жив однако еще этот рыже седой остолоп
Обманул меня ты, знать другое тебе приготовлено
И сегодня скажу я тебе неприятное в лоб!

Уж недолго тебе, успокойся и даже не взлягивай.
Ты подумай как жил, что ты в жизни своей натворил
Сколько добрых людей по ночам стали в ужасе вздрагиваать
Потому что их в горы Михайло однажды сводил.

Что ты людям принес, окаянную страсть и страдания,
Отобрал их покой и какую-то жажду вселил
Начались для людей по тайге и по рекам скитания.
Что же ты натворил. Ну а ты их хотя бы спросил?

Ты как вирус, как СПИД, от тебя просто так не избавиться

Там где ты побывал - беспокойство, томленье и зов.
И не верь никому, что такие мучения нравятся
Уже прокляты все, кто бросает родительский кров.

После встречи с тобой человек как навек за зомбирован,
Он скорее шахид чем нормальный лесной асмодей.
И не вырвать тебя, ты как зуб, что не так запломбирован,
Ну родится же право на свете такой вот злодей!

Я на карту Союза с тоскою гляжу и в отчаянии,
Ты здесь все истоптал словно заяц в свой заячий гон.
Я в Саяны гляжу, но и там, из-за горки нечаянно
Твои уши торчат и рюкзак твой, как старый огромный вагон.

На Камчатке медведь ловит рыбу и матом ругается,
А в Сибири карась в грязь зарылся и в компас глядит
Ханты пьяные в дым до сих пор пред людьми похваляются,
Что когда-то с тобой пили спирт, и вели по тайге аудит.

Вспомни старый злодей, сколько люду угробил прекрасного,
Приучил из ковша пригорелую кашицу жрать
Заварухой кормил и скулили - стонали напрасно мы
Придавить бы тебя еще там на востоке... каб знать.

Но ты вел нас вперед, и мы шли за тобой зачарованно
Только ты, как всегда, знал обратно дорогу домой
Мы горели, тонули, на пузе ползли завербованные,
И откуда ты взялся на горюшко наше такой?

Ты своих дочерей не жалея к мешкам приспосабливал

Ты жену понуждал, но она оказалась умней
Оглянись поскорей, все, кому ты идеюшки вдалбливал
В сострадании колени склонили пред ней.

Как она-то тебя столько лет все же терпит проклятого,
Посмотри на себя, даже талии нет ни хрена,
Рыжий, страшный да злой, и тебе разрешили с ребятами?!
Как мне жаль тех детей, их уже на совсем потеряла страна.

Правда, грех не признать, что народ тот, тобой завербованный
Так стоит на ногах, что оглоблей не с маху собьешь.
Держит их на ветру странный стержень тобою дарованный
И по блеску в глазах их в толпе просто так узнаешь.

А ведь твой ученик в Антарктиду снес флаг нашей Родины,
На какой-то горе там во имя твое укрепил.
Ни один же из нас не закис, как гнилая колодина,
Видно правильно ты всех нас жить и любить научил.

Уж недолго тебе. Ну, еще лет так двадцать пробрякаешь
Нас еще соберешь на восьмой, недалекий совсем юбилей,
Затируху свою для беззубых и старых состряпаешь,
А потом, после ста... если хочешь - возьми околей.

Вот старуха с косой потихоньку в квартиру затащится
И такой разговор состоится с тобой у нее:
- Ну, чего ты не спишь, ну чего на меня ты таращишься
Собирайся, давай, уже кончилось время твое.

На фиг нужен ты здесь, уж рюкзак не собрать, не напыжиться,
Да и сгнил твой рюкзак, да и сам ты как пень на юру,
Слышишь, черти поют, эта песня лишь избранным слышится
Поднимайся, пойдем и присядем с чертями к костру.

Сковородка твоя там давно уж, мой друг, раскаленная,
Я тебя доведу, старый компас не следует брать,
У тебя позади жизнь такая счастливо-огромная,
И недолго тебе за грехи твои нужно страдать.

Да какие грехи! Да тебе и грешить было некогда!
Из похода в поход, а откуда грехи средь коряг?
Правда, выпить любил, ну да это не та беда
Вот пожрать ты, Владимиров, был далеко не дурак!

И сегодняшний стол как немое тому подтверждение
Выпить мы собрались, ну а повод - какая беда...
Каждый вмажет пятьсот и вот здесь огласит свое мнение,
И еще по пятьсот а потом уже все - ерунда.

Так что будь на коне, наш Владимиров - наше проклятие,
Ты не зря в своей жизни повозку ботинок сносил.
Ты не старый еще и... давай, занимайся с ребятами.
Им бежать за тобой и у них предостаточно сил.

С днем рожденья тебя и не дай тебе Бог успокоиться
Бурных речек тебе и высоких заоблачных гор.
Сколько силы в тебе под личиною старости кроется.
Мы не судим тебя, ты пока еще сам прокурор!

НУЖИНОЙ Н. Н.
НА 50 ЛЕТ.

Что я могу еще сегодня,
Когда тебе и так сполна
Все накрутили "рифмов модных"
И ты возвышенно полна...
Цветешь на сцене как фиалка
И греешь песней целый зал,
И несен для людей не жалко...
Ах, как красиво я сказал!

Но... кончен бал, погасли свечи,
Гитару в угол и опять
Тоска опустится на плечи...
Ну чем проклятую унять.

Уж двадцать пять минуло вьюжных
Морозных ветреных годов,
Как ходишь в клуб дорогой кружной
Среди морозовских столбов.

Я помню юною девчонкой
Пришла тогда ко мне в партком.
Глаза сияли, голос звонкий
Как будто дунул ветерком...

Желанье дикое работать,
Неси культуру в массы... блин!
Я только мог глазами хлопать...
Когда остался там один.

И ты пошла звенеть гитарой
И петь и плакать под баян...

Ну а поселок тары-бары
Развел, и стал искать изъян.
Ну, как же можно, чтобы кто-то
Красив и молод... звонок смех...
Вдруг сделал доброе чего-то,
Не в свой карман, а так... для всех..

- Да никогда! Да не допустим! -
Ох, давит жаба языки! -
А нет изъяну, так напустим.
И понесло из-за реки...

А ты сердца рвала струною
И все "родное сволочье"
Башку склоняло пред тобою...
Под нос пыхтело: "Ё- моё!"

А ты несла им свет и песни,
И красоту, "что мир спасет",
Ждала, что может дурь-то треснет
Да и дремучесть разнесет.

На "визготеках" пьяни пела
И набрала такой разгон,
Что завораживать умела
Хоть зал, хоть "голубой вагон".

И грязь пустопорожних слухов
Слетала вся, как шелуха.
И радость музыки не тухла,
Дышал баян в свои меха.
А люди трудно но привыкли,
Что в этом месте бьет родник...
И потихоньку в грязных мыслях

Дух уважения возник.

Тебе "поверили" как будто
Ты виновата в чем была...
Такой вот наш поселок "мудрый",
Такие "мудрые" дела.

Я тоже раньше думал точно,
Что жизнь такая... и народ...
Что испытание на прочность
Всех молодых по жизни ждет.

Ан нет, сегодня верно знаю,
Чем шире к людям ты душой,
Как должное воспринимают,
Как пайщики души большой.

Как будто должен всем и всюду,
Ты менестрель, живешь для всех!
И плакать и смеяться будут...
Но ты - не смей включаться в смех.

Вот за счастливые минуты
Платить не будут ни шиша.
И не расскажешь ведь кому-то,
Что нет в кармане ни гроша,
Что хочешь есть, одеться хочешь,
Да просто жить, как все кругом...
Что по ночам подушку мочишь
И что мечты все кувырком...

Одна воспитываешь сына...
Одна... одна... всегда одна.
А люди... люди дышат в спину и...

Никому ты не нужна.

Ты им нужна когда в угаре
Им надо топать и орать,
Ты как прилавок на базаре...
Но ты же женщина, ты мать!

Ах, сколько нужно силы воли,
Чтобы тащить такой вот воз,
Всю жизнь тащить до жуткой боли,
И в душу не пустить мороз.

Остаться доброй и красивой,
Прилично петь, учить детей...
И... даже, может быть, счастливой,
На зло ораве этой всей.

Ты свет несешь, такая доля,
Такая вот твоя струна...
На все видать Господня воля,
Ты все же в жизни не одна.
И когда в клубе вечерами
Вдруг зажигаются огни,
Приходят люди за мечтами,
За красотой идут они.

И ты, как Данко, в темнотище,
Им сердцем освещаешь путь...
Они находят то, что ищут,
Несут с собой в далекий путь.

И твой огонь пылает в каждом,
Пускай порой не много дней,
И каждый вдруг поймет однажды.

Что стал счастливей и нежней.

А ради этой вот крупицы
Наверно нужно жить и петь!
От песни - капельки водицы
Возможно дереву расцвесть.

Кому же быть судьей сегодня?
Кому итоги подводить?
Всей твоей жизни принародной...
Да ну их всех! Давайте жить!

ПАНЧЕХЕ ВИТАЛИЮ.

Панчехе Витьке пятьдесят?!
Да быть не может никогда,
Напрасно люди говорят,
Не верьте - это ерунда!

Шестой десяток разменял?
Завяла липа под окном,
Ну, кто такое вам сказал,
Что стал он старым пердуном?
Вы посмотрите он какой,
Мурло лоснится как арбуз,
Крепки рука с кривой ногой,
И на работе словно туз.

А ночью выйдет в огород...
Соседям страх, жене - покой...
А как плеснет бутылку в рот
Так хоть привязывай... какой!!!

Ну, где тут годы, где тут пыль?
Еще и лысины-то нет,
Еще в душе шумит ковыль
И вольный ветер дует в след.

Еще соседка молодая
Вздыхает ночью втихаря,
Что он ее не замечает,
Что отцветает она зря...

Но стоп, ребята, годы, годы,
Они щадят лишь тех, кто там...
А с ними беды и невзгоды
Все ближе, ближе лезут к нам.

Уже давно мы не косили,
С бидоном браги у ноги,
Да и мешочки не носили
Зимой у Каменки-реки.
Уже давно не буксовали
Урал устроив в плавуны,
И, матерясь, не выжимали
На дальнем озере штаны.

Уж нет лихих мотоциклистов
На буйных проводах зимы.
Жизнь полетела как-то быстро,
Хоть пой, хоть плачь, стареем мы...

А за столом все те же люди...
Но время свой наводит лоск.
И что там завтра с нами будет...
Скрипит похмельный старый мозг.

Уж двадцать лет промчалось ныне
Как с ним свела судьба меня,
А в сердце так порой заклинит
Как будто минуло два дня.

Как будто только что Григорьич
Зажег на просеке пенек...
И на губах взъиграет горечь
Шальных неезженых дорог...

И каждый день, мелькнувший быстро
Уносит радость и печаль,
И промах, и удачный выстрел...
В туман, в заоблачную даль...
Но лишь одно непреходяще,
Чего в полста уж не сыскать,
То счастье дружбы настоящей,
Которой края не видать.

И я сегодня рад безбрежно,
Что здесь присутствую и пью
За юбилей, за вас с Надеждой,
И... за привязанность мою!

И пусть тебе не будет горя,
Пусть будет полон дом гостей...
Но все же... средь людского моря...
Не много сыщется друзей.

РОМАНОВОЙ Л. В.

Ну, здравствуй, Романова, здравствуй,
Ругать нас пока не спеши,

Сегодня вот вечер ненастный,
Ну, просто воротит с души.

Тем более новость такую
Тебе сообщаю как раз
Наверное, в пору иную
Ты мне саданула бы в глаз.

Приехать, как видишь, не можем,
Да ладно, орать, погоди,
Горит от стыда моя рожа,
Ну, что еще там впереди...

Живем мы ни шатко - ни валко,
Подняться не можем никак,
Порой до того себя жалко
Сидишь и скулишь, как дурак.

Тебе это горе знакомо,
Как будто бы крыша пошла,
Вот чувствуешь, вроде бы дома...
И шаришь глазами в углах...

Идешь на работу как робот,
С работы - куда б - не домой...
Еще лет пятнадцать до гроба,
Наверное, жизни такой.

Ну, что ж, скулежом не поправим,
Нахально туда не попрем...
Давай эту тему оставим,
И вспомним, а после споем!

А помнишь ту грязь на дороге,

Овес на раскисшей земле,
В канаве скользящие ноги...
И я молодой на седле...
А рядом жена и сынишка.
Ни кожи - ни рожи, ни глаз...
И вы. Запорожец как шишка,
А в нем... До хренуленьки вас!

Вы мой мотоцикл развернули,
Вселили надежду в мой лоб
А после с Романовым дули
Холодное пиво взахлеб!

Ох, сколько годочков минуло,
С той дивной поры молодой,
И жизнь уже мордою ткнула
Не раз об огрызок гнилой.

Но каждое лето как птицы,
Летели на озеро мы,
Не ради соленой водицы
А ради красивой страны.

Мы сами ее создавали,
Красивую нашу страну.
И вряд ли тогда понимали
Кто нас в это чудо тянул.

Но только июнь наступает,
В Копейск! Хоть трава не расти!
И снова избушка родная
Артемовцев ты приюти...
Ах, вишня - не видно окошка,
Ах, яма и Прайс на цепи...

Еще, ну еще бы немножко...
Но, двум москвичам не войти!

Ограда со старым навесом,
Отборнейшей рыбы ведро.
И два полупьяных балбеса,
Вот так вот тебе и везло...

Всегда ты была заводилой
Хоть жарить, хоть парить, хоть пить.
Громадное слово Людмила -
Желанье громадное - жить!

С тобой мужикам интересно -
Ты ж все номера назубок,
Подшипники, сальники, честно,
Освоить я так и не смог!

Сегодня квартира и люстра,
И видик, и центр, и балкон,
Пусть здесь и уютно, но пусто...
Избушка! Вот там был Бомонд!

Но видно крутую науку,
Должна в этой жизни пройти,
Вошло к тебе горе без стука.
Попробуй его проводи...
Однако ты не спасовала.
В разнос не пошла - чуть жива
Ты смяла его, прожевала.
Ты места ему не дала!

С колен поднялась средь дороги,
Плечом растолкала хламье.

Назло даже Господу Богу
Поставила дело свое.

Еще получила ударчик,
Да сколько же их впереди?
Тяжелый у Бога подарочек
Но ты не кричала - Прости!

И вот постучался полтинник?!
Как черного хлеба кусок.
И жизнь не такая уж длинная,
Еще не седеет висок...

И есть еще Лена и Катя.
Хотят они кушать и пить,
Нужны им красивые платья,
И нужно еще их учить...

Вот Ленка как станет судьею!
Да твой переступит порог!
Тогда разберется с тобою.
Коль Боженька даже не смог.
А в общем... прости, что нас негу.
Да я и прощенья не жду.
Ведь ложка дороже к обеду...
А я уже после приду...

Желаем тебе мы немного,
Друзей полный дом и подруг,
До сада ровнее дорогу,
От горя очерченный круг.

Чтоб елось, пилось, и хотелось,
И где тебе нужно - моглось,

Была бы азартность и смелость,
И сердце бы не взорвалось...

Живи двести лет молодая.
Живи всем корягам назло.
Спасибо, что есть ты такая,
Вот в этом и нам повезло.

ШИРШОВЫМ АНДРЕЮ И ТАТЬЯНЕ В ДЕНЬ БРАКОСОЧЕТАНИЯ.

Как хорошо, что пригласили вы меня
На торжество семейного создания,
И стол накрыт, и гости в сборе все
И кубки полнятся вином шипучим.
Я счастлив, что понадобился вам,
Не знаю уж зачем, но все равно приятно.

Сегодня день у вас решительный большой,
Что впору прыгать, веселиться и... подумать.
Связали вместе вы судьбу веревкою такой,
Что разорвать ее не хватит силы и у Зевса.
Вы счастливы сегодня, счастье разделить
И мы пришли, и принесли, что Бог послал
И то, чего самим не жалко... сегодня старт,
Сегодня все рули направлены вперед!
И пусть ваш грот скрипит под ласковым напором ветра.

Но это все начало из начал, мы все на берегу
Счастливо улыбаясь, верим в счастье,
Но вот сокроется из виду наш причал
И волны вздыбятся вокруг, погаснет солнца луч.
И для того чтобы вернуться восвояси

Понадобится столько пота, сил, и адского труда,
Что далеко не всем придется увидать родные веси.

И вы сейчас, воркуя в гнездышке своем,
Все верите в любовь, и чувства, в честь и веру,
Не знаете еще, что ждет вас на пути такая суматоха,
Такие, блин, соблазны... такие стрессы... Господи прости!
Вашей семье, как каравелле в море
Придется плавать по штормам, ломая мачты, паруса теряя.

Придется вам узнать, как лучший друг
А хуже во сто раз, как лучшая подруга,
Подводный камень на пути найдя, потянут ваш корабль,
И поведут в волнах ночных, желая утопить,
Желая оторвать лишь для себя семьи вашей кусочек.

Придется вам познать и бунт на корабле,
Когда один из вас решит, что он перестарался,
Решит что тот, другой, поменьше вложил сил
Побольше взял себе... нашел на стороне...
Да мало ли каких в башку вам накидает мыслей дьявол.

Потом, когда до вас дойдет, что создана семья
Лишь для рождения детей, отцов достойных,
Когда уверуете вы, что кончились мечты,
И чувства ваши не вольны, и вы не властны над собою
И лишь обязанности есть у вас с рождением ребенка!
Вам станет страшно за себя! Неуж-то все?!

И... если мачты устоят, и не закончится вода
И пищи хватит одолеть пучину моря,
И всех врагов перемолов, презрев наветы, клевету,

Казну растратив, крепче за руки возьметесь,
Вернуться на причал родной вам разрешит Господь.

И вы уже втроем, в родном гнезде, с любовью новой.
Поймете смысл бытия, найдете новый вкус любви.
Узнаете как мелко все,
Что так еще недавно основным казалось.
И мудрость снизойдет на ваши пламенные лбы,
И нежность новая защиплет вдруг внутри струной
тугою...

Но вот достигнут перевал, достигли вы высот...
И некуда лететь, нет высоты для вас недостижимой,
Вы гордо будете парить, верша свой бал, творя дела
Угодные и людям и, наверно, Богу
И будет ваш багаж работать лишь на вас,
Все что отдали людям, вы получите обратно.

Я Господа молю за вас, что б в вашем багаже
Добро над злом всегда преобладало,
Ведь вам придется получить лишь то, что людям вы
отдали,
Чужое зло к вам не прильнет, но и добра вы не получите
чужого.
И все желания исполнятся у вас, и будет все у вас,
Когда вам это все совсем не нужным станет.
Избытка вы достигнете тогда вещей материальных,
Когда исчезнет к ним почти весь интерес,
И лишь душа, полета запросив,
Вас уведет в недосягаемый простор, к любви и чистоте,
навеки.

Вот ваша жизнь, вот все, что ждет вас впереди,
Я не открыл для вас известий неизвестных, тайных...

Я с высоты своих седин лишь скромным опытом делился.
Все люди одинаково живут, и все уходят к Богу в одночасье,
Закончив школу на земле.
Пусть вам везет на стоящих людей,
Пусть будет ветер ласковый в ветрила ваши...
А счастье лишь тому дано,
Кто сможет выполнить свое предназначенье.

ВАНДЫШЕВУ С. В.

Уходит мент на пенсию, ну что ж,
Страна не вздрогнет, Россель не заплачет...
И только в маленьком поселке, наш народ
Поймет, как много для поселка это значит.

Поймут и жулики, пока придет другой,
Пока научится - им можно порезвиться.
Поймут начальники, что стала жизнь иной
И по поселку будет стимул материться.

Поймет жена, что кончился кошмар
Ночных звонков уж более не будет
И муж уже не лошадь, не товар...
И станут жить они, наверное, как люди.

Поймет и сам, потом, когда-нибудь,
Когда уйдет из жизни суматоха,
Что жизнь красива и прекрасна, кем ни будь,
А просто жить - не так-то уж и плохо.

Уходит мент на пенсию, ну что ж ...

Он выслужил свои года лихие.
А служба, как ты к ней ни подойдешь,
Не жизнь, а служба, а менты - плохие.

Но все же душу будет тебе греть
Сознанье гордое - ты столько грязи вывез...
И как с какого краю посмотреть,
Счастлив ли тот, кто в генералы вылез.

Ты чистил жизнь от всякого хламья
И день и ночь, зимою и весною,
И вот сегодня говорю спасибо я
Судьбе, что рядом был с тобою.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТИХИ

РАННЕЕ. - 3
ОПТИМИЗМ - 49
ПЕССИМИЗМ - 161
ПЕРЕСТРОЙКА - 215
ПРИРОДА - 223
ЧУВСТВА С ПОЗИЦИИ... - 248
РАБОТА - 283
ПЕСНИ - 298
ЮБИЛЕИ - 313

Авторский оригинал и набор - Н. Кожемякин.
Дизайн - К. Ознобихин.
Компьютерная верстка - Н. Волгаев.

Отпечатано при спонсорской помощи В. Н. Рожина.

Отпечатано в ООО "Режевской Печатный Дом"
623750, г. Реж Свердловской обл.,
ул. Бажова, 15. Тел. (34364) 3-50-77
Заказ 156. Тираж 100. 2008 г.